НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА

Вып. 3

63.3(253.3)
К Б30

С. В. БАХРУШИН

ОСТЯЦКИЕ И ВОГУЛЬСКИЕ КНЯЖЕСТВА в XVI—XVII веках

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА
ЛЕНИНГРАД
1935

-9336-

63.3(2)4 9(1
Б-

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА

ИЗВЕСТИЯ ВЫП. 3

С. В. БАХРУШИН

ОСТЯЦКИЕ И ВОГУЛЬСКИЕ КНЯЖЕСТВА в XVI—XVII веках

9336

ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКАЯ
ОКРУЖНАЯ БИБЛИОТЕКА
Омской области

9336

Краеведческий
ФОНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА

ЛЕНИНГРАД 1935

The Scientific Research Association of the P. G. Smidowitch's Institute
Peoples of North under the Central Executive Committee of USSR
Bulletin Issue 3

S. W. BAKHRUSHIN

Ostiak and Wogul principalities in XVI—XVII centuries

Leningrad 1935

Ответств. редактор *Я. Алькор* Технич. редактор *Д. Кологриви*

Сдано в произв. 3/VII 1935 г. Подписана к печати 22/X 1935 г. С.-ф. 62>94.
Зак. № 1925. Тир. 1500. Печ. л.—5½. Кол. зн.в 1 п. л. 52576. Ленгорлит 25729.

Тип. Районного Изд-ва «Звезда». Новгород, Кремль.

I

Русские впервые узнали об остяках и вогуличах через посредство коми-зырян, живших на Печоре и на Вычегде, как это видно из коми-зырянских названий: югра (егра)[1] и вогулы (вэгул, дикий), под которыми эти племена стали известны русским.

Уже в XI в. имя „Югры" было присвоено новгородцами угорским племенам, жившим к востоку от Печоры, не доходя Уральских гор[2]. Объясачив печеру (вероятно, одно из коми-племен), жившую на реке того же имени, новгородцы проникли в их страну.

В этот период истории остяки, повидимому, обитали еще на западной стороне Уральских гор, но позже (для XIV в. это можно сказать совершенно определенно) их местожительство было на нижнем течении Оби.

Дорогу в Югру открыли новгородские торговые люди еще в XI в.; с XII в. Югра вошла в состав колониальных владений Великого Новгорода, хотя зависимость ее от знаменитого торгового города была далеко не крепка. Дело ограничивалось наездами новгородских даньщиков для сбора ясака; правильное поступление дани то-и-дело нарушалось восстаниями туземцев, и новгородцам приходилось организовывать карательные экспедиции для усмирения своих данников, экспедиции, нередко завершавшиеся истреблением новгородской рати[3].

Первоначально имя „Югры" присваивалось народу: „Югра же людье есть, язык нем, и соседит с самоедью на полунощных странах"[4]. Позже оно было приурочено к определенной географической территории, а именно к бассейну притока реки Оби — Сосвы с Сыгвой.

Совершенно точно положение Югорской земли устанавливается „Книгой Большого Чертежа", основывающейся на источниках XVI в.; согласно ее данным, от устья Оби идут вверх „Обдорские грады", а выше Обдорских градов — Югорские, а выше Югорских

---

[1] Название „югра" присваивалось, повидимому, тем племенам, которые позже назывались остяками; однако в их числе были, несомненно, и некоторые вогульские племена (ляпинские вогуличи).

[2] Лаврентьевск. летоп., изд. Археогр. ком., стр. 227.

[3] Новгородск. летоп. по Син. списку, изд. Археогр. ком., стр. 361, 366, 369, 426.

[4] Лаврентьевск. летоп., изд. Археогр. ком., стр. 227.

градов — Сибирь". Еще точнее выражается она дальше: „А те грады по Сыс(г)ве и по Сосве — Югра" [1]. С этим определением совпадает показание разрядных книг и Вологодско-Пермской летописи XV в. и начала XVI в. Жители Югорской земли фигурируют в XV и в XVI вв. под именем „югричей" [2].

Таким образом в понятие Югорской земли отнюдь не входила вся территория, населенная теми племенами, которых впоследствии русские называли остяками. В XV в. рядом с нею источники называют Обдорь на берегах Обской губы и выше Югры по Оби — Куду или Коду. С другой стороны, основной территорией ее был бассейн Сосвы, населенный собственно не остяками, а вогуличами. Самый термин „Югорская земля" или „Югра" выходит из употребления уже в самом начале XVI в. Последний раз он встречается в одной грамоте 1606 года [3] и в тех источниках, которыми пользовалась „Книга Большого Чертежа".

Название вогулов (вогуличи, гогуличи, богуличи) входит в употребление в XIV в. в связи с распространением московского влияния на Вычегодскую Пермь. Кажется, в первый раз вогуличи упоминаются в летописи под 1396 г. в числе народов, обитавших в соседстве с Пермью [4]. В XV в. и в первые годы XVI в. русские источники уже знают под этим именем зауральских пелымских вогуличей, на которых ходили походом московские воеводы.

Название вогуличей сохранилось и в позднейшее время для племен, обитавших на Туре, Тавде и Конде в Зауралье и в бассейне Камы на западе от Урала. Племенам же, известным раньше под именем Югры, с XVI в. присваивается татарское название „уштяк" или „остяки".

Трудность точного географического распределения народностей, называемых в актах вогуличами и остяками, заключается в случайности употребления обоих терминов. Русские плохо разбирались в племенном составе покоренных ими народов; а в отношении остяков и вогуличей это было тем более затруднительно, что и по языку, и по внешнему облику, и по быту они были очень близки между собою, и во многих местностях между ними произошло почти полное смешение. Так, остяками русские называли и ляпинских вогуличей. В виду невозможности вполне точно на основании позднейших данных корректировать сведения XVII в. нам приходится пользоваться в настоящем исследовании словоупотреблением старых русских актов, лишь учитывая указанное различие. Точно так же называли русские остяками и некоторые племена, совершенно отличавшиеся от них, в первую очередь нарымских остяко-самоедов. Впрочем, уже Спафарий отметил разделение

---

[1] Кн. Бол. Чертеж., изд. Спасского, М. 1846, стр. 203, 207.

[2] Новгородск. летоп., стр. 426. Сибирск. летоп., изд. Археогр. ком., стр. 17.

[3] Сибирский Приказ, кн. № 1, л. 18. Фонды Сибирского Приказа хранятся в ГАФКЭ (Госуд. архив феод.-креп. эпохи в Москве).

[4] Полн. собр. летописей, т. XI, стр. 165.

так называемых остяков на две группы, резко отличные: собственно остяков („кандаях") и „чугулов", называемых в настоящее время остяко-самоедами (селькупами). „Только у них, хотя и един народ и вера одна, — пишет он, — однако языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют" [1]. Наконец, под именем остяков известны были русским и кеты (так называемые енисейские остяки). В настоящем исследовании устранен весь материал, относящийся к этим двум группам „остяков", поскольку, по крайней мере, это позволяли источники.

Вогуличи занимали в XVII в. оба склона среднего Урала, захватывая на западе верховья Печоры, Вишеру и притоки Камы — Косву, Чусовую и Сылву с Иренью [2], а на востоке — Тавду с Сосвою и Лозьвою, Туру с ее притоками и Конду и еще некоторые пункты поблизости от указанных рек. Места поселения вогуличей приходились таким образом на Верхотурский, Туринский, Пелымский и отчасти Тобольский уезды.

Почти исключительно вогуличами был населен Верхотурский уезд. Здесь вогуличи жили на реке Сосве и ее притоке Ляле, на Лозьве, на Туре, на Тагиле и на Салде, на Невье и на Мулгае; кроме того, имелись вогуличи и в окрестностях Аятского озера, где они жили смешанно с татарами. Туземное население уезда было очень редко; в 20-х годах XVII столетия ясачных вогуличей здесь было около 200 человек. К Верхотурскому уезду были приписаны также вогуличи, жившие к западу от Урала — на Косве и вверх Чусовой реки, а до 1607 г. и вишерские вогуличи [3]. Вогульские „жилища" из Верхотурского уезда тянулись вниз по Туре в Туринский уезд. Здесь, однако, вогуличи, жившие среди татар и сами сильно отатарившиеся, не поддаются выделению из общей массы туземного населения: русские документы жителей одних и тех же юртов называют попеременно то татарами, то вогуличами, то остяками. Почти сплошь вогульским являлся Пелымский уезд, расположенный по Тавде с ее притоком Пелымью и по Конде: волости Низ-Тавдинская, Тахтанская, Верх-Пелымская, Ворьинская, Вагильского озера, Сосвинская, Лиственничная (Подгородная), Леушская, Большая Конда. Впрочем, в южной части уезда в двух Табаринских волостях вогуличи подверглись сильному татарскому влиянию. По данным 1628/29 г. в Пелымском уезде считалось 624 ясачных людей; и в те же годы в Табарах 70 вогуличей сидело на пашне [4].

Несколько вогульских волостей имелось и в Тобольском уезде, например, Ясколба и Лоймытамак на р. Лойме, Юконда, в кото-

---

[1] Путешествие Спафария, изд. Арсеньевым, стр. 83—84.

[2] Повидимому, под сылвенскими и иренскими остяками или татарами источников надо понимать вогуличей.

[3] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 423 — 447. (Ср. ясачную книгу 1626 г. напечатанную в извлечениях Дмитриевым в „Пермской старине", VII стр. 170 — 175) А. И., т. II, № 82 (II).

[4] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 400об., 645а — 671.

рой вогуличи жили в начале XVIII в. смешанно с остяками, городок Кошуки, городок Чандырь, в которых в 1628/29 г. числилось 184 человека; но процесс татаризации тобольских вогуличей шел здесь так быстро, что не всегда легко выделить вогульский элемент из общей массы татар[1].

Наконец, в Березовском уезде под именем ляпинских и сосвинских остяков, о которых будет сказано ниже, повидимому, обитали те же вогуличи.

Остяки в XVII в. жили по течению Оби, начиная от впадения в нее Вас-Югана, вниз до самого устья. В более раннюю эпоху территория, занятая ими, простиралась на запад за Урал, и еще в XVI в. мы находим отдельные „остяцкие улусы" в соседстве с Строгановскими вотчинами на Сылве[2]. Если верить русским источникам, и в вогульских юртах Туринского уезда в конце XVI в. еще жили остяки. Но если мы не имеем здесь смешения остяков с вогуличами, то это были лишь обломки прежнего остяцкого населения.

Татары, захватив земли между Тоболом и Иртышом, отчасти ассимилировали живших здесь остяков и вогулов, а главную массу их оттеснили на восток.

В XVII в. „страна остяцкая" начиналась на Иртыше между впадением его в Обь и устьем Тобола „яко тихим плаваньем в трех днех от Тобольска". По данным Спафария, „остяцкие жилища" начинались деревнею Лебоут, ниже устья Туртаса, в 103 верстах от Тобольска[3]. К числу остяцких волостей Тобольского уезда относятся городки Назым, Нарым, волость Цынга или Цыньяла, три волости на р. Демьянке, Меньшая Конда на нижнем течении Конды, возможно, что и некоторые другие волости, о которых у нас нет точных сведений, могли быть тоже населены остяками. В названных волостях в 1628/29 г. насчитывалось более 140 человек[4]. У впадения Иртыша в Обь находилась остяцкая Белогорская волость, разбитая между двумя уездами: Тобольским и Сургутским. Далее по Оби и вниз до устья и вверх приблизительно до Нарымского уезда мы имеем почти сплошное остяцкое население.

Расположенный по нижнему течению Оби Березовский уезд в XVII в. был весь заселен остяками и вогулами, которые обра-

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 376об., 378, 380, 380об. Эти волости были, повидимому, отатарены в течение XVII в. Миллер (портфель 506, л. 93) в одной из своих рукописей пишет так о кошуцких и табаринских вогуличах: „Понеже они из древних лет женитьбою с татарами соединялись и притом також язык и поведение в житии приняли, то ныне надлежит их более почитать за татар".

[2] Дмитриев. „Пермская старина", вып. IV, стр. 134 — 135. Правдоподобнее, что это не остяки, а, как сказано выше, вогуличи. Впоследствии они были известны под названием сылвенских и иренских татар.

[3] Путешествие Спафария, стр. 34. Гр. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком. СПБ. 1884, стр. 23 — 24. ГАФКЭ. Портфель Миллера. № 506. Миллер (л. 96) считает тоже последними татарскими вол. Туртасскую и Уватскую.

[4] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 372 — 373, 375 — 377.

зовывали здесь несколько волостей: 1) близ устья Оби волость Обдорь с городками Войкаром (Ночным), Уркаром (Белым) и Каменным; 2) на правом притоке Оби Куновати — Куноват с городком того же имени; 3) на следующем большом ее притоке справа Казыме — Казым с городками Казымом, Кинчикором, или Кельчикором, и Черикором; 4) на левом притоке Оби Сосве — волости Сосвинская и Естыльская; 5) на притоке Сосвы Сыгве — Ляпинская с городками Ляпиным, Мункосом и Юилом; 6) около Березова подгородные юрты; 7) выше Березова по Оби были расположены так называемые Кодские городки (12 городков и Килдысанские юрты), составлявшие до 1644 г. независимое княжество; 8) на левом притоке Оби Емдыре — Емдырская волость, находившаяся первоначально во владении кодских князей; 9) Вас-Пуколская, принадлежавшая им же, и 10) Белогорская волость—у впадения Иртыша в Обь. Всего в 1628/29 г. в Березовском уезде числилось 1029 человек, в 1638/39 г. — 1092 [1], не считая Коды с Емдырской и Вас-Пуколской волостями. В Кодских городках и приписанных к ним волостях было, по данным 1629/30 г., 322 человека, способных к уплате ясака, по сведениям 1644/45 г.—440—450 человек [2]. На 1689 г. в уезде насчитывалось 1643 человека [3]. Главную массу населения Березовского уезда составляли остяки; но на Сосве и Сыгве, судя по позднейшим данным, под именем остяков надо понимать вогуличей (в 1638/39 г. — 521 человек, в 1689 — 674 человека) [4].

От устья Иртыша далее вверх по Оби остяки населяли весь Сургутский уезд, в состав которого входили волости: 1) Белогорская с Муалымским городком [5], обломок Белогорской волости Тобольского уезда, приписанный в 1610 г. по ходатайству самих остяков к Сургуту; 2) Темличеева или Базьянская; 3) Селиярская, на р. Лямине, одном из правых притоков Оби [6]; 4) Салымская [7], на левом притоке Оби Салыме, с городком того же имени, упоминаемым в Книге Бол. Чертежа [8]; 5) Бардакова, на реке Бардаковке, впадающей в Обь несколько восточнее Сургута, у устья которой сохранились остатки Бардакова городка; 6) Юганская, или Югорская, на левом притоке Югане, из которой выделены были в особую волость человек 20 — 30 остяков, живущих „под городом", „для подвод"; 7) Ларьяхская, по реке Ларьяхе, впадающей в Вах;

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 705 — 709об., кн. 127, лл. 443 — 550об.
[2] Там же, ст. №№ 27, 371, кн. № 202, л. 193об.
[3] Там же, кн. № 26, л. 95.
[4] Там же, кн. № 127, л. 510об., 528; № 26, л. 88об., 92.
[5] В Кн. Бол. Чертеж. у устья Иртыша назван „град Мазым", стр. 210.
[6] Вероятно, в этой волости был расположен упоминаемый в Кн. Бол. Чертеж. „град Салынра" (стр. 211).
[7] У Буцинского (К истории Сибири, в Записках Харьковского университета, 1893, II) по ошибке Саламская.
[8] Кн. Бол. Чертеж., стр. 211. Салым стоял в 60 верстах (700—1000 саженных) выше Салынры; между Салынрой и „Мазымом" названы еще грады Ярдым, Лирик и Лунгучей (стр. 210—211).

8) Ваховская, на Ваху, большая часть населения которой до 1644 г. была в подданстве у князей кодских; 9) Лунпуколская, по правому берегу Оби, состоявшая собственно из трех волостей; 10) Аслыпская [1]; 11) Вас-Юганская, на левом притоке Оби — Вас-Югане. Вас-Юган в настоящее время является границей распространения остяков на восток; дальше идут остяко-самоеды и кеты. В XVII в. имеются сведения, что остяки с верховьев Ваха проникали для промыслов на Таз, где нередко у них происходили столкновения с мангазейскими самоедами; в конце столетия несколько человек сургутских остяков (8—16 человек) числились плательщиками ясака в Мангазейском уезде.

Общая численность сургутских ясачных остяков в 1635/36 г. определяется приблизительно в 900 человек, в это число не входят остяки, платившие ясак кодским князьям, которых в 1629 г. было 61 человек [2].

Несмотря на кажущуюся точность статистических сведений ясачных книг, они в сущности дают очень мало для суждений о численности вогульского и остяцкого населения Сибири в XVII в., особенно для первой половины столетия.

При разбросанности юртов звероловов, при их частых передвижениях, наконец, при незнании языка русскими служилыми людьми, всецело зависевшими от малограмотных толмачей, не могло быть и речи о полном учете, не говоря о том, что ясачному платежу подлежали только мужчины определенного возраста, вполне работоспособные, а остальное население вообще не принималось в расчет. Со стороны ясачных людей постоянно имело место укрывательство подраставших новиков; так называемые захребетники, т. е. туземцы, не имевшие самостоятельного хозяйства, тоже очень часто ухитрялись оставаться вне ясачного платежа. Наконец, не всегда можно точно установить племенной состав той или иной волости. Таким образом сообщаемые цифры могут быть принимаемы лишь с большими оговорками. Для конца 20-х — начала 30 х годов XVII в. число ясачных вогулов и остяков может быть определено в круглых цифрах (без Туринского уезда) в 2700 слишком человек, считая Коду и зависевшие от нее волости. По представлению русских, это была очень многочисленная народность. „Вся же сия преисполнена многолюдством народа сего“ — восклицает Спафарий про остяков [3].

Разнообразие природных условий той обширной территории, на которой жили вогулы и остяки, не могло не отразиться на их хозяйственном быту.

---

[1] У Буцинского неверно: Аслымская.

[2] О сургутских остяках см. Сибирский Приказ, кн. № 1, л. 262 сл. (133 г.), л. 292 сл. (134 г.), кн. 19, л. 581а сл., кн. 271, л. 435а.

[3] Путешествие Спафария, стр. 83—84. Спафарий, впрочем, имел в виду всех вообще остяков в обычном словоупотреблении того времени.

Для остяцких и вогульских племен, живших на Оби, основным средством существования являлось рыболовство. Еще в конце XVIII в. Паллас писал: „Остяков можно сравнить с рыбаками так, как номадский народ за пастухов почитают, потому что рыболовство у них во все лето, да и несколько зимою первейшее упражнение и пропитание“ [1]. В XVII в. действительно рыба служила главным предметом питания для приобских остяков и вогуличей. „Иные и сырую едят, а иные сушат и варят“, и Спафарий с своей средневековой ученостью не случайно отождествляет их с „ихтиофагами“, т. е. „рыбоядцами“ [2]. Главной заботой было поэтому, по выражению кодских остяков, „рыбы с брюхо... упромышлять, чем кормиться“. „А, окроме рыбных запасов, — жалуются их сургутские сородичи, — у нас, сирот твоих, иных запасов никаких не живет, а место у нас бедное, пашен и скота у нас никакого нет, кормимся рыбенкою, и твоего государева ясаку промышлять без запасу на лес ходить нечем“. Все зависело от результатов рыбной ловли, „в которую издобыти рыбы про запас на всю зиму“. В 1642 г. сургутские князцы и ясачные люди „у платежу“ ясака заявляли, что „которые ясачные люди рыбных запасов добыли много, и те-де ясачные люди ходили на зверовые промыслы в дальние места... и те-де платили государев ясак и поминки, полные оклады, а которые-де ясачные люди рыбных запасов добыли мало, и те-де в дальные места на зверовые промыслы не ходили, а промышляли-де воблизи по своим жилищам“. На зиму готовили запасы сушеной рыбы: „вары запирают и сухую рыбу готовят“ [3].

Рыба доставляла не только пищу, но и одежду: „и не только ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе делают, и сапоги, и шапки; а шьют их рыбьими жилами“. Они „проделывают“ рыбьи кожи рыбьим жиром, „аки ровдугу мягкостью, которые отнюдь дождя не боятся“. „Одежда их обще из кожей рыб, найпаче с налима, — пишет Новицкий, — ...тожде с осетра и стерлядей одерше кожу, толико трудами своими умягчевают, яко могут все одеяние себе из них сошити; обще же из налимей кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги себе утворяют“. „Бедные люди... ходят зимою и летом в рыбных кожанишках“; только богатые для зимнего времени шьют себе одежду и сапоги „с еленьих кож“, бедняк „и зимнего времени лютость тяжчайших мразов претерпевает в кожане“ [4].

---

[1] Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, пол. 1. СПБ., 1788, стр. 54.

[2] Путешествие Спафария, стр. 84.

[3] Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 26, кн. № 154, лл. 620об — 621, кн. № 202, л. 213. Акты времен царствования В. Шуйского, стр. 116.

[4] Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким, под ред. Л. Н. Майкова (Памятники древней письменности и искусства, СПБ. 1884), стр. 31, 38 — 39. Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 24. Сибирск. летоп., стр. 378. Путешествие Спафария, стр. 84.

Излишек рыбы шел на торговый обмен. Казымские остяки, например, „которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самояди мягкую рухлядь и тем свои нужи исполняли“[1]. Точно так же обдорские остяки меняли самоедам сухую рыбу на меха[2].

От улова зависело благосостояние, не только успех промыслов, но и самая жизнь. „С прошлого, государь, со 139 году и по нынешней 150 год, — жаловались в 1642 г. казымские остяки,— пришла на нас, сирот твоих, нужа великая: от больших вод рыбного промыслу у нас не стало, терпим нужу и голод по вся годы великий, и многие казымские остяки с женами и с детьми с голоду померли, а иные, государь, наша братья остяки жены и дети свои для голоду продавали в работу и твоим государевым ясаком промышлять для голода стало нечем“[3].

Рыбу ловили „в запорах и в курьях“ посредством снасти, которую источники называют „кылыданами“[4]. Рыбные ловли и „чердашные места“ находились в групповом владении и в конце XVII ст. бывали предметом продажи[5].

Рыболовство, как основное занятие остяков, отразилось на всем их быту и способствовало сохранению среди них полукочевого быта, так как, по выражению Палласа, „для рыбных ловель остяки принуждены летом кочевать с места на место, смотря по местам рыбой изобильным; однако везде и при сих местах имеют они зимовья, в коих прежде живали и в коих в таких случаях обитали“[6]. Этим объясняются переходы в зависимости от времени года „из вешних юрт“ в расположенные нередко на большом от них расстоянии „зимние“ юрты и обратно[7].

Звериные промыслы играли в хозяйстве приобских остяков менее важную роль, чем рыбная ловля[8]. В тундрах, облегающих низовья Оби, пушной зверь не водился. „А лешего промыслу в Обдорской волости нет, потому что у нас места тундряные и болотные, близко к морю большому студеному“,—заявляли обдорские остяки в 1642 г.[9]. Для ясака они поэтому и покупали мягкую рухлядь у самоедов, привозивших ее из Мангазеи. Точно так же „негде“ было промышлять белку и всякого зверя кодским остякам: „живем по край Оби реки,—жаловались они в 1650 году,— кор-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 123, л. 237.

[2] Там же, ст. № 111, л. 370.

[3] Там же, ст. № 123, лл. 236 — 237. Аналогичные жалобы обдорских, куковатских и сосвинских остяков, там же лл. 239 — 240.

[4] Там же, ст. №376 (челобитная кодских остяков). Хр. Лопарев, Самарово, СПБ., 1896. Прилож. № 9, № 38.

[5] Лопарев, назв. соч., прилож. № 10.

[6] Паллас, назв. соч., стр. 53 — 54.

[7] О „вешних“ и „зимних“ юртах у обдорских и кодских остяков см. Сибирский Приказ, ст. № 134, л. 175 сл.

[8] „Зверовые и птичьи промыслы (остяков) не столь... заслуживают особливого описания“, — говорит Паллас.

[9] Сибирский Приказ, ст. № 123, л. 239.

мимся рыбою, а отхожих, государь, промыслов и речек нет, и, вверх идучи Обью рекою, все пришли болота и тундры... и нам, государь, промышлять негде"[1]. В Казымской волости „в осень" били белку. „Соболиного, государь, у нас промыслу нет,—говорится в челобитной казымских остяков 1642 года,—а наперед сего до прошлого 149 года была в Казымской волости в лесах белка, и мы, сироты твои, на промыслех белку ловили и белкой твой государев ясак и выплачивали, а в прошлом, государь, во 149-м году из Березовского уезду белка сошла неведомо куды"[2]. Сургутский уезд был много богаче пушным зверем. На Вах ходили даже кодские остяки „для звериного промысла" из Березовского уезда. Тем не менее и здесь зверь значительно испромыслился, и сургутским остякам приходилось ходить „на зверовые промыслы в дальные места на Енисею и на Таз". „Да у нас же,—жаловались они,—прежние звериные угодья, которые были вблизи... леса выгорели и запустели, и зверя никакого нет, а ходим мы на лес промышлять в дальные места недель по 10 и больши"[3]. Из-за промышленных угодий шла поэтому ожесточенная борьба между самими туземцами. Так, остяки Лум-Пуколской волости Сургутского уезда, расположенной в ближайшем соседстве с Нарымским уездом, сильно страдали от набегов своих нарымских соседей, которые то-и-дело вторгаются в их угодья „лисиц гонять", „гоняючи-де лисиц, пустошат их клетишка, емлют их годовой запас, рыбу и жир, и лисицы выбивают своим насильством[4].

„Звериные" угодья: „лисьи гнезда, и соболиные, выдерные и бобровые и россомачьи и беличьи и горностаевы промыслы и лосиные ямы" а также „птичьи ловли" и „перевесные места" являлись в Сургутском уезде предметом общего владения отдельных групп остяков и в конце изучаемого периода могли отчуждаться[5].

Кроме обычных у сибирских звероловов приемов охоты, вынимали из нор молодых лисенят (особенно ценных чернобурых) и растили в неволе; меха таких „кормных" лисиц, взращенных без возможности много и быстро двигаться, были более пушисты[6].

Охота служила главным образом для уплаты государева ясака. Излишки мехов шли на одежду[7] и на обмен. Меха остяки умели выделывать довольно искусно, соскребая мездру костяными скребницами, изображение которых встречается довольно часто среди остяцких подписей[8]. Охота на водяных птиц в первую

---

[1] Сибирской Приказ, ст. № 376.
[2] Там же, ст. № 123, л. 237.
[3] Там же, ст. № 8, л. 26, № 80, л. 33, № 462; кн. № 154, л. 621.
[4] Там же, кн. № 1, лл. 245об — 246.
[5] Лопарев, назв. соч., прилож. №№ 3, 5, 8, 11, 17, 18, 22, 38.
[6] Сибирской Приказ, кн. № 20, л 218.
[7] Шубы бельи. Сибирский Приказ, кн. № 17, лл. 71об, 78 — 78об., 82об., 89об., 118об., кн. № 202, л. 17об., 108об.
[8] Ср. Паллас, назв. соч., т. III, пол. I, стр. 59—60.

очередь удовлетворяла „скудость в пище"; из птичьих шкурок выделывались шубы[1]. Начало охотничьего сезона на этих птиц ознаменовалось большими празднествами в Белогорье в честь хранившегося в тамошнем святилище изображения „медного гуся"[2].

Охотничьи навыки нашли себе выражениие в остяцких плясках, в которых плящущие подражали движениям дичи. Такова пляска журавля, при которой танцующий, скорчившись и закрывшись шубой, сквозь рукав продевал палку, к концу которой была приделана деревянная журавлиная голова, делая „палкой все движения, как настоящий журавль головой производит", или пляска лося, при которой изображался различный побег зверя: „рысью или вскок, или так ходит просто, также и малые отдыхи, кои лось в побеге делает для осматриванья, откуда за ним гонятся"[3].

Обдорские остяки, жившие в тундрах, прилегающих к Обской губе, разводили оленей, и „мощнейшие" из них, особенно князцы, содержали значительные табуны, которые паслись под наблюдением наемных самоедов. Олени в частности служили обдорским остякам средством обмена на мягкую рухлядь самоедов. Занимались оленеводством и ляпинские вогуличи[4].

В более южных районах (в Сургутском уезде) в конце столетия встречаются признаки начатков скотоводства, очевидно, под влиянием русских; по крайней мере, здесь упоминается право владения остяков на сенные покосы и скотские выпуски[5]. Впрочем, возможно, что сами остяки этими пастбищами не пользовались, а предоставляли их русским на известных условиях. В документах XVII в. встречаются лишь редкие указания о приобретении лошадей и рогатого скота.

О земледелии не могло быть и речи в тех географических условиях, в которых жили приобские остяки.

Хлеб до известной степени заменял некоторым из них „корень белый сусак, который они летом собирают в запас сушат и зимою едят"[6].

Из ремесел, кроме выделки кож, упоминается тканье полотна из крапивы, заменявшей им „русскую" коноплю: „от кропивы бо зелныя хитрости истягают нити,—говоря словами Новицкого,—из сих холсты утворяют". Из этого „кропивного холста" они де-

---

[1] Новицкий, назв. соч., стр. 35, 39.

[2] См. ниже.

[3] Паллас, назв. соч., т. III, пол. I, стр. 86.

[4] Сибирский Приказ, ст. № 111, л. 389 и passim. Ср. у Новицкого, стр. 37, Памятники сибирской истории XVIII в., т. II, № 52. Уже в описании похода кн. Курбского 1499—1500 г. говорится о том, что „воевод „из Ляпина" стретил с Одора на оленях югорские князь", (Библиотека Акад. наук СССР, 32. 5. 1, л. 43). Обдорский князь Василий в 1600 г. предоставил русскому экспедиционному корпусу оленей для похода в Мангазею. (Р. И. Б, т. II, № 188).

[5] Лопарев Самарово, приложения, №№ 9. 10. 12.

[6] Путешествие Спафария. стр. 84. Новицкий, назв. соч., стр. 38, Ср. Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 26. То же и у западных вогуличей — Лепехин, Дневные записки путешествия... СПБ. 1771, т. II, стр. 19.

лали рубашки, украшая их „различными пестротами“ и „вышивая нитьми разные взоры“, а также „пологи для сохранения от комаров“ [1].

Торговля играла довольно крупную роль в хозяйстве преимущественно березовских остяков. Самое местожительство на реках, входивших в состав „чрезкаменного“ пути, которым ходили русские поморы и коми, втягивало их в торговый кругооборот, а близкое соседство и давнишние связи не только с самоедами, кочевавшими вокруг Обской губы, но и с зауральскими, делали их естественными посредниками между ними и русскими покупателями пушнины. Самоеды, по словам одной ясачной книги, „приезжают в Казымскую и Обдорскую волость для торгу в одно время, по первому зимнему пути, покупают у остяков рыбные запасы и, быв в Казымской и Обдорской волости, отъезжают в тундры“. Войкарский городок на Обдори служил местом оживленной ярмарки, куда „по первому зимнему пути березовская и пустозерская самоядь к ясачным остякам приезжают“. Остяки продавали самоедам сухую рыбу и жир рыбий, а также живых оленей и в обмен получали от них пушнину [2]. С другой стороны, русские торговые и служилые люди проездом через Обдорь по пути в Сибирь или обратно покупали у остяков меха и жир рыбий [3].

Как березовские, так и сургутские остяки покупали у русских торговцев „для промыслов топоры и котлы и платьишко“, а также запасы. В обмен шли меха, в частности пупки и хвосты собольи и лапы лисьи [4]. Кроме того, единицами обмена служили среди березовских остяков, как у гомеровских греков, рабыни, панцыри и лошади; среди сургутских — скот и материи [5].

Благодаря торговле в обиход остяков стали проникать деньги. Так, за собаку в 1639 г. сургутский остяк взял, кроме льняной рубашки, прошитой по вороту золотом и по швам шелком, еще 6 денег [6]. В конце XVII в. среди сургутских остяков денежное обращение довольно значительно; они занимают у русских деньги „для хлебные покупки“ [7].

Очерк хозяйственного быта приобских остяков и вогулов был бы не полон, если бы не отметить того значительного места, которое в ней играла война. Кодские князья совершали в конце XVI века систематические набеги из года в год на соседнюю Конду в целях захвата рабов. „И ныне-де князь Игичеевы люди,—

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 376 (челобитная кодских остяков). Новицкий, назв. соч., стр. 38.

[2] Там же, кн. № 19, л. 719об., ст. № 111, л. 346, ст. № 1683, № 123, л. 237.

[3] Там же, кн. № 42 (Обдорская тамож. книга, 149), лл. 80—80об. 93, 254об., 254.

[4] Там же, ст. № 49, лл. 135, 153, № 58, л. 63, № 80, л. 331, № 90, л. 332.

[5] Про березовских остяков см. ниже, о Коде. Про сургутских—у Буцинского в назв. статье (цены на рабов).

[6] Архив И. А. И., карт. 185/I

[7] Лопарев, назв. соч., № 8 и passim.

жалуются в 1600 г. кондинские вогуличи,—приходят к ним в Конду, их побивают и жены и дети емлют себе в юрты по прежнему в холопи и юрты-де их пустошат“ [1].

Доля в военной добыче была, как мы увидим ниже, одной из важных доходных статей кодских князей, которые ссужали своих служилых остяков вооружением и всем необходимым для похода и требовали за то части добычи.

Постоянные войны шли у приобских остяков с самоедами, которые беспрестанно производили разорительные набеги на их юрты. Остяцкий эпос воспевает подвиги богатырей в войнах с самоедами и горячие схватки под стенами осажденных ими городков [2].

В XVII веке самоеды то-и-дело совершают набеги на остяцкие волости. В 1678/79 г., например, пришли на Обдорь „воровская самоедь больше 400 человек и ясачных остяков, которые были в юртах и на промыслах и у рыбной ловли убили 23 человек и над ними наругались, носы и рук персты у них резали, а жен их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон... пришли-де они для того, что князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить, и запасы и платье и топоры и ножи и котлы... [мягкую] рухлядь отняли, оленей они увели без остатку“. Такие набеги имели место еще в XVIII в., и постоянно требовалось вмешательство московской власти для защиты от них остяков и для восстановления мира [3]. Жестокости, которые чинились самоедами, вызваны были несомненно той эксплоатацией, которую сами они терпели от остяков. Много самоедов было в кабале и рабстве у остяцких князьков. Так, вражда с Гындою была вызвана тем, что он держал у себя „в работе“ 13 самоедов и всех их „приморил с голоду“ [4]. Остяки торговали между собою самоедскими рабами; когда остяки считали нужным прибегать к человеческому жертвоприношению, то жертвой обычно являлся купленный „самоедский малый“.

В результате войн и торговых сношений березовские остяки в значительной степени подчинили своему влиянию не только соседнюю кунную и карачейскую самоядь, но даже самоядь мангазейскую, кочевавшую на реках Пуре и Тазе, а сургутские—самоядь асидскую и кунную, а также кузнецкую на Пур-Югане.

Постоянные войны с соплеменниками и с самоедами способствовали развитию среди приобских остяков большой воинственности: „а всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою“ [5].

---

[1] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 254.

[2] Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям (Живая старина за 1891 г.).

[3] Сибирский Приказ, ст. № 134, л. 337. Доп. к А. И., т. V—№ 68, XI—№ 28, VIII—№ 44 (4). Памятники Сибирск. истории XVIII в., т. II, №№ 9, 32, 46, 52. Абрамов, Введение христианства у березовских остяков (Журн. м-ва нар. просвещения, 1851, IV).

[4] Доп. к А. И., т. V—№ 68.

[5] Путешествие Спафария, стр. 84.

Военная техника стояла у них довольно высоко; у них была „ратная сбруя": панцыри и шеломы [1]. В арсенале кодских князей, в церкви Троицы в Кодском городке, хранилось 40 панцырей, 4 лука бухарских и 50 панцырных стрел [2].

Русская администрация ценила военную доблесть остяков и привлекала вспомогательные отряды их к участию в походах.

Рыбная ловля и охота, будучи главным занятием, далеко не обеспечивали массу остяцкого и вогульского населения Приобья достаточными средствами питания, ставя их благосостояние в зависимость от неизбежных случайностей.

Голодовки среди них были явлением обычным, особенно после русского завоевания, когда ясачная политика московского правительства, подводная повинность и злоупотребления служилых людей вконец разоряли и без того неустойчивое хозяйство туземцев. „А мы люди бедные и голодные, и собаки голодны и худы... — жаловались сургутские остяки. — ... Да у нас же ... прежние зверовые угодья, которые были вблизи леса, выгорели и запустели, и зверя никакого нет. А когда мы, сироты твои, для твоего государя ясаку на лес промышляли в дальные места недель по 10 и наги и босы и беззапасны, и от зимния великия стужи и от голоду в лесах многие, сироты твои, помираем". Голод великий был, например, в Сургутском уезде зимою 1625/26 года; „ели человечину и собаки и детишки у многих померли и собаки все примерли ... и от того великого голоду многие ясачные люди, пометав женишек и детишка, разбрелись безвестно". „Не истерпя голоду, собаки переели"; были случаи и людоедства: Вас-Юганской волости ясачный остяк Пыктыйко пошел промышлять ясак на лес и с промыслу не бывал, и вести про него не было, а его жена без него, „не истерпя голоду, двоих детей своих съела" [3].

В отличие от приобских остяков хозяйство вогуличей, занимавших оба лесистых Уральских хребта по рекам, впадающим слева в Тобол и Иртыш в Азии, и по левым же притокам Камы в Европе, базировалось преимущественно на лесных промыслах, в первую очередь на охоте. „Обогатило их естество в сих пустынях,— говорит Паллас,—множеством диких зверей, между коими лоси главнейшее составляют их богатство" [4]. Охота на крупного зверя производилась посредством „расставленных напряженных луков", т. е. самострелов. Лосей и оленей загоняли в „ямы", для чего делали

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 376. Ср. кн. № 42, л. 354об. (покупка русскими служилыми людьми у обдорского остяка „пансыришка ветчаного").

[2] Там же, ст. № 476.

[3] Там же, ст. № 8, л. 27, 32а.

[4] Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. II, кн. 1, СПБ. 1770, стр. 327.

„на выгодном месте изгородку", верст иногда на 12 и более, по которой зверь и двигался в желанном направлении [1]. В документах XVII в. нередко упоминаются принадлежащие вогуличам „бобровые гоны" и другие „зверовые и всякие угодья" [2].

Продукты охоты шли, кроме уплаты ясака, на мену. Жившие на перевалах через Урал вогуличи, естественно, были втянуты в довольно оживленные сношения с приезжими русскими торговыми людьми, несмотря на энергичные меры русской администрации не допускать таких сношений, грозивших нанести убыток фиску.

Со стороны вогуличей предметом обмена служили главным образом меха и лосины, на которые приобретались сукна, топоры, ножи, котлы и „заповедные железные товары": шеломы, пансыри и доспехи. Так, например, ясачные вогуличи Ямышевой сотни в начале XVII в. брали в долг у человека Максима Строганова „сукон однорядочных и сермяжных и иные рухляди в цену, а за тот-де товар давати было им по цене лосинами и куницами". В те же приблизительно годы верхотурский жилец торговый человек Васька лучанин „меняет соболи и лисицы и всякий мягкий товар на сукна и однорядки и на всякие товары". В 1597 г. пашенный крестьянин Март. Давыдов продал сосвинскому вогуличу Иртегу две половинки сукна червчатого в долг с тем, чтобы он взамен доставил 12 „кож лосиных добрых". Продавали пушнину и ясачным людям Тобольского и Березовского уезда в обмен на русские товары и лошадей [3].

В торговле с вогуличами не стеснялись принимать участие представители воеводской администрации, и в таком случае торговые сделки принимали характер принудительный. В 1630 г. кондинский мурза Ортюга Агаев жаловался на пелымского воеводу Евдокима Ивановича Баскакова, что он взял у него „насильством" две черные лисицы, „а у них в Кондинской волости таких и не бывало", и дал ему за те лисицы двух лошадей, да спорок суконный зелен с нашивкою шелковою гвоздичною, „а больши того он, Овдоким, ему ничего не давывал", а воеводский сын Федор, когда Ортюга шел на прием к его отцу, взял у сына Ортюги шапку лисью черную и за ту шапку не дал ничего, взял „насильством" [4].

Подсобным промыслом являлась в хозяйстве вогуличей и рыбная ловля, „буде близко есть рыбные реки", по выражению Палласа; и рыбные ловли являются в XVII в. ценной частью владений вогуличей Верхотурья и соседних уездов [5].

Охотничьи и рыболовные промыслы требовали частого передвижения с места на место, и мы действительно наблюдаем в некоторых районах довольно частые перекочевки вогуличей. Так, вишер-

---

[1] Приемы охоты у вогуличей описаны Палласом там же.
[2] ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, I, т. № 68, и др.
[3] Архив И. А. И., опис. 1928, №№ 4, 95, 142. ГАФКЭ, Портфель Миллера 478, № 15. Сибирский Приказ, № 448.
[4] Сибирский Приказ, ст. № 42, л. 439 — 440.
[5] Паллас, назв. соч., т. II, пол. 1, стр. 328.

ские вогуличи в начале XVII века сошли со своих „старых мест“ в Верхотурский уезд, а затем и опять перешли жить на Вишерурeку на старые свои места [1]. Те же условия промысловой жизни способствовали тому. что вогуличи в Западной Сибири жили небольшими группами, „в расстоянии“, как писали о них в XVIII в.: „Живем, государь, в разных местах над озеры“, — заявляли табаринские вогуличи в челобитной на имя царя Михаила. „Зимние вогульские жилища, — сообщает Лепехин, — юртами прозываемые, состоят из немногих изб, ибо всякой семье или юрте только в своих дачах ловить рыбу и промышленность дозволяется“ [2].

Кроме охоты и рыбной ловли, большое значение имело в хозяйстве вогуличей изучаемого района бортничество. Борть с пчелою являлась объектом частной собственности, которой хозяин владел „по продаже и наследству и по тамге“, иначе говоря, бортник, найдя „жилую борть“, ставил на бортном дереве свое условное „знамя“ — „тамгу“, после чего не только полноправно „лазил“ свою борть и мог из нее на законном основании „вылазить мед“, но имел право передавать ее другим лицам, путем продажи, а по смерти его она переходила по наследству его родственникам. Но имели место и случаи хищнического бортничества, когда человек „выкрадывал“ чужую борть, что сопровождалось обычно „выдираньем“ пчел и уничтожением („убийство“) борти. Добыча одной борти была различная: вынимали и полпуда и полтора. Какое место занимало бортничество в хозяйстве некоторых лесных волостей данного района, показывают жалобы сылвенских и коенских татар и остяков в 1621 г. на то, что у них „мед не родится, и они-де помирают голодною смертью“ [4].

Есть сведения, что за 74 сылвенскими татарами было „бортей... тысячи с три и больше“ [5].

Некоторое влияние на хозяйственный быт западных вогуличей оказало, несомненно, соседство с татарами. Более состоятельные из них обзаводятся скотом. В 1636 г. сын лялинского сотника Меркушин хвалится, что у его отца много коней и коров [6]. У верхотурских и косвинских вогуличей еще в конце XVI и начале XVII в. упоминаются сенные покосы, которые они эксплоатировали сами. Например, новокрещен Куземка Арканчиев до постройки Верхотурья имел на реке Туре пожни на 40 копен и содержал „животину“ [7]. Табаринские вогуличи держали лошадей, на которых пахали [8].

---

[1] А. А. Э., т. III, № 79.

[2] Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПБ,. 1776. т. I, стр. 63. И. Лепехин, Дневные записки путешествия. СПБ, 1771, т. III, стр. 19 — 20. ГАФКЕ. Портфель Миллера, 478, № 2.

[3] Кунгурские акты, изд. Археогр. ком., № 13 (1 и 2) и № 51. Дело идет о верхотагильских татарах, т. е. об отатарившихся вогуличах.

[4] А. А. Э., т. III, № 118.

[5] Архив И. А. И., опис. I, № 573.

[6] Сибирский Приказ, ст. № 911.

[7] Архив И. А. И., опис. 1928, № 5, 1927, № 627.

[8] ГАФКЭ. Портфель Миллера, 478, № 2.

В некоторых районах распространено было земледелие. В Туринском уезде еще до прибытия русских у вогуличей, которые жили с Епанчей, были пашенные земли, которые были впоследствии заняты под острог; в начале XVII в. в окрестностях города из 14 вогульских юртов было 12 пашенных. Поэтому в 1603 г. у русской администрации возникала даже мысль снять ясак с туземцев, живших „около острогу до Тагильского устья и по устье Ницы-реки", и обязать их „пахать на пашне" [1]. Мы находим пашню у вогуличей и на Туре [2]. В южной части Пелымского уезда застал земледелие еще Ермак, который сбирал по Тавде „хлеб в ясак"; туземцы „пашнишки пахали... на себя до (основания) Пелымского города лет за 40 и за 50" [3]. Земледельческим районом были Табары; в XVII в. „пашенные табаринские вогуличи" пахали пашню „на государя". В 20-х годах таких „пашенных вогуличей" числилось человек 70—75. Пахали они „взгоном", что не свидетельствует о высокой степени техники, „полосами, а не десятинами", „не смежно, через межу и через полосу и меж государевы десятинные пашни". Сеяли они рожь и овес, „на полосу... по четверику и по полуосмине и по четверти" и высеивали всего на государя 40 четверти ржи и 80 четверти овса [4].

Живя на путях, по которым шло особенно оживленное движение русских торговых и промышленных людей, в соседстве с строгановскими вотчинами, остяки и вогуличи западного района подверглись очень рано жесточайшей эксплоатации со стороны русских колонизаторов. Русские вытесняли вогуличей „со старых их искони вечных вотчин, медвяные их ухожаи и бобровые гоны и рыбные ловли, с чего-де они ясак платили, все поотнимали". В XVII в. официальные документы признают полную задолженность чусовских вогуличей, „что к ним приходят из Строгановских вотчин" [5]. Не менее бесцеремонно действовали и более мелкие колонисты и предприниматели и торговые люди.

В 1600 г., например, новокрещен Кузьма Арканчиев жаловался, что отняли у него крестьянин Матюшка Кункин — пожни на Туре, верхотурский жилец Сидорка Чепурин — его старинные пашни, церковный дьячок Харька Недьяков — сенные покосы, а Миколка и тот же Матюшка Кункин — бобровые гоны и рыбные ловли на речке Черной, „и у него-де и ныне животина вся голодом помирает, а укосить-де ему сена и пашни на себя упахать негде", а „бобры на той речке бьют и рыбу и птицу ловят" русские люди, а „покаместа-де и город Верхотурье не поставлен был", он пользовался всеми этими угодьями. „И которые были наши пашенные

---

[1] Архив. И. А. И., опис. 1928 г., № 16, № 96. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 364.

[2] Архив. И. А. И., опис. 1928 г., № 5.

[3] Сибирск летоп., стр. 326. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, № 2.

[4] Сибирский Приказ, кн. № 5, лл. 310—310об., ст. № 37, л. 216. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, №№ 2, 3.

[5] Сибирский Приказ, ст. № 308, л. 86об.

угодьишка, сенные покосы, и всякие угодьишка отошли от нас, сирот твоих, к русским людем, табаринским пашенным крестьянам, — плакались царю Михаилу табаринские вогуличи, — и угодей у нас, сирот твоих, не стало" [1].

С своей стороны и торговые люди, как мы видели, широко практиковали раздачу товаров в долг под будущую охотничью добычу, благодаря чему туземцы попадали к ним в кабалу.

Вогуличи далеко не безропотно выносили притеснения и эксплоатацию со стороны чужеземцев. Неоднократно они нападали на русские поселения, возникшие на их землях. Сильно страдали от их набегов владения Строгановых. Вогуличи то-и-дело выжигали их слободки и деревни и хлеб всякий, отгоняли коров и лошадей, а крестьян с женами и детьми захватывали в плен, разоряли варницы и мельницы [2]. Особенно интересно отметить, что в войнах с Строгановыми вогуличи нашли себе союзников в лице собственных строгановских крестьян и мелких русских служилых людей. Так, в конце XVI в. на строгановскую вотчину „на Чусовую и на Курью с вогуличами приходил разбоем и грабежом" некто Офонька Шешуков; вогуличи, „скопясь с товарищи своими", „войною, воровством и изменою животы русских людей Максимовых с братьею (Строгановых) грабили и лошади и коровы и овцы побивали и переели, а иные с собою взяли и продавали проезжим людям и вотчины их разоряли, варницы жечь и людей стрелять хотели". Вогуличи действовали, как определенно сказано в документах, „сговорясь с воры", „стакався с Максимовыми крестьяны (Строганова)".

Таким образом мы имеем здесь дело с совместным выступлением вогуличей и русских крестьян против общего классового врага. Самая личность предводителя этого вогульского крестьянского восстания очень характерна. Правительство видело в нем представителя низшего слоя тогдашнего общества — „мужиков безлепичных, ярыжек и казаков". Едва ли не первый в русской истории он использовал в целях восстания подложную царскую грамоту; вогуличи утверждали, „будто они для того ходили, что им Офонка грамоту казал", очевидно, призывавшую к погрому строгановских вотчин. Есть повод думать, что восставшие не ограничились одним набегом и что имел место случай вторичного нападения [3].

Войны вогуличей с русскими относятся к XVI в. В XVII в. вогуличи были уже усмирены. Та же близость к большим путям с Руси в Сибирь способствовала тому, что западные вогуличи более, чем их восточные сородичи, в своем быту подвергались русскому влиянию, „живя меж русских людей", они „всякому русскому

---

[1] Архив И. А. И., опис. 1928, № 5. ГАФКЭ. Портфель Миллера, 478, № 2.

[2] ГАФКЭ, Строгановские дела, карт. XXIV, № 5. Д. А. И., 1, № 126. Сибирск. летоп., стр. 9, 12. Архив И. А. И., опис. 1, № 613. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, № 22.

[3] Архив И. А. И., опис. I, № 613.

обычаю навычны" и „ведают русский обычай"[1], и это видно из того, что среди них случаи обращения в христианство многочисленнее, чем у других сибирских народов. Например, в 1603 г. крещены были чусовские вогуличи мурза Баим, Кулак и Казак Артыбашевы и тагильский вогулич Онбаитко Комаев. Крещение было мощным средством руссификации: новокрещеным было выдано „по два сукна середних, да по рубашке, да сапогами", и они были отпущены к Москве представиться государю; из Москвы они вернулись, осыпанные подарками: наиболее знатный из них мурза Баим получил 5 рублей, сукно доброе и тафту добрую, остальные по 3 рубля и по сукну доброму, и их было предписано поверстать на Верхотурье в стрельцы[2]. От русских западные вогуличи восприняли и страсть к азартным играм — „зерни"[3].

Общественный быт вогуличей и остяков в изучаемую эпоху строился на основах родового строя, хотя уже наблюдаются некоторые признаки зарождения феодальных отношений.

Условия рыболовно-охотничьего быта в Западной Сибири не способствовали сохранению крепко спаянных многолюдных родовых союзов, какие мы видим у среднеазиатских скотоводов.

Приуральские вогуличи жили, по выражению Лепехина, „больше сродными семьями, к чему их не так хлебопашество, как зверовые промыслы приучили". Уже в XVII в. они разбивались на небольшие „юрты". Каждый юрт представлял собою группу лиц, связанных между собой кровным родством, „сродную семью", по выражению Лепехина. Например, на Туре в 1600/01 году юрт Туразиков состоял из одного Туразика Сочелеева с семьей; юрт Ямашев — из Байгилдея Ямашева, трех его братьев и еще одного вогулича, юрт Хабарчин — из двух холостых людей, вероятно, братьев: Хабарчи Куянова и Челчука Хабарчина, юрт Курманчин — из старика Курманчи, его женатого сына Бетюка (младший сын Сынчик умер в предшествующем году) и еще одного человека. В 1607 г. в юрт Бурундука Авина на Вишере входят, кроме него, три его брата и два племянника и, кроме того, два вогулича. Иногда юрт составляют две семьи, очевидно, родственные между собой. Так, по данным 1625/26 г. в Подгородный юрт на реке Ляле входят Пангибало Шувалов, его сын Алтыбайко и брат Тоинт; кроме них, три брата Нергеевых и два человека, родственное отношение которых к двум названным семьям определить нельзя; в 1600 г. Нергей Комыкичев с детьми и с товарищами, „которые

---

[1] Архив И. А. И. опис. 1, № 613. Буцинский, Заселенье Сибири и быт ее первых насельников, Харьков, 1889, стр. 327.

[2] Архив И. А. И., опис. 1928, № 81 (ср. А. И. т. II, № 43).

[3] Буцинский, назв. соч., стр. 327.

с ним в одних юртах живут", образовывали „Нергеевы юрты". Итак, мы имеем дело с „большой семьей", состоящей из группы кровных родичей, обрастающей „товарищами" [1]. Судя по данным XVIII в., каждый такой юрт завладевал известным охотничьим участком: „живут они, — пишет про вогуличей Паллас, — обыкновенно по лесам семьями или роднею вместе, и каждая семья присваивает своему владению столько земли, сколько окрестные соседи за ловлею объезжать им позволят". „Всякой семье или юрте только в своих дачах ловить рыбу и промышлять дозволяется", — дополняет это известие Лепехин. Общими усилиями „вогульская семья" „в округе своего владенья" устраивает „изгородку" для загона зверей [2].

В Верхотурском уезде несколько вогульских юртов объединялось в административном отношении в сотни. Сотенная организация свойственна не одним верхотурским вогуличам. Она была широко распространена среди туземцев западного Приуралья, мы встречаем сотников и сотни у вишерских вогуличей, у казанских татар, у марийцев (черемисов) и у мордвы. Кунгурский уезд был разделен на четыре четверти с сотниками во главе. В Сибири упоминаются сотники у пелымских вогуличей. Наконец, существовали сотни и у татар, например, у терсятских татар в Верхотурском уезде.

В основе такого деления на сотни лежит, повидимому, древняя военно-административная организация, введенная завоевателями-татарами. У монголов и тюрков это деление на десятки, сотни и тысячи имеет глубокие корни в бытовых условиях кочевой жизни; ею пользовались татары при наложении дани на русские княжества, для чего они „ставиша десятники и сотники и тысящники". В позднейшее время мы встречаем это деление в Поволжье, непосредственно подчиненном татарам, в частности у горной и луговой черемисы (мари) и у чувашей, плативших дань казанским ханам. Московское правительство, завоевав Казань, не уничтожило этой организации, и в течение всего XVII века деление на сотни сохранялось среди туземного населения уездов, входивших первоначально в состав Казанского царства.

Сотники встречаются и в царстве Кучума. Возможно поэтому, что деление на сотни в Верхотурском уезде сохранилось от тех времен, когда татары покорили своей власти вогуличей, живших по Туре и по Сосве и далее за Уралом, по верховьям Камы.

Но если с большей или меньшей вероятностью в сотне можно видеть административную единицу времен татарского владычества, этим далеко не разрешается вопрос о том, как производилось са-

---

[1] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 368 — 369. А. И., т. III, № 82. Дмитриев, Пермская старина, т. VII, стр. 170 — 171. Архив. И. А. И. опис. 1927, № 613. И. Лепехин, стр. 19 — 20.

[2] Паллас, ч. I, кн. II, стр. 326 — 327. И. Лепехин, Дневные записки, путешествия, СПБ. 1771, т. II, стр. 20.

мое разделение покоренных племен на сотни. Поэтому необходимо несколько детальнее рассмотреть эту организацию. Каждая сотня обычно состояла из двух и более юртов и представляла совершенно условную величину, без всякого соответствия с наличным числом входивших в ее состав людей. Так, лялинские вогуличи образовали в 1625/26 г. две сотни: первая состояла из двух юртов с населением в 17 человек ясачных, а вторая — из одного юрта в 15 человек[1]. Сосвинские вогуличи образовали одну сотню из шести юртов с 59 человеками, туринские — сотню из трех юртов с 51 человеком, невьянские и мулгайские — из двух с 14 человеками, тагильские — тоже из двух с 25 человеками, наконец, оятская сотня состояла из двух юртов с 43 человеками. Таким образом, сотня скорее определяла какой-то естественно образовавшийся округ с различным количеством населения, чем действительное деление по численности жителей. Наряду с сотнями существовали и более мелкие деления — десятни, размеры которых были тоже неопределенны; так, косвинские вогуличи образовали одну десятню в 7 человек, а лозьвинские — две десятни в 26 человек.

Можно думать, что в основе деления на сотни мы имеем древние, большие родовые группы. Это видно, например, из того, что в 30-х годах Лозьвинскую сотню („волость", как ее называют теперь русские документы) составляли вогуличи Квастанко Чакин и Пыеско Фетков и их „братья и родимцы"[2].

Крупные родовые группы, следы которых можно видеть в сотенной организации, в изучаемую эпоху уже распались на мелкие свои составные части в связи с местными условиями охотничьего быта: вогуличи, „не имея, — как говорит Паллас, — кроме охоты, другого упражнения, принуждены и по необходимости расселяться, сколь можно одна семья от другой далече, и не жить деревнями, ибо в таковом случае не было бы для них прокормления довольно пищи"[3].

Во главе сотни стоял сотник, должность которого была наследственной. Это, очевидно, потомок родового старшины. У сосвинских вогуличей в 1613 г. упоминается, например, сотник Кумыч Байтереков; в 20-х и 30-х годах во главе их стоит Гриша Кумычев. Меркушу Кушкина у лялинских и Белгилду Ямашева у туринских вогуличей, упоминаемых тоже в 20-х годах, позднее сменили их сыновья: „сотник" Меркушев и Сенгилда Белгилдин[4]. На обязанности этих сотников лежал в XVII в. сбор ясака; они же выступали перед русским правительством в качестве ходатаев по

---

[1] В 1599 г. лялинских вогуличей было 30 человек (Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 352).

[2] Сибирский Приказ, № 37, л. 110.

[3] Паллас, назв. соч., ч. II, кн. I, л. 326, Лепехин, назв. соч., стр. 19—20.

[4] См. данные ясачных книг 1625/26 и 1628/29 гг., а также 1650/51 (у Дмитриева, назв. соч., стр. 70, 71). А. И., т. III, № 1. Р. И. Б., т. II, № 183.

делам своих подчиненных [1]. В своих сотнях они пользовались большим значением благодаря богатству и административному положению. Сын сотника Меркуши Кушкина так определял значение своего отца: „мы-де на Ляле с батьком больше государя; хоть-де мы и убьем десять человек, и у нас-де 300 рублев денег лежит, опричь иного живота, платья, коней и коров“ [2].

В десятнях обязанности сотников исполняли пятидесятники и десятники.

У приобских остяков мы находим тот же родовой быт, но с некоторыми отличиями от быта их западных соплеменников.

Сотням западных вогуличей здесь соответствуют „волости“, т. е. племена значительно более крупных размеров. Остяцкая волость нередко превышает 100 и даже 200 ясачных людей, достигая 300 и более человек. Но и эти племена по условиям занятия рыбной ловлей разбиваются на более мелкие группы. „Они, — говорит Георги, — питаются наиболее рыбою, а потому и имеют сельбища свои в смежных с реками, озерами и морями местах, в коих бывает от 5 до 20 хижин. Всякая такая деревня населена обыкновенно свойственниками, а от 5 до 20 деревень составляют волость“ [3].

Это наблюдение исследователя конца XVIII в. имеет силу и для более раннего времени. „Самоядь, — жалуются обдорские остяки — приезжает на Обдорь родами своими вся вместе, многие люди, а обдорские остяки живут не вместе, но юртом порознь, всего человек по 20 и меньши“. Эти небольшие группы „сродичей“ владели сообща принадлежавшими им угодьями. В 1727 г., например, Темличеевой волости Чебыковых юрт ясачные остяки новокрещены Иванко Чебыков „с товарищи“ и все их „сродичи“ заложили за 10 рублей свою землю [4].

В быту приобских остяков спутник Палласа Зуев отметил очень характерные признаки экзогамии. „За грех и стыд, — говорит он, — у них почитается взять в жену из того же роду и прозвища“. Характерно при этом указание на обычай брать жен из одной и той же „фамилии“ [5].

В семейном быту более состоятельной части остяков господствовало многоженство: „имеют же жен толико, елико кто может препитати и калымом заплатити“ [6]. Остяцкие былины помнят о заключении браков путем похищения жен и о военных столкновениях между родами, происходившими на этой почве [7]. Но в исто-

---

[1] А. И.. II. №№ 76, 82, III, №№ 122, 125. Акты писцового дела (изд. Веселовским), II, вып. 1, № 101. Кунгурские акты, №№ 25, 73 (IV). Сибирский Приказ. ст. № 172. А. Юр. № 102, (II).

[2] Сибирский Приказ, ст. № 911 (ненум.)

[3] Георги, назв. соч., стр. 69.

[4] Сибирский Приказ, ст. № 656. Хр. Лопарев, Самарово, Прилож., №№ 8, 11, 22 и др. (докум 80-х годов XVII в. и начала XVIII в.).

[5] Паллас, Путешествие, ч. III, пол. I, стр. 67, 68.

[6] Новицкий, назв. соч., стр. 43, Путешествие Спафария, стр. 84.

[7] Паллас, назв. соч., т. III, пол. I, стр. 86, 87.

рическое время, в XVII в., жены покупаются за „калым", который уплачивался натурой: у кодских остяков, например, платили лошадьми (3 лошади за жену), панцырем [1]. Женщина и рассматривалась до известной степени как живой товар, который ценился постолько, посколько он дорого был оплачен. Муж может уступить жену тому, кто уплатит ему стоимость калыма. Так, кодский остяк Еммлек купил себе жену у князя Дмитрия Алачева, а дал за тое жену кн. Дмитрию пансырь, а Еммлек-де, не любя той своей жены, продал назад кн. Дмитрею, а на уговоре было у них, что было кн. Дмитрею Еммлеков пансырь отдать назад". В другом случае отец кн. Дмитрия кн. Михаил Алачев дал остяку Тюляку „на ссуду, чем калым заплатить, три лошади", и Тюляк „теми лошадьми калым заплатил и девку за себя взял", после его смерти женку взял другой остяк, но новый муж, „что взято было на Тюляке, не заплатил", и вдова кн. Михаила кн. Анна „за тот живот женку взяла" и отдала в Естыльскую волость ее братьям за 10 рублей [2].

Помимо купли-продажи жен у остяков существовало патриархиальное рабство. Источником рабства являлась в первую очередь война. В совместных с русскими походах на „государевых изменников" остяки „в полон жен их и детей имали" и делили тот полон „по себе". Кодские остяки в конце XVI в. производят набеги на кондинских вогуличей и „жены их и дети и людей емлют к себе в юрты... в холопи", „и ныне-де,—жалуются в 1600 г. кондинские мурзы,—жены их, и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Игичея и у его людей в их волостях служат в холопех шесть лет, и, живучи-де у него и у людей его с работы и с нужи, и с голоду, и с наготы и босоты в конец погибли и помирают нужною смертью". Во время похода на нарымских остяков кодские остяки тоже „жен их и детей в полон поимали" [3]. Другим источником рабства является продажа отцами членов семьи. „На нас был голод великий с осени и до весны, были голодны,—плакались в челобитной к царю Михаилу сургутские остяки,—...с голоду ели человечину и собаки, а иные ясачные люди женишка свои и детишка на корм продавали в холопи" Кодские остяки также жаловались, что от поборов своих князей „детишек своих позакладывали и испродали", а для подвод и ясака пришлось „жен и детей позакладывать" [4]. Наконец, число рабов пополнялось покупкой, в частности у самоедов [5].

В XVII в. родовой строй у приобских остяков уже находится в периоде разложения. Мы находим среди них явные признаки социальной дифференциации. При отсутствии четкого разделения

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203, лл. 58, 59.

[2] Там же, ст. № 203, л. 59.

[3] Там же, ст. № 376. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 202, 257. Р. И. Б., т. II, №№ 70 и 75.

[4] Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 34; ст. № 203, л. 7; ст. № 376. Акты времен царствования В. Шуйского, № 116.

[5] Сибирский Приказ, ст. № 373. Д. А. И., IV, № 126 (II).

труда эта дифференциация не идет еще очень глубоко, но резкая разница между „лучшими", „мощнейшими в имении" и бедностой есть, и первые используют свои преимущества для эксплоатации вторых. Среди сургутских остяков есть много „старых и увечных и бедных", которые, по выражению их соплеменников, „бродят по нашим юртишкам и кормятся". „И те, государь, бедные людишка,—заявляли сургутские остяки,—в наших волостях живучи, по нашим юртишкам по нас кормились, жон у них и юртишек и заводу никакого, чем им твой государев ясак добывать, на платьишка нет". И Новицкий в начале XVIII в. говорит о „нищете и скудости" некоторых остяков, которые в „нищетной одежде" ходят на промыслы. С другой стороны, выделяются „лучшие", „нарочитые" люди, сравнительно более состоятельные остяки. К этим „лучшим" своим соплеменникам и попадали в зависимость бедняки, кормившиеся по юртам. Так образовался разряд „захребетников", которых лучшие остяки эксплоатировали в свою пользу, в частности заставляли их промышлять за себя ясак. „Которые жили в захребетниках,—жаловались сургутские воеводы,—а имали с них ясак себе в подмогу лучшие люди, а сами многие лучшие люди не плачивали". Среди таких захребетников отнюдь не все были неспособные к работе, „старые людишка и увечные, слепые и хромые и безрукие", как их представляли их патроны: „у них живут в волостях многие захребетные люди, а ясаку не платят, а на лешню ходят и всякими промыслами промышляют и живут своими юрты" [1]. Точно так же и в Коде беднейшие остяки, лишенные возможности промышлять и ходить на войну, работают в хозяйстве своего князя. Малолетних кодский князь эксплоатирует на своих рыбных ловлях и т. д. [2]. Таким образом, среди приобских остяков уже имеются некоторые признаки нарождающихся феодальных отношений. К сожалению, скудость источников не позволяет подробнее осветить этот вопрос.

Религиозные верования у вогуличей и остяков, как и у прочих племен, стоящих на одинаковой с ними ступени экономического и общественного развития, принимали форму примитивного анимизма.

К более древним формам культа можно, повидимому, отнести присвоение сверхъестественных свойств отдельным предметам неодушевленной природы. У вогуличей еще в XVIII в. наблюдался культ фетишей — случайных предметов, которым приписывалась чудодейственная сила; таковым являлась любая „вещь", которую вогульский охотник брал с собою на промысел „для щастья": „Например, из чурки выделанную колодцу с пришибленным соболем или в капкане пойманного зверя или сему подобные другие". Харак-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 8, лл. 24, 28, 29. Новицкий, назв. соч., стр. 39.
[2] Об этом см. подробнее ниже.

терно, что владелец фетиша почитал его, „пока бывает удача"; „в противном случае" кидал его, как вместилище „нечистого духа" [1].

У тех же вогуличей мы находим культ оружия, в частности культ священного копья, почитавшегося в одном из пелымских святилищ. У приобских остяков магические свойства приписывались стреле с колдовскими начертаниями; она служила символом войны; стрелою, „по своей вере", шертовали остяки. В Б. Атлыме „шайтаном" служили „два копья железные", которые хранились „в берестяной пайве" [2].

И у вогуличей и у приобских остяков мы встречаем священные „идоложертвенные" деревья, на ветвях которых вешались „сребро и злато и шелк и ширинки" и „вся бесовские привесные козни", приношение нечестивых. Такова была священная лиственница пелымских вогуличей в окрестностях Пелыма; еще в 1618 г. вогуличи не только „у лиственницы молили в юртах", но даже приносили ей человеческие жертвы, „малого убили" [3]. „Ель" фигурирует в числе остяцких „знамен", сакральное значение которых несомненно; вокруг ели совершался остяками в XV в. обряд шерти.

Из предметов неодушевленной природы пользовались почитанием также камни, как, например, „остяцкий молебный камень на Шакве" [4]. Писатели XVIII в. пишут о существовании над Сосвою „высеченного из камня воленя", т. е. „лосьего телка", над которым „состроена особая юрта, к которому вогуличи приходили из далеких стран молить его жертвоприношением и небольшими подарками о щастливой охоте". Близ Благодатского завода еще в первой четверти XVIII в. можно было видеть священный камень вогуличей, исписанный магическими знаками [5].

От XVIII же века дошли до нас сведения о священных участках земли, связанных, очевидно, с тем же культом неодушевленной природы „Все места, божкам посвященные, — пишет со слов Зуева Паллас, — отграничены от остяков или реками, или ручьями, или другими приметами, и таковые идолов дачи так у них хранимы, что без огорчения, по их мнению, божка владетель того места ни под какою нуждою ни травы сорвать, ни дерева срубить, ни за зверем гнаться нижѐ рыбы ловить, нижѐ в том месте воды напиться не смеет, и если кому мимо плыть случится, то остерегается наивсевозможнейше, чтоб не подъезжать близко". Священными становились между прочим места особенно удачной охоты [6].

---

[1] Лепехин, назв. соч., т. II, стр. 29.

[2] ГАФКЭ, Портфель Миллера, 509. О культе копья в Пелыме и священной стреле см. ниже.

[3] Житие Трифона в Трудах Пермск. Арх. ком., вып. IX, стр. 63. ГАФКЭ, Портфель Миллера, № 478, № 70, Лепехин, Дневные записки, т. II, стр. 29.

[4] Дмитриев, Пермская старина, IV, стр. 134.

[5] Паллас, назв. соч., ч. II, пол. I, стр. 332. Портфель Миллера, 503.

[6] Паллас, назв. соч., изд. 1788, ч. III, пол. I, стр. 80—81.

Очень распространен был среди вогуличей и остяков культ некоторых зверей и птиц. На первом месте стоит поражавшее русских наблюдателей „странное почитание" медведя. В случае убийства медведя требовались особые умилостивительные обряды, „зане, — по выражению Новицкого, — зловерят, яко по убиении от рук, аще не будет почтен, то свое убиение убивающему отмстит". Обряд заключался в ритуальной пляске вокруг шкуры убитого зверя, сопровождавшейся песнями, в которых преступник „изъявляет невиновна себе его убиению, глаголя: яко не он делатель железца и стрелы, нижѐ его пера: русак укова железо, пера — орел родитель"; по совершении обряда охотник берет шкуру „и продает ю, аможе хощет, и употребляет без сомнения". Клятва на шкуре медведя считалась особенно священной и соблюдалась „зело со опасением" [1].

Признаки зоолатрии можно видеть и в описанном выше культе „окаменелости" в виде лося. В Белогорье пользовался почитанием гусь; медное изображение этой птицы хранилось в местной кумирне, в гнезде, сплетенном „от различных сукон, холста, кожей" [2]. О культе орла у приобских остяков сообщает Паллас [3].

Очень большое место в религиозных верованиях остяков занимал культ мертвых: „некоторый род богопочитания и к мертвым", по выражению Палласа. Каждый умерший, по их представлению, по смерти превращался в духа — „шайтана", требовавшего от живых приношения пищей и подарками. Особенно ярко культ мертвых нашел себе выражение „в странном и безстудия исполненном обычае", согласно которому жена по смерти мужа делала „от древа на подобие человеческое кумира", одевала его в одежду покойника, ставила в юрте на почетном месте, угощала, укладывала с собою и целовала, „аки жива мужа". „Верует бо... — говорит Новицкий, — (что) душа умершего иногда в сего утвореннаго идола входит". Приблизительно через год идола хоронили во всей одежде, „провождающе с плачем и жалостью" [4].

От культа мертвых имеет свое начало обычай посвящать умершим и класть с ними в могилу „имения от частей, а паче нужная в житии". „Кладут-де они, — говорится в одной грамоте XVII в., — дедов, и отцов, и матерей своих, и род и племя в могилы, а с ними кладут животы, серебрянное всякое посудье и платье". Когда у казымских остяков русские и новокрещены „могилы раскопали и животы их поимали", они жаловались, что воры „по их вере, от шайтанов серебро отнимают и шайтанов грабят" [5].

На почве таких верований создается культ могил и в связи с этим признание мест погребения, как мест пребывания шайта-

---

[1] Путешествие Спафария, стр. 35. Новицкий, назв. соч., стр. 53.

[2] Новицкий, стр. 58–59. Памятники Сибирской истории XVIII в., I, № 62.

[3] Паллас, назв. соч., ч. III, пол. I, стр. 81.

[4] Новицкий, стр. 46. Паллас, назв. соч., ч. III, пол. I, стр. 78.

[5] Р. И. Б., т. II, № 91. В могилах было взято 30 чар серебряных больших и 10 котлов медных на сумму 100 руб. Новицкий, стр. 45–46.

нов, особо священными и обращение их в „мольбища". Такое „жертвище и кладбище" на Чусовой описано в „Житии Трифона", „идеже,—по словам туземцев,—прежде отцы наши и мы по них по нашему обычаю на кладбищах под древесы жертвы приносим". Кладбище это пользовалось широким почитанием, и к нему „Очерские реки востяки и с Тулвы и с Сылвы реки приезжали туто же во едино место; славно бо у них место к своей им прелести" [1].

Культ мертвых наряду со всем строем анимистических верований способствовал развитию среди остяков культа домашних богов, в лице которых почитались души предков и сверхъестественные силы, связанные предметами, принадлежащими отдельным людям и семьям. Такие домашние боги, „особливые болванчики", имелись в каждой остяцкой юрте, и каждый остяк мог их сделать для себя сколько хотел и как умел.

На березовского новокрещеного остяка Гришку поступил в 1634 г. донос, что он „живучи в юртах, остякам делает шайтаны и у себя в юрте шайтаны держит и по первой своей вере тем шайтанам кланяется" [2]. Этим объясняется громадное число „болванов", которые были в 1723 г. отобраны и сожжены русской администрацией в Березовском уезде: в Кылдысанских, Нерымкарских, Вежакарских и Сурецких юртах было конфисковано 1200 деревянных и 5 железных идолов, в Естыльской волости — 246, Шаманских юртах — 146, в Вас-Пуколской — 20. Эти божки хранились в особых „шайтанских коробьях". Таким домашним богом был, например, „палтыш-болван" кодских князей [3].

Эти остяцкие пенаты были очень разнообразной и причудливой формы и представляли, собою либо грубо иссеченные фигуры, „вырезанные болваны серебрянные, и медные, и деревянные и всякие", либо просто „некие лежащие в зыбках древища, повитые кожею, сукном и холстом, посреди же часть стекла зерцалного уложена". Новицкий в самом начале XVIII в. видел в Шокарских юртах идола: „в среде поленце, от 50 лет прикладными обвито сукнами, а наверху из жести изваянная личина, мало что бяше подобие человека". В одном деле 1723 г. упоминается в Вас-Пуколской волости „шайтан крылатый".

Культ домашних богов первоначально ограничивался пределами одного рода. Жрецом домашнего бога был его владелец, „всяк самоделец кумира или настоящих по наследию отцов или сродник своих державец идола, кто утворит или содержит идола" [4]. Но при известных условиях этот культ мог выйти наружу, сде-

---

[1] Труды Пермск. арх. ком., т. IX, стр. 62 — 64. Труды Вятск. арх. ком., 1912, I—II, стр. 35. Ср. Р. И. Б., т. II, № 91, про кладбище: „у их мольбища у шайтанов".

[2] Сибирский Приказ, ст. № 36, л. 21; Паллас, стр. 77. Новицкий, стр. 48. ГАФКЭ., Портфель Миллера, 509.

[3] Собрание государств. грамот и договоров, т. II, № 148.

[4] Новицкий, назв. соч., стр. 48. Портфель Миллера, 509.

латься достоянием более широких кругов. Домашний бог князца приобретал значение во всем племени; своим „палтыш-болваном" „княжил и кодскими остяками владел" кодский князь. Нередко домашний бог какой-нибудь семьи случайно приобретал известность даже за пределами племени. Очень показателен в этом отношении пример бога населенных вогуличами Нахрачевских юрт, описанного Новицким. Это был собственно бог, принадлежавший господствовавшему здесь Нахрачу Евплаеву, „иже есть начальник, державец и служитель скверного того истукана"; „не только же он сам, но и весь народ, тамо собранный, зело почитаху сего скверного истукана", и он славился „во всей остяцкой земле" настолько, что его развозили по соседним юртам. Для него было устроено в Нахрачевских юртах особое „чтилище", „украшенно сукном червленым", среди которого он стоял, окруженный меньшими кумирами, почитавшимися его служителями, и кучами приношений „утварей, кафтанов, белок и прочих" [1].

Таким общепризнанным богам приносились щедрые жертвы: „побивают-де шайтану по своей вере оленей и лошадей", „в скверное их требище бесовское шайтану в дар платье и лошади дают",—говорится в одной грамоте. Эти жертвы рассматривались как „снедь шайтаном". Жертвоприношения совершались с известными обрядами; так, „по прежнему их иноземскому обыкновению", при заклании коровы надевали на нее зеленый зипун и призывали шайтана. В особо важных случаях не останавливались даже перед человеческими жертвами: „а в прошлых-де годах бывало у их братьи, иноземцов, что похотят великим государям изменить... и они-де побивали, по своей вере, шайтану свою братью остяков". Так, в 1648 г. сосвинские остяки, „собрався... на Сосве реке в Тобылдинские юрты, и убили на мольбище перед шайтаном самоедского малого", причем предварительно „шаманили перед шайтанами сосвинские остяки Васька Автомов с товарищи, и шайтан-де сказал им, чтоб они по своей вере перед шайтаном на мольбище убили человека, и у них-де в волости мору не будет, а в лесу зверя, а в воде рыбы много будет по прежнему" [2]. О человеческих жертвоприношениях перед пелымской лиственницей сказано выше. Возможно, что и обряд одевания коровы в зипун является фикцией заклания человека.

Одновременно с расширением территории культа отдельных богов происходит постепенное выделение особого разряда людей, специалистов в исполнении угодных богам обрядов, получивших свыше дар близкого общения с духами: „шаманы знающие" или „шайтанщики" (как их называли русские), которые „о всяких делех с болванами говорят и их вспрашивают... и они в шаманстве в огонь мечутся и иные мечты творят". Камланье остяцких шаманов —

---

[1] Новицкий, назв. соч., стр. 99—101.

[2] Сибирский Приказ, № 462, . А И., т. IV, № 126 (II). Памятники Сибирской истории XVIII в., т. I, № 81. ГАФКЭ. Портфель Миллера, 509.

„мечты некие и волшебство", — при котором они „обычно будущая кусятся и предвещати", подробно описано Новицким [1].

Еще раньше, в XVII в., остяцкий шаман в Чандырском городке описан в одном из источников, которым пользовался Ремезов; „что их абыз могуще демоном чинити дива призыванием жертв их: проклятого связавше крепко, и уткнут саблею или ножем в брюхо сквозь и держат связана, дондеже по вопросу всем скажет, и тогда выдернут из него нож или саблю, шайтаншик же, став, наточит пригоршни крови свои и вымажется, будто весь цел, что и язв не знать". Жрецы-специалисты присваивают себе исключительное право приближаться к общеплеменным святыням. Миллер записал рассказ, что вогулича, нарушившего запрет, забивали палками [2].

Важнейшими религиозными центрами остяков были Белогорье и Сосва. На Белогорье, близ устья Иртыша, по выражению Ремезова, „бо у них мольбище большое... имеша бо жрение и съезд великий". Здесь „име скверное жилище" описанный выше медный идол священного гуся, и к нему в начале охотничьего сезона на „птиц водных" собирались „от далечайших селений" остяки, „скверная своя совершающе жертвы, единым обычаем скотов, а наипаче лошадей приношаху" для успеха будущей охоты. Медный гусь славился также как оракул, и шаманы белогорские „о всяких делех" „с болваны своими говорят и их вспрашивают, и в том шаманстве те болваны и в Белогорье медной гусь отповедь чинит" [3]. Другим священным идолом белогорского мольбища был „старик обский" — бог воды; ему были посвящены две кумирни: одна на устье Иртыша, другая на самой Оби, в которых он пребывал по очереди по три года в каждой. Ему устраивалось угощенье весною, при вскрытии рек и начале рыбной ловли. В начале XVIII века на Белогорье был перенесен с Конды „Мастерков шайтан", привлекавший приношения из самых дальних волостей Березовского края; он стоял в лесу, в берестяной юрте; личина его была обита железом белым, сам он был „оболочен в платье"; по обе стороны его стояли два кумира „в подобие жен" в женском платье [4].

Что касается сосвинского шайтана, то к нему обращались остяки „всею Сосвинскою волостью" в исключительных случаях, либо для испрошения благословения для какого-нибудь опасного предприятия, например, восстания против русских, либо для избавления от стихийных и иных бедствий, „что-де... у них на Сосве на людей мору не было, и в лесу зверь, и в воде рыба была по прежнему". При этом не ограничивались обычными жертвами ско-

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., т. I, № 62 (II); Новицкий, назв. соч., стр. 48—49.

[2] Сибирск. летоп., стр. 326. Новицкий. назв. соч., стр. 57 — 58; Памятники Сибирской истории XVIII в., т. I, № 62 (II).

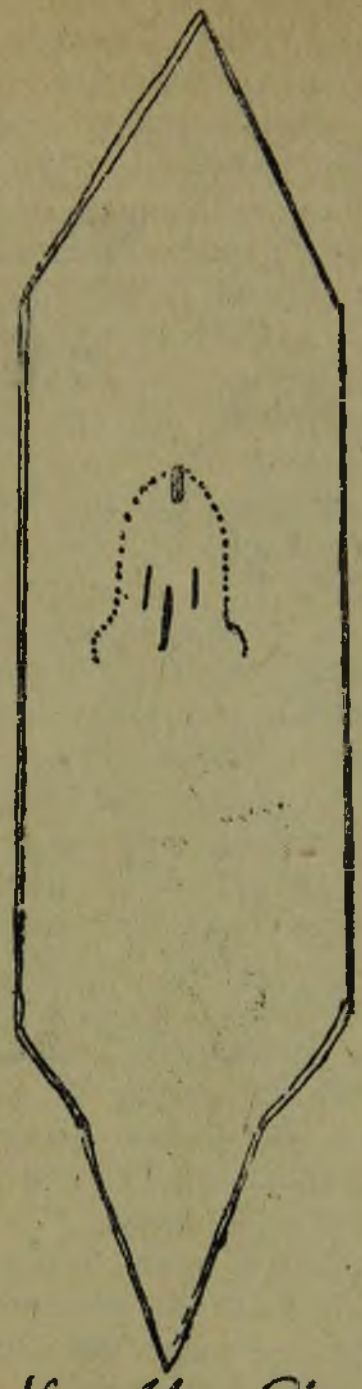
[3] Сибирск. летоп., стр. 336.

[4] Новицкий, назв. соч., стр. 56—57. Портфель Миллера, 509.

том, а „посоветовав всей волостью“, прибегали к человеческому жертвоприношению и „перед шайтаном на мольбище“ убивали мальчика[1].

Кроме двух названных святилищ, упоминается Рачево городище, куда, по словам Ремезова, шайтанщики собирались „со всех юрт на мольбище к шейтану Рачу“, „мольбище шайтанское“ в Колпуховской волости[2], „капища идольские“ остяцкие близ Березова[3] и другие. Наконец, среди березовских остяков пользовался почитанием и зауральский Чердынский шайтан в Пермской земле, которому в особенно исключительных случаях они приносят человеческие жертвы. Еще в 1709 г. лялинские остяки „для измены и шатости“ „отдали-де Чердынского уезда лосвинским остякам женку убить на жертву шайтану“[4].

У западных вогуличей, кро-



(Схематический рисунок вогульского идола, найденного одним рекрутом в трех верстах от Туры, за Кушвою с правой стороны на холме, при закладке Благодатно-Туринского завода).

Вогульский идол, по рис. 30 годов XVIII века.

Заслуживает внимания магическое изображение шайтана |||, соответствующее остяцкому „знамени“, известному под названием „шайтанская рожа“.

---

[1] Сибирский Приказ, № 462. Д. А. И., IV, № 126 (II).
[2] Сибирск. летоп., стр. 334, 335.
[3] Путешествие Спафария, стр. 70.
[4] Д. А. И., IV, № 126 (II); Памятники Сибирской истории XVIII в., № 81.

ме Нахрачевского шайтана и пелымской лиственницы, почитанием, выходящим далеко за пределы их собственной территории, пользовались некоторые святилища Конды; кладбище чусовских вогуличей с его священным деревом, разоренное Трифоном, привлекало тоже, как мы видели, верующих издалека.

В связи со всем строем верований вогуличей и остяков находится религиозная магия, в которой с необыкновенной яркостью отразилась вера в чудодейственную силу отдельных неодушевленных предметов и живых существ, необязательно даже самих предметов, но и их изображений. Такой характер носит обычная шерть остяков, которая приносится на медвежьей шкуре и заключается в том, что присягающему подают на конце ножа хлеб; в случае нарушения клятвы „хлеб сей и нож да погубят тя", как гласит обрядовая формула[1]. Эта форма шерти очень древняя, она известна еще в XV в. в сочетании с другим, тоже магическим, обрядом „питья золота", которым сопровождалось заключение договора. Последний обряд состоял в том, что заключавший договор пил воду из сосуда, в который был опущен золотой предмет; это называлось: „с золота воду пить" — форма этой клятвы, очевидно, соответствовала форме присяги языческой Руси: „да будем золоти, аки золото"[2]. До нас дошло подробное и точно датированное описание шерти югорских и кодских князей при заключении мира с вымичами и вычегодцами в 1485 г.[3], в котором отчетливо выступают эти два элемента присяги на медвежьей шкуре над предметами питания и оружием и „питье золота".

Поставлена была „елка в жердь протолста, протесав на четыре", под нею постелили „медведно", т. е. медвежью шкуру, на которую положены были две сабли „остреи вверх" „супротивно", а также рыба и хлеб. К елке была привязана „жаба берестяная", под жабой к елке прикрепили две сабли острием вниз. При шертовании обходили вокруг елки, проходя под саблями, причем кто-нибудь из присутствующих приговаривал: „по их праву бог казни" и, обойдя елку, остяки кланялись на полдень, после чего пили с золота воду, приговаривая: „кто изменит, а ты, золото, чуй"[4]. Обряд остяцкой присяги был осложнен в данном случае христианскими обрядами в виду участия в договоре русских.

Из других магических обрядов следует отметить призыв к войне посредством рассылки волшебной стрелы, на которой были нечертаны магические знаки: „а (на) ней нарезаны одиннадцать шайтанов с рубежи, а поперек шайтаны резаны, и же-

---

[1] Новицкий, стр. 54.

[2] Карамзин, История Государства Российского, т. VI, прим. 461, Волог.-Пермск. летоп., л. 492. Ср. Сибирск. летоп., стр. 334, где обряд стилизован в христианском духе.

[3] См. приложение на стр. 86.

[4] Акты времен правления царя В. Шуйского, № 118.

лезо стрельное стерто". На священной стреле приносились также клятвы [1].

Может быть, тотемистический характер имеют „знамена", с которыми отдельные остяки отождествляли свою личность. Это были рисунки, нататуированные на теле, „знамения некая или взоры на руцех и персех, или на нозех", которые еще в детстве „иглою до крови изводше, сажею с иными утварими тако крепко натирают, яко сотретися до кончины его не может". Такое изображение, воспроизведенное на бумаге, заменяло подпись соответствующего лица [2]. Темой „знамени" чаще всего являлись звери (олень, собака, соболь, лисица, выдра, бобр, россомаха, медведь, конь), птицы (журавль, плиска, дятел, филин, тетерев, вообще „птичка"), деревья (ель), рыбы; иногда предметы остяцкого обихода: „скребелница" (инструмент для выделки кож), служившая в частности знаменем для обдорского князца Молика Мамрукова, для куноватского князца Горы Данилова и некоторых „лучших" остяков других волостей [3], лодка, нарта, весло, лук и стрела и т. п. В некоторых знаменах отражаются религиозные представления остяков. Так, часто знаменем служит священный символ бога: „шайтанская рожа", „нос шайтанской", „болван", одинаково изображаемый в виде трех параллельных черточек, из которых одна выдвигается несколько вперед (|||). Сакральное значение имели также изображения солнца и месяца. Наряду с такими сложными по замыслу композициями попадаются и очень элементарные „знамена", в виде отдельных черточек: „знамя... имя ему рубец, порезано на руке", „крест", „вилка" и т. п. [4].

---

[1] Акты времен правления царя В. Шуйского, №№ 61 и 118. (Подлинное дело об „изменной стреле" см. Портфель Миллера, 478, №№ 13, 40, 47). Символическое изображение шайтанов в виде трех черточек, или «рубежей» ||, часто встречается среди остяцких знамен.

[2] Ср. у Лопарева, Самарово, Прилож., № 12: „знамя Молчанково, а то знамя у него на правой руке". То же Памятники Сибирской истории XVIII в., т. II, № 9 („знамя с правой руки", „знамя с левой руки").

[3] „Скребелка", „скребелница" изображается в форме свастики, но значение этого символического изображения совершенно ясно оговаривается в документах. Поэтому общепринятое толкование о связи свастики с солнечным культом, может быть, требует поправки, и происхождение этого символа гораздо более прозаично.

[4] Сибирский Приказ, ст. № 49, № 112, № 331 и др. Лопарев, Самарово, Прилож., №№ 8—13. Памятники Сибирской истории XVIII в., т. II, № 9. Ср. Оглоблин, Остяцкие знамена („Историч. вестник" 1889, № 10). К сожалению, в своей работе Н. Н. Оглоблин не делает различия между остяками и остяко-самоедами.

II

Распад родового строя у остяков и вогуличей начался, повидимому, задолго до русского завоевания. Уже в XV в. они разбивались на небольшие племенные княжества, возглавлявшиеся „князцами". Власть этих князцов, первоначально, вероятно, основывавшаяся на родовом старшинстве, в изучаемую эпоху утратила свой родовой характер. В Коде, например, где произведенная русским правительством в 1631 году перепись дает очень точные сведения о составе всего племени, княжеский род не только по мужской, но и по женской линии резко выделяется из общей массы кодских остяков, и мы не находим даже слабых признаков родовой связи между князьями и их народом[1]. Исследователи конца XVII и начала XVIII в., непосредственно наблюдавшие быт туземных княжеств, видели источник их власти в их экономической мощи и богатстве. „Егда кто имением паче иных знаменитейший, — пишет Новицкий, — того за начальнейшего и сиею титлою чести почитают его: князь"[2]. По словам Ремезова, Богдан Брязга назначил главным в Березовском уезде кодского князя Алача, „яко богата суща"[3]. Позже Миллер утверждал, что „все преимущество мелких сибирских князей состоит в том, что против прочих больше богатства имеют"[4]. Действительно, березовский воевода князь Белосельский объяснял в Москве тот авторитет и престиж, которыми пользовался кодский князь Михаил Игичеев не только среди своих подданных, но и среди окрестных остяков, тем, что все они у него „прикормлены" и „одолжены"[5]. Сын вогульского сотника Меркуши в более грубой форме выразил ту же мысль: „хоть-де мы и убьем десять человек, и у нас-де 300 рублев денег лежит, опричь иного живота, платья, коней и коров[6]. Таким образом, все эти согласные между собой свидетельства с неопровержимой убедительностью показывают, что в основе преобладания княжеской семьи лежало ее экономическое могущество. Пользуясь своим положением в пле-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 27.
[2] Новицкий, назв. соч., стр. 40.
[3] Сибирская летоп., стр. 336.
[4] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 123.
[5] Сибирский Приказ, ст. № 27.
[6] Там же, ст. № 911 (ненумер.).

мени, князцы, власть которых первоначально покоилась на принципе родового старшинства, постепенно, как мы увидим из примера кодских князей, присваивают себе право получать от соплеменников „поминки", т. е. подарки и ясак с покоренных соседей; в случае войны военнопленные делаются их рабами, и этим объясняется тот факт, что в остяцких волостях мы находим холопов почти исключительно у князцов, которые и эксплоатируют их в своем хозяйстве. Наконец, князцы завладевают в свою пользу промысловыми угодьями. Так, кодский князь Дмитрий Алачев отнял, по словам его остяков, у одного из них, Емеля, „рыбную ловлю в Низанском городке речку"; он же запретил „вблизе по дорогам дров сечь", потому что-де надобны те дрова на его, князь Дмитриев, обиход" [1]. Такими способами скапливаются в руках отдельных родовых старшин значительные средства. У кондинского князя Агая русские захватили большие запасы пушнины (426 соболей, 13 лисиц, 61 бобр, 10.000 белок), у кодского князя Дмитрия Алачева воры в 1640 г. выкрали из амбара 530 рублей денег и мех черной лисицы ценою в 100 рублей [2] и т. д. Накопленные богатства князцы пускали в торговлю и в ростовщические операции, ссужая соплеменников снаряжением для промыслов и войны и получая в уплату часть военной или промышленной добычи. По мере того, как упрочивалось владельческое положение княжеского рода, культ его домашних богов получал общеплеменное значение, и тем самым упрочивалась его власть, и княжеское достоинство переходило по наследству от старшего брата к младшему и от отца к сыну.

Память об этих туземных княжествах сохранилась в остяцких былинах. Остяцкий эпос, изученный Патканoвым, рисует картину общественного быта остяков героической эпохи. Остяцкие княжества, как они представляются в песнях, очень незначительных размеров: при всей склонности к поэтическому преувеличению былины говорят о войске в 50, самое большее в 300 человек. Кроме того, каждое княжество дробится между членами княжеской семьи: в одном и том же городке княжат несколько князей — два брата или дядя и племянник; народ делится поровну между совладетелями: каждый имеет своих людей, свое войско, но один из них признается главным князем. Центрами этих маленьких княжеств являются городки, укрепленные валами и палисадами. Социальный состав их несложен: княжеский род, простые люди и немногочисленные рабы, преимущественно княжеские. Князья отличаются великолепием; былины говорят о роскоши их одежды, об амбарах, где хранятся их богатства, о шелковых, разотканных и украшенных бубенцами завесах, отделяющих в их домах женскую половину от мужской, о сокровищницах их домашних богов. Среди плохо

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203, л. 80 — 81.

[2] Там же, ст. № 203, л. 1; Р. И. Б. т. II, № 54. О ростовщических операциях кодских князей см. ниже.

вооруженных воинов опять выделяется князь, „звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь". Он окружен дворней, снабжающей его пищей, прислуживающей ему. Его богатство позволяет ему роскошь многоженства. Исключительное положение князей выработало у них изысканную психологию и утонченность манер, они щепетильны в исполнении данного слова, деликатны в еде; когда нужно приказывать, то делают это жестами и глазами. Своеобразные рыцари северных тундр, они воюют из-за женщин, хотя в семейном и общественном быту замужняя женщина занимает приниженное положение. Война — страсть остяцких богатырей, и былины воспевают их подвиги и „площади, усеянные изрубленными телами мужей и жен". Они с ожесточением воюют между собою, иногда вступая в союзы друг против друга. Дух воинственности поддерживается в них постоянной опасностью со стороны их исконных врагов — самоедов, и войны с ними являются одной из излюбленных тем древних былин. Своим княжеством князь управляет самовластно, хотя существует обычай созывать вече, и в княжеских городках имеются особые помещения для сходок, куда по призыву князя набивается народ, „как окуни и плотва в морды". На вече князья сообщают народу о своих предположениях, объявляют ему свои указы, но с мнением веча они не считаются, нередко действуют наперекор ему, совершенно так же, как гомеровские цари [1]. В таких чертах рисуют остяцкие былины своих древних князей.

Любопытно отметить, что остяцкие былины, как явствует из их содержания, рисуют быт, в котором феодализация уже сделала большие успехи. Остяцкие князья выступают в них с очень яркими чертами мелких феодалов, власть которых уже переросла власть племенных старшин, основанную на кровной родовой связи.

Исследователь былинного эпоса остяков Патканов, у которого мы заимствовали вышеприведенные сведения, относит возникновение его ко времени до появления русских.

Действительно, обращаясь к источникам другого рода — к русским летописям, мы находим очень рано у остяков и вогуличей первые признаки примитивного феодального строя. Новгородцы, ходившие в Югру в XII в., встретили здесь организованное сопротивление; у „югорских" остяков было несколько городков; под 1193 г. упоминается „князь югорский" [2]. При описании экспедиций за Урал воевод Ивана III вновь встречается известие о маленьких туземных княжествах. В 1467 г. был взят в плен и приведен в Вятку вогульский (пелымский) князь Асыка; в 1483 г. московские воеводы воевали „югорских" и „кодских" князей, причем взят был в плен князь Молдан и „княжих Екмычеевых двое сыновей".

---

[1] Все приводимые в тексте данные заимствованы из статьи Патканова: Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям («Живая старина», 1891 г.).

[2] Новгородск. летоп., изд. Арх. ком., стр. 166 – 169.

В те же годы упоминаются другие князья: Пыткей, Ляба или Лабада, Чангил, Пынзей, Екмыч, пелымский князь Юмшан, сибирский (вероятно, тоже остяцкий, а не татарский) князь Лятик и другие. Во время похода кн. Курбского в 1499/1500 г. было завоевано более 40 городков, взято в плен 58 князей [1].

Позднее, в XVI в., Ермаку и его казакам пришлось шаг за шагом отвоевывать территорию по нижнему течению Оби у остяцких князьков, оказывавших им упорное сопротивление в своих укрепленных городках. Достаточно назвать остяцких князцов, властвовавших на притоке Иртыша Демьянке, Бояра и Нимньяна, город которого „велик и крепок", возвышавшийся на „крепости горы", тщетно в течение трех дней штурмовали казаки; князца Самара, город которого стоял близ устья Иртыша; кодского князя Алача, который был „во всех городах славен", и других; ляпинский князь Лугуй признал власть московских государей только в 1586 г. Скудные летописные известия позволяют все-таки сделать некоторые наблюдения над древними югорскими княжествами XV—XVI вв. Эти княжества очень мелкие, как видно из описания похода кн. Курбского, в котором на 58 князей приходится всего 42 городка; очевидно, в каждом городке было по несколько князей, что соответствует былинным преданиям. Очень рано, однако, можно заметить тенденцию этих мелких княжеств к объединению в более обширные единицы, и это было тем более естественно, что среди многочисленных князьков были, вероятно, члены одного и того же рода, правившие совместно общим княжеством. В XV в. во главе югорских князей стоит „князь больший" Молдан; с белогорским князем Самаром в XVI в. было „в сборе восемь княжцев"; таким же „большим их сборным княжцом", по словам Ремезовской летописи, был князь Нимньян, под знаменем которого собралось будто бы до 2000 татар, вогулич и остяков; на нижней Оби „большим" князем во времена Ермака был кодский князь Алач [2]; ляпинский князь Лугуй объединял под своей властью не только ляпинских, но и казымских и куноватских остяков. Пелымскому князю подчинены были в XVI в. также Конда и Табары. Таким образом, мы находим в XV и XVI вв. среди остяков довольно крупные племенные соединения. Их князья вступают в союзы, ведут войны и дипломатические сношения, заключают договоры не только с своими соплеменниками, но и с соседними государствами. Так, в 1483 г. от пелымского князя Юмшана приходили к великому князю Ивану III его шурин Юрга и сотник „вогулятин" Анфим бить челом об „опасе" для прибытия его самого в Москву. В том же году приходил в Москву от кодских князей и „от всея земли Кодские и Югорские" „вогулетин" князь Пыткей ходатайствовать об осво-

---

[1] Вологодск.-Пермск. летоп. (Гос. Истор. музей, Синод. 485), л. 490об. и сл. Архангелогор. летоп., изд. 1788, стр. 141. Карамзин, т. VI, прим. 461. Миллер, стр. 63—64.

[2] Сибирск. летоп., стр. 333, 335.

бождении взятых в плен князя Молдана с товарищи. В 1485 г. при посредничестве пермского владыки кодские князья заключили под Вымским городком мир с вымскими князьями и с вычегодцами, скрепленный с обеих сторон торжественной клятвой. Этим же договором был скреплен оборонительный союз кодских остяков с обдорцами; наоборот, из договора был исключен один из кодских князей — Ляба, потому что прочие кодские и югорские князья во главе с Молданом и Пыткеем заявили, что он „не под ними". В том же году с „опасом" великого князя в Москву прибыл Юмшан пелымский [1].

Из сказанного видно, что еще до прибытия русских у вогуличей и остяков намечаются признаки феодализации и начинают складываться, правда, еще очень примитивные, формы государственной организации. Остяцкий или вогульский князь в XV — XVI в. уже перестал быть родовым старшиной своего племени и принял черты маленького феодального сеньора.

В XVI в. небольшие вогульские и остяцкие княжества попали в зависимость от татарских ханов, господствовавших у слияния Иртыша с Тоболом и оттуда широко распространивших свое владычество на туземцев. Зависимость эта, очень поверхностная, ограничивалась уплатой ясака и некоторой военной помощью. Сибирский хан брал „дани со многих низовых язык", т. е. с племен, живших ниже устья Тобола; а также „на рать с собою емлет насильством... воевати тех же остяков и вогулов" [2]. О том, что „остяцкий народ" выступал в поход вместе с татарами, помнит и магометанская легенда. Прочной связи у этих народцев с Сибирским царством не было и не могло быть, и в решительную минуту они с легким сердцем „от Кучумова повеления и рамента отступиша" [3]. В такой неполной зависимости от татар находились жившие по нижнему течению Иртыша ясколбинские вогуличи, остяки, обитавшие по притоку Иртыша Демьянке, и прочие туземцы, юрты которых были расположены в ближайшем соседстве с Кашлыком. Но весьма возможно, что остяки нижней Оби тоже находились под некоторым воздействием татарского государства: еще в 60-х годах XVII в. мысль о реставрации царства Кучума с центром в Тобольске на месте прежнего Кашлыка была очень популярна среди березовских остяков, изъявлявших готовность платить ясак Кучумову царевичу. Ремезов определенно называет в числе подручных Кучума „кондинских (вероятно, кодских) и обдоринских (обдорских) князей", в частности кодский князь Алач фигурирует в его рассказе как влиятельный союзник Кучума, которому по дележу достался один из панцырей Ермака [4].

---

[1] Вологодск.-Пермск. летоп., лл. 492 — 493. Библиотека Академии Наук СССР, 4. 3. 15. (См. Прилож.). Там же, разряди. книга, 32. 5. 1.

[2] Сибирск. летоп., стр. 319, Миллер. стр. 86.

[3] Там же, стр. 331 (Рамент — iuramentum — присяга, шерть).

[4] Д. А. И., IV, № 126, Сибирск. летоп., стр. 346.

В другом направлении власть Кучума распространялась на туземные племена, обитавшие вдоль пути через Урал — по Туре. Есть основание полагать, что его верховенство, по крайней мере номинально, признавали пелымские вогуличи, сидевшие на Тавде. Кучум в 70-х годах XVI в. перевел к себе тахчей, т. е. страну на Туре, и понуждал к уплате ясака живших в той же местности остяков [1].

Одновременно, в результате грандиозных походов 1483 и 1500 гг., предпринятых при Иване III, югорские и пелымские князьки вынуждены были признать и номинальную власть Москвы и обязались „дань давати" и не воевать подданных великого князя — вымичей и вычегодцев. Крупную роль в деле подчинения русскому влиянию остяцких и вогульских племен Сибири играл пермский владыка в качестве крупного маркграфа, выступавшего посредником между Москвою и зауральскими туземцами. В 1483 г. владыка Филофей выхлопотал для пелымского князя Юмшана великокняжескую опасную грамоту для приезда в Москву и послал с этой опасною грамотой к нему своего слугу Леваша; тогда же его печалованием великий князь освободил пленных югорских князьков. В 1485 г. под владычным городком на Выми тот же Леваш от имени владыки участвовал в заключении мира между вымичами и вычегодцами с одной стороны и кодскими князьями — с другой. В том же году сам владыка сопровождал в Москву прибывшего к нему по опасу Юмшана.

Отношения между Москвою и ее югорскими вассалами в XV—XVI вв. определяются царской грамотой 1558 г., к сожалению, сохранившейся в искаженной копии: Москва принимала князей Югорской земли под свое покровительство, обязуясь „жаловать и от сторон беречи, под своею рукою держати", и в обмен требовала „дани со всякого человека по соболю", грозя в случае неповиновения „вострою саблею" [2].

Русское завоевание не уничтожило племенных разделений остяков и не нарушило отношений, существовавших внутри каждого племени. Остяцкие князьки остались во главе своих сородичей под условием аккуратной уплаты ясака, подобно тому демьянскому князьку Бояру, который тотчас после поражения Кучума под Чувашевым явился на поклон Ермаку и которого Ермак отпустил, „честно жалуя". Так в той или иной мере сохранились и под русским владычеством старинные остяцкие княжества, лишь постепенно утрачивая свою внутреннюю самостоятельность.

---

[1] Сибирск. летоп., стр. 319, 331. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 87, 364.

[2] ГАФКЭ. Портфели Миллера, № 127, тетр. 11.

Среди бывших остяцких княжеств одно, Кода, не только существовало до 1644 г., но и сумело сохранить некоторую независимость от Москвы. Оно поэтому заслуживает особого внимания.

Кодское княжество на берегах Оби существовало задолго до завоевания Сибири русскими. Уже в XV в. московские князья посылали экспедициии „в Куду", которую отличали от прочей Югорской земли. В 1484/85 годах упоминается целый ряд „кодских" князей, возглавлявшихся „большим князем" Молданом. Эти кодские князья вторгались в пермские пределы, воевали с вассалами московского государя князьями вымскими, заключали с ними договоры и вели дипломатические сношения с пермским владыкою; в 80-х годах XV в. они принуждены были признать номинальную власть московского великого князя, но уже в 1499 г. пришлось послать новую экспедицию в „Куду" [1]. В конце XVI в. казаки нашли здесь могущественное и богатое княжество; среди прочих остяцких владетелей кодский князь Алач пользовался большим влиянием, „той бо бе во всех городах славен" [2].

Москва использовала кодских князей для покорения соседних с ними остяцких и югорских племен. Поэтому местная княжеская династия сохранила свою власть после завоевания нижней Оби русскими. Первым кодским князем, признанным Москвою, был названный выше Алач. После него кодское княжество наследовал его сын Игичей, по смерти которого (он умер между 1600 и 1604 годами) [3] престол перешел в руки его вдовы Анны и сына Михаила, но уже в 1606 г. двоюродный брат Игичея Онжа Юрьев добился от московского правительства пожалования „в Кодской земле княжеством, как брат его князь Игичей княжил". Это вызвало раздоры и смуту в княжеской семье, так как княгиня Анна продолжала фактически властвовать в Коде и собирать ясак с подвластных ей остяков; вражда настолько обострилась, что в 1609 г. княгиня Анна, ее родня и Чумей Капландеев, другой двоюродный брат Игичея, подымая против русского владычества приобских остяков и кондинских вогулов, „прежде" хотели „убить князька Онжу Юрьева". Восстание против русских не удалось; княгиня Анна сидела даже одно время за приставом на Березове, но затем была освобождена, и княженье осталось за ее сыном, князем Михаилом [4]. Князь Михаил умер в 1632 г., и в том же 1632 г. ему

---

[1] Карамзин, История Государства Российского, VI, примеч. 461 и 462. Библиотека Акад. Наук СССР. Разр. книга 32. 51, л. 42об. — 43; тоже 3 12. 18, л. 50 — 50об.; 4. 3. 15, л. 43. Арх. Гос. Ист. музея, Синод., 485, лл. 491 — 492об.

[2] Сибирск. летоп., стр. 336, 339, 346.

[3] Р. И. Б., II, № 68. Собрание государственных грамот и договоров, II, № 148.

[4] Собрание государственных грамот и договоров, II, № 148. Акты времени правления царя Василия Шуйского, №№ 61 и 118. Р. И. Б., II, № 79. Архив И. А. И. Опись 1928 г., № 59. Буцинский (Заселение Сибири, стр. 172) относит ошибочно это восстание к 1607 г.; он, очевидно, был введен в заблуждение ошибочной датировкой в заголовке документа, напечатанного в Р. И. Б., т. II, № 79 (в тексте: „лета 7118 февраля в 27 день", в заголовке 1608, февраль 27).

наследовал его сын, князь Дмитрий, правнук Алача, последний кодский князь, при котором московским правительством была в 1643 г. уничтожена самостоятельность Коды. Таким образом, в течение более полувека в Коде под властью русских княжила туземная династия, и престол переходил от отца к сыну в древнем княжеском роде.

Географическое положение Коды было мало благоприятно: „живем мы край Оби реки,—жаловались в 1650 г. кодские остяки,— все по берегу, кормимся рыбою, а отхожих, государь, у нас от реки в гору промыслов и речек нет, а вверх идучи Обью рекою, все пришли болота и тундры, а по тундрам все кочевная самоядь, а по другую сторону Оби реки кондинские остяки и пелымские вогуличи, и нам, государь, промышлять негде“ [1]. Отсутствие промыслов заставляло искать выхода на юг, в более лесистые и обильные зверем места. Отсюда беспрестанные войны, особенно с кондинскими вогуличами, сопровождавшиеся уводом пленных и грабежом. Война и военный грабеж долгое время были главным средством существования кодских остяков. Этот воинственный народ умел внушить соседям страх и недоверие. „И впредь-де,—говорили сосвинские остяки еще в 1637 г., — буде не будет в Кодской земле князя Дмитрия Алачева, и тою-де Кодскою землею от тех кодских остяков, от их воровства, не будет никаких русским людям и им, остякам, проезду“ [2]. Под покровительством Москвы, воспользовавшейся в своих целях их воинственностью и страстью к грабежу, кодские остяки, вероятно, завоевали примыкавшую с юга к их земле Емдырскую волость, лежавшую на пути между Кодой и постоянной целью их набегов — Кондой. Во время походов с русскими на Сургут и Нарым они проникли на Вах.

Кодское княжество распадалось в XVII в. на две части: собственно Коду и волости, присоединенные к ней пожалованием московского правительства. В состав собственно Коды входили 13 так называемых Кодских городков; это были: Кодский городок Наргакор или Нангакор, Низянский городок, Шоркарские юрты, Килдясанские юрты, Чемашевский юрт, Нарыкорские юрты, юрт Вежакор, Вонжакорские юрты, Карымкарский юрт и юрты Большой Атлым и Малый Атлым. Эти селения, хотя и назывались городками, не были укреплены: „городу и острогу нет, только одне юрты“. Это собственно Кодское княжество, начинаясь „в днище“ от Березова, тянулось к югу вдоль правого берега, „по край Оби реки“, приблизительно до впадения в нее Ендыра. Кроме Кодских городков, Алачевым принадлежало несколько волостей, в разное время пожалованных им царями: примыкавшая с юга к Коде Емдырская волость, расположенная вдоль левого притока Оби Ендыра, „первыми“ юртами в которых были Сухоруковские; далее в

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 371
[2] Там же, ст. № 203, л. 83.

Сургутском уезде — Ваховская волость и, наконец, две небольшие волостки: Вас-Пукол в Березовском уезде и Кол-Пукол в Тобольском. По данным переписи 1631 г., общая численность населения собственно Коды определяется в 345 человек мужского пола (считая малолетних и престарелых) и присоединенных к ней волостей в 254 человека, всего в 599 человек. В момент присоединения к Москве в 1644 г. взрослое ясачное население Коды, не считая Ваха, составляло 441 человек [1].

Социальный строй Коды представляет особенный интерес, потому что в ней сохранились старинные остяцкие порядки, которые до русского завоевания, вероятно, существовали среди остяков вообще.

В Коде первой половины XVII в. уже совершенно четко намечается резкая социальная дифференциация, в основе которой лежит захват кодскими остяками права сбора ясака с соседних волостей, право, вероятно, выросшее из завоевания, но закрепленное за ними пожалованием московских царей. Все население Кодского княжества распадается таким образом на две группы: на собственно кодских остяков, составляющих военную знать, не обязанную платить ясак, и на ясачных людей присоединенных к Коде волостей Емдырской, Ваховской и Вас-Пуколской. Из состава служилой знати выделяется княжеский род, который присвоил себе право сбора ясака с подвластных волостей и которому неясачная часть племени обязана служить военную и иные службы и делать добровольные приношения. Наконец, в небольшом размере существовало и рабство.

Таким образом, Кодское княжество делилось по социальному своему составу на следующие четыре группы; княжеский род, служилых остяков (иначе „поминочных остяков", т. е. платящих поминки), ясачных остяков (платящих ясак) и рабов.

Княжеская семья Коды разбивалась в 30-х годах XVII в. на три линии: первенствующее положение в ней занимало потомство Игичея Алачева в лице князей Михаила и его сына Дмитрия; рядом стоят сын двоюродного брата Игичея Онжи Юрьева, Лобан Онжин, с его детьми и престарелый Чумей Капландеев, двоюродный брат Игичея и Онжи. Вся семья была связана сознанием своего родового единства, выражавшегося в общем родовом прозвище Алачевых, которое было принято и Капландеевыми и Онжиными-Юрьевыми, не происходившими непосредственно от Алача. Отношения младшей линии к старшей принимают форму полной зависимости. Представители младших линий, несмотря на нередко высокий возраст, беспрекословно повинуются младшему по годам, но старшему по происхождению Алачеву. Одни только Онжины-Юрьевы, владетели городка Нангакора, имели особый удел (волостки Вас-Пукол и Кол-Пукол), с которого они со-

[1] Сибирский Приказ, ст. №№ 27, 71; ср. кн. № 202, лл. 183—184, 193об., 202об.

бирали ясак в свою пользу, но по сравнению со всем кодским княжеством этот удел был совершенно ничтожный (22 человека мужского пола, считая малолетних и престарелых). У князя Лобана Онжина были, правда, и свои служилые остяки (всего 6 человек в 1628 г.), с которых он получал ежегодные поминки, но и он сам и его остяки обязаны были военной службой князю Михаилу: „а на гусударевы службы князя Лобана и его остяков посылает кн. Михайло Алачев с своими людьми вместе". Это даже не вассал, а скорее кормленщик, пользующийся на наследственном праве доходами с двух волостей. Князь Сатар Чумеев не имел и такого удела, но князь Михаил давал ему жалованье мягкою рухлядью против 20 рублей в год. Он тоже был во всем подчинен своему двоюродному брату, а потом племяннику и служил всякие государевы службы „со своею братьею, служилыми людьми вряд". Он был в сущности на положении простого служилого остяка [1].

Чрезвычайно любопытно отметить выдающееся положение женщины в княжеской семье. Между тем как у рядовых остяков жена имеет значение живого товара, который закладывают, продают и перепродают, в княжеской семье женщины пользуются авторитетом и уважением и играют крупную политическую роль. Женщины разделяют с мужьями и сыновьями всю полноту власти. Княгиня Анна, вдова Игичея, пишет: „после, государь, сына моего Михаила, тою ж Кодскою вотчиною... пожаловал ты, великий государь, меня, сироту свою, и мою сноху и внука моего, Митьку Алачева" [2]. Женщины принимали участие в управлении: княгиня Анна сама объезжала ясачные волости и собирала с них дань; отдельные случайные черточки рисуют нам ее в качестве рачительной и самостоятельной хозяйки в доме сына, князя Михаила: она взыскивает сыновние долги, продает его рабыню и т. д. [3]. Можно сказать утвердительно, что среди сменяющихся членов кодского княжеского дома более яркие и сильные фигуры представляют именно женщины, у них много энергии и много инициативы. Вдова князя Алача, Анастасия, первая в княжеской семье приняла христианство и, повидимому, повлияла в этом отношении на своих сородичей, даже на своего сына Игичея, выразившего было согласие креститься [4]. Другого рода женщиной была жена самого Игичея, Анна Пуртеева. Энергичная, властная и решительная, она в 1609 г. задумывает воспользоваться „смутой" на Руси для восстановления независимости Коды, вступает в сношения с вчерашними врагами, с кондинскими вогуличами, с обдорским князем Мамруком, призывает к восстанию белогорских и сосвинских остяков, рассылает по остяцким волостям „изменную стрелу" с мисти-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 27., кн. № 202, лл. 202 — 202об.

[2] Там же, ст. № 203, л. 3.

[3] Там же, ст. № 203 и Акты времени правления царя Василия Шуйского, №№ 61 и 118.

[4] Р. И. Б., т. II, № 68.

ческими зарубками, этот языческий символ войны: „со всеми остяками итти было... к Березову городу войною в осень, как будут темные ночи". Замысел не удался, сама она была арестована, впрочем, не надолго[1]. При сыне и внуке она продолжала играть первенствующую роль, и когда в 1640 г. в Москве было решено покончить с Кодою, то обвинения во всевозможных религиозных и политических преступлениях были возведены не только на одного безличного князя Дмитрия, но и на его умную и властную бабку, которая в сущности управляла за своего внука, как в первое время после смерти Игичея она же совершенно заслоняла своего сына, князя Михаила.

К членам младших линий княжеского дома по своему положению близко примыкал класс служилых остяков. Таковыми, строго говоря, считалось все коренное население собственно Коды, своеобразная военная аристократия, племя победителей и завоевателей. Все кодские остяки, в узком смысле этого слова, жители первоначальной вотчины Алачевых, были служилыми в противоположность жителям присоединенных впоследствии волостей, плативших ясак. Неплатеж ясака и был отличительным признаком служилого остяка. Взамен ясака служилые остяки обязаны были нести военную службу. Они составляют войско князей Алачевых, с которым последние служат московским государям. По первому зову должны кодские остяки являться к своему князю. Вооружение — панцыри, шлемы и остальное — князь выдавал из своего арсенала; он же снабжал их деньгами и провиантом и ссужал котлами, топорами и собаками для промыслов. За это князья получали львиную часть военной добычи и тем покрывали свои военные расходы. „Князья Игичей и Онжа и Чумей Алачевы и дети их, — писали остяки, — нас на твои государевы службы отпущаючи, запасом и деньгами и всякою ратною сбруею, пансырями и шеломами и добрыми собаками звериными сподобляли, и мы... многих твоих государевых изменников и непослушных людей иноземцев побивали и в полон жен их и детей имали и, деля тот полон по себе и приходя со службы в Кодские городки, князьям, князю Игичею с братьею и детям их после их, князей, и внучатом Алачевым в почесть ясырем и лучшим зверем били челом и тем княжие подъемы окупали"[2]. Отправляя своих остяков вместе с русским военным отрядом за солью на Ямыш-озеро, князь Михаил, по словам остяков, „давал им подъема на всякого человека денег по 2 рубля да их же ссужал хлебом и в дорогу давал на сход котлы и топоры"; по другим сведениям, он давал по 20 рублей на всех участников экспедиций. То же давал его сын князь Дмитрий[3]. Из-за размера этой подмоги в 1636 и 1637 годах произошли недоразумения между князем и его

---

[1] Акты времени правления царя Василия Шуйского, №№ 61 и 118. Р. И. Б. II, № 79.

[2] Сибирский Приказ, ст. № 376, 27, л. 295.

[3] Там же, ст. № 203, лл. 53, 54, 64—65, 68, 70.

служилыми остяками, закончившиеся открытым восстанием [1]. В возмещение своих расходов князья брали с остяков определенное количество мягкой рухляди; так, они „за подможные деньги по 10 белок со всякого человека князю Михаилу давали". Что касается предметов снаряжения, то ими князь только ссужал своих воинов, „а котлы и топоры давал князь Михайло Алачев тем остякам в долг" [2].

В те годы, когда служилые остяки не были на службе, они платили князю „поминки" мягкой рухлядью — своеобразный вид полудобровольных приношений. От этих поминков освобождались лишь те, которые в данное время находились на службе [3]. Князь Дмитрий, кроме того, ввел оброк со служилых людей из расчета сперва 2, потом даже 3 рублей с юрта; но в этом нововведении служилая знать увидела нарушение своих прав и иммунитетов, „что (они)... служилые, а не ясачные", и возмутилась. Военная аристократия, участница и товарищ князя в грабежах и набегах, свергла его при помощи Москвы, как только были затронуты ее привилегии.

По данным переписи 1631 г., в Кодских городках было 134 служилых остяка и в Кол-Пуколской волости 4 человека; из них на службе было 16 человек, а остальные платили князю „годовые поминки" [4].

Итак, служилые остяки, представители сословия благородных, ясака не платили. Ясак платило население присоединенных к Коде волостей Емдырской, Ваховской и Вас-Пуколской. В этих волостях все жители поголовно — ясачные, т. е. подчиненные, обязанные платить дань. Это — потомки тех более слабых соседей, которых в свое время разорял князь Игичей с своими остяками, пока благодаря содействию Москвы не присоединил их к своим владениям. Факт уплаты ясака и является признаком подчинения. Если коренные кодские остяки и платили „поминки", то они это делали „в почесть"; это не есть принудительная дань по указу, не „ясак" (закон, уложение) в полном смысле этого слова, а лишь, как сказано, добровольный (хотя бы фиктивно) дар, и одна лишь попытка превратить „поминки" в оброк вызвала вооруженное сопротивление. Ясачные люди в совершенно ином положении: они — подневольные плательщики дани. По переписи 1631 г. взрослых ясачных людей в Емдырской волости было 63 человека, в Ваховской — 27, всего кодским князьям платили ясак 96 человек; в Вас-Пуколской волости у князей Онжиных было 9 ясачных людей.

Следующую группу составляют остяки, которые по бедности („худобе") или по иным причинам не в состоянии ходить „на лешню" и поэтому ни ясака, ни поминков не платят, государевой службы не служат. Они живут в „ярыжных", ходят „в подводах". Из этих

---

[1] Сибирский Приказ ст. № 376, ср. ст. № 203.
[2] Там же, ст. № 203, лл. 54, 56, 70.
[3] Там же, ст. № 27, лл. 294 — 295.
[4] Там же, ст. № 27.

обедневших остяков и образуется тот слой зависимых людей, которые делают „изделья" на князя наравне с его холопами: „которые де служилые остяки бедные, кому ясаку дать нечего, и те остяки у князя Дмитреева отца у князя Михаила и у него, князя Дмитрея (дрова) секли и сена косили и хоромный лес ко двору плавили вместе с князь Дмитреевыми людьми" [1].

Наконец, в Коде, как и в других остяцких волостях, существовало рабство в его патриархальной форме. Всего в Кодском княжестве было в 1631 г. 80 холопов, из них князю Михаилу принадлежало 57 человек мужского пола (48 некрещеных и 9 новокрещенов), другим членам княжеской семьи — 14 человек и только 4 холопа составляли собственность простых остяков [2].

Таков был социальный состав княжества, над которым властвовали потомки Алача. Он соответствовал, вероятно, составу всех независимых остяцких княжеств в эпоху, предшествовавшую приходу русских.

Владения кодских князей были закреплены за ними московскими государями. Права Алачевых на эти владения имели, как мы видели, корни в глубокой древности. Кода была их „родственной вотчиной", кодские остяки — их „вотчтинными остяками". Эти права утверждались на идее священного происхождения их власти: в семье князя Игичея хранился фетиш — „палтыш-болван, чем он княжил и кодскими остяками владел" [3]. С присоединением к Москве кодские князья попадали в положение вассалов русского царя, от которого получали обратно свою „вотчину" уже на основах пожалования; они, по выражению одной челобитной, „твоим царским жалованьем в Сибирской украйне Кодскою вотчиною и с ясачными людьми пожалованы". „Я владею теми родственными вотчинами по твоей государеве грамоте",— заявлял князь Михаил. Точно так же и „старинные, вотчинные" остяки кодских князей должны быть им послушны и платить им ясак и поминки „по государеву указу, по жалованой грамоте" [4]. Всецело на основе пожалования владели Алачевы присоединенными к их вотчинам волостями в соседних уездах [5]. Игичею, кроме того, было пожаловано в пожизненное владение поместье на Руси — волость Лена на Выми [6]. Все эти новые земли были пожалованы „за службу в Сибирской земле".

---

[1] Сибирский Приказ ст. № 203, л. 79.

[2] Там же, ст. № 27.

[3] Собр. гос. гр. и дог., II, № 148.

[4] Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 212; ст. № 203, лл. 3, 4, 14; № 27, лл. 19, 20, 70.

[5] Об этих пожалованиях см. Собрание государственных грамот и договоров, II, № 63. Сибирский Приказ, кн. № 1, лл. 115об. — 116, 205; кн. № 6, лл. 412 — 412об.

[6] Р. И. Б., II, № 68, XXIII, стр. 214. После смерти Игичея Лена не перешла к его преемнику, а была пожалована его вдове княгине Анастасии и сыну князю Петру. После них Лена вышла из рода Алачевых и вновь была пожалована князю Дмитрию Алачеву в 1646 г., когда он уже перестал быть владетельным князем Коды и превратился в простого служилого человека.

В своих вотчинах, как „старинных", так и вновь пожалованных, Алачевы пользовались широкими иммунитетными правами и были независимыми государями: „князь Михайло Алачев, — говорил на Москве березовский воевода князь Михаил Белосельский, — в Сибири человек честный и владетельный, всякие люди и во всем его слушают" [1]. В своих владениях кодские князья обладали всей полнотой власти и пользовались безраздельно теми правами, которые являются характерным признаком политической самостоятельности, а именно правом суда и правом сбора дани.

Относительно суда в жалованой грамоте на Вас-Пукол и Кол-Пукол сибирским воеводам предписывается жителей этих волостей „ни в чем не судити, а ведают их и судят... князь Игичей, да брат его Онжа" [2]. Позднее князь Дмитрий „чинит... остякам своим наказанье, кто дойдет до вины и кто довелся, батогами бьет и в тюрьму сажает", потому что, по его словам, „они — вотчинные его остяки, и за их вины, как им наказанье не чинить?" Даже в тех случаях, когда обвинителями являлись русские служилые люди, ехавшие в Березов из Тобольска, они обращались к нему, „и князь Дмитрий-де, по челобитью служилых людей, сыскав тех остяков, за их воровство наказанье чинит и вперед им так воровать не велит" [3].

Точно так же полноправны были кодские князья в собирании податей с своих подданных. Во всех их владениях остяки платили поминки и ясак исключительно своим князьям, а в государеву казну податей не вносили. Кода, как тогда выражались, было место „неясачное". Царь Федор, жалуя Алачевым упомянутые две волости, предписывал воеводам „с тех волостей ясака в нашу казну не имать... подать свою емлют князь Игичей да брат его Онжа" [4]. После присоединения Ваха к Кодскому княжеству население этой волости было поделено между князем Игичеем и царем: 17 человек платило ясак в государеву казну в Сургут а 40 человек — одному князю Игичею [5]. Князьям Михаилу и Дмитрию точно так же государь указал: „против прежнего... ясак с ясачных людей имать" [6]. Обширное обследование, произведенное тобольскими властями в 1628 и 1631 гг., дает исчерпывающие сведения о сборе кодскими князьями ясака с Емдырской и Ваховской волостей и поминков с кодских остяков [7]. Отказываясь совершенно определенно от известной части ясачного населения в пользу кодских князей, московское правительство строго следило, чтоб они не присвоили себе кого-нибудь из государевых людей. По этому

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 27, лл. 3, 4.
[2] Собр. гос. гр. и дог., т. II, № 63.
[3] Сибирский Приказ, ст. № 203, лл. 48, 56, 59, 70, 83.
[4] Собр. гос. гр. и дог., т. II, № 63.
[5] Сибирский Приказ, кн. № 1, лл. 115об. — 116, 215.
[6] Там же, ст. № 203, л. 4.
[7] Там же, ст. № 27.

поводу велись деятельные сношения между Кодой и Москвой, и обе стороны тщательно оберегали свои права на каждого ясачного человека в отдельности [1].

Исключительное право кодских князей на получение дани с своих владений оставалось бесспорным до 1628 г., когда с князя Михаила потребовали роспись его ясачных людей, и затем, под предлогом, что он будто бы утаил часть пренадлежавших ему людей, тобольские воеводы послали взять ясак со всех остяков, оказавшихся „сверх князь-Михайловой росписи". Такое нарушение его суверенных прав вызвало сопротивление со стороны князя Михаила, и по его наущению остяки ясачным сборщикам „отказали и ясаку и поминков не дали, а сказали, что не велел им давать (на государя) ясаку и поминков князь Михайло Алачев, а велел им перехорониться" [2]. Окончательно русские стали брать ясак с Коды только после того, как князь Дмитрий был низложен и его вотчины отписаны на государя.

Жалуя Алачевым вотчины и предоставляя им полную самостоятельность в деле управления ими и сбора с них дани, московские цари вместе с тем брали маленькое туземное княжество под свой протекторат и оказывали ему свою защиту. В 1604 г. царь Борис, по ходатайству князя Михаила, поручил березовским воеводам его „беречи, чтоб ему и его людем ни от кого тесноты и насильства никакого не было" [3]. Эта охрана носила вполне реальный характер. До восстания 1609 г. ежегодно „для береженья" кодских князей с „Березова посылалось по 10 человек годовальщиков русских служилых людей с огненным боем. И позднее, по просьбе кодских князей, для их защиты с Березова посылалось „сколько человек пригоже [4]".

Московское правительство, обычно столь скупое на льготы своим подданным, недаром жаловало своим кодским вассалам земли и иммунитеты. В этом выражалась определенная политика, которой Москва последовательно держалась в отношении своих колоний в первые моменты по их завоевании. Она всегда стремилась опереться на верхушку туземного общества, чтобы при ее посредстве укрепить свое владычество над массой населения. Нуждаясь в содействии нарождавшейся остяцкой феодальной знати, она согласна была пойти на значительные уступки в ее пользу, чтобы только обеспечить это содействие, и в этих целях готова была способствовать ее усилению.

Таким образом иммунитеты даровались кодскому княжескому дому с определенной целью. Имелось в виду использовать военные силы Коды.

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 1, л. 215. Р. И. Б., II, № 66.

[2] Там же, ст. № 27, лл. 446 — 447, 449

[3] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 255.

[4] Там же, стр. 255. Р. И. Б., II, №№ 68 и 79. Сибирский Приказ, ст. № 203, л. 42.

Становясь вассалами московского государя, кодские князья брали на себя ряд определенных обязанностей по отношению к своему сеньеру.

Главной из таких обязанностей было участие кодских остяков в походах, предпринимаемых русскими, и в постройке острогов. Военная служба была основною службою Москве кодских князей и их народа. „С прошлых, государь, годов,—заявляли кодские остяки в 1649 г.,—с Ермакова взятья Сибири блаженной памяти при великом государе царе... Иване Васильевиче и иным государям-царям служили мы, холопы твои, с кодскими князьями, со князь Игичеем Алачевым, и со князь Онжею, и со князь Чумеем, и с детьми их, и со внучатами: отцы наши и братья, и мы городы и остроги во всей Сибири ставили и на твоих государевых изменников и ослушников, на колмацких людей и на татаровей, и на остяков, и на самоядь, на тунгусов и буляшских людей, и на всяких ослушников служили мы, с тобольскими и с березовскими казаками за один ходили“ [1]. „В посылках в сибирских городех и в уездах,—заявлялось с пафосом в другой челобитной,—и в дальных землех служили всякие государевы службы... и кровь проливали и головы свои складывали исстари, от Сибирского взятья“ [2]. Военная служба являлась как бы платой со стороны кодских князей за предоставленное им право на владение их вотчиной: „и с тое-де Кодские вотчины велено ему (князю Михаилу) наша служба служити с теми кодскими людьми, и он-де служит всякие наши службы, струговые и лыжные“ [3].

Крупная роль кодских остяков в деле покорения Сибири не подлежит сомнению. При содействии, а может быть, по инициативе князя Игичея было завершено покорение Пелымского княжества завоеванием в 1594 г. Большой Конды, причем им были взяты в плен кондинский князь Агай и его семья [4]. Им же было предпринято в 90-х годах несколько походов совместно с русскими для завоевания верхнего течения Оби, Сургута и Нарыма [5]. Особенно были незаменимы услуги, которые оказали князья Алачевы при завоевании низовьев Оби и соседних с Обью остяцких княжеств. В 1593 г. князь Игичей и его люди с Никитою Траханиотовым „на Березове город ставили“. Он же ходил походом на обдорских остяков и покорил их русским. По смерти его, в 1607 г., „как отложился было князь Василий обдорский“, снова был послан, под командой березовского служилого человека Ивана Рябова, отряд кодских остяков, которые захватили в плен обдорского князя и его сына, а также его союзника, ляпинского князя Шатрова Лугуева,

---

[1] Сибирский приказ, ст. № 376 (невум.).
[2] Там же, ст. № 203, л. 37.
[3] Там же, кн. № 6, л. 412об.
[4] Там же, ст. № 203, л. 46, Р. И. Б., II, № 55.
[5] Там же, ст. № 203, л. 47, ст. № 339. В. Н. Сторожев, Материалы для истории русского дворянства (изд. О-ва ист. и древн. росс., 1899), Прилож. 1.

доставили их на Березов и привели обдорских остяков „под царскую высокую руку". Несколько раньше, в 1604 г., кодские остяки посылались под начальством сотника Черкаса Рукина и князя Онжи ставить Томский город. Таким образом завоевание Оби и ее притоков произведено было в значительной степени посредством вооруженных сил кодских князей [1].

Московское правительство пробовало воспользоваться кодскими остяками в своем дальнейшем завоевательном движении на восток, на Енисей. В 1618 г. князь Михаил Алачев по распоряжению из Тобольска посылал под командою Черкаса Рукина 20 человек остяков „в тунгусы" на Маковский волок ставить острог; из острога Петр Албычев посылал их на тунгусских людей, на князька Данула; в следующем году из Тобольска опять потребовали посылки 10 человек „в тунгусы"; из Маковского они ходили с Максимом Трубчаниновым на Енисей ставить Енисейский острог. Наконец, в 1627 г. в экспедиционном отряде Самсона Новацкого, посланного из Тобольска через Мангазею в Нижнюю Тунгуску „на государевых изменников" — тунгусов и гуляшей, принимали участие 40 остяков князя Михаила; поход продолжался три года [2].

Этот список походов, в которых участвовали войска князей Алачевых, показывает, насколько существенна была военная помощь Коды русскому завоеванию. Войско, которое выставляли кодские князья, численностью было по тогдашним условиям очень значительно. Князь Михаил утверждал, что с его отцом „людей его двора, служилых и ясачных, ходило 300 человек". Более точные сведения говорят об отрядах в 100, 150, 200 человек. При князе Михаиле, по его словам, посылались только небольшие отряды в 40 — 50 человек.

На остяках, участвовавших в походах, кроме военной службы, лежала, как мы видели, обязанность помогать при постройке острогов; они ставили Березов, Сургут, Томский город, Маковский и Енисейский остроги и, может быть, Нарым и Кетский острог. Во время походов на них возлагались всякие изделия. В походе на Енисей они, например, делали кочи и мелкие суда, носили за волок государеву соболиную казну.

Особого вида службой являлись ежегодные походы за Тару на Ямыш-озеро „по соль". Для этих экспедиций комплектовались из служилых людей разных сибирских городов отряды, достигавшие численности 600 человек. В их составе „беспременно" участвовало известное количество кодских остяков, при князе Михаиле 20 человек, при князе Дмитрии больше. Повинностью этой остяки

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 412об.; ст. № 203, лл. 46 — 47; № 339, 376. Собр. гос. гр. и дог., т. II, № 148.

[2] Сибирский Приказ, кн. № 6, лл. 413об. — 415; ст. № 203, л. 47; ст. № 269. ГАФКЭ, Приказные дела старых лет, 1630, № 57. Собр. гос. грам. и дог., т. II, № 148. Сибирский Приказ, ст. № 27, лл. 55, 57, сведения об убитых и раненых остяках.

очень тяготились, и ею между прочим было вызвано восстание против князя Дмитрия в 1636 г.[1]. Пользовались тобольские воеводы вооруженными силами князей Алачевых и для отдельных случайных поручений, например, в 1620 г. для задержания ссыльных людей, пытавшихся бежать через Камень[2].

Наконец, на кодских остяках лежала подводная повинность. Кодские князья должны были давать „подводы под государеву казну и под гонцов"; их подданные поэтому „в подводах ходят без прогонов", и мы видели, что среди них существовал особый разряд людей, исполнявших эту повинность. Для принуждения их имелся особый чиновник, который „ходит в ясоулех для подводов". Впрочем, эту обязанность кодские остяки исполняют далеко не рачительно: служилых людей, которым „случится из Тобольска на Березов и с Березова в Тобольск гонять на подводах с государевы делы", они „бьют, из под подвод бегают и платье и корм у служилых людей с нарт уносят"[3].

Для того чтобы кодские князья были в состоянии служить государевы службы, московское правительство выдавало им известную подмогу на прокормление их войска. Князю Игичею и его братьям были установлены денежные оклады; практика эта при Романовых была отменена, и князь Михаил был „государевым жалованьем не пожалован" и тщетно просил государя его „поверстать кому он отчеством и службою в версту"[4]. Зато до самого уничтожения княжества кодские князья пользовались очень большим хлебным жалованьем на содержание войска. Людям князя Игичея давалось „на подъем" при походах из государевой казны по 40 и по 50 четей; при постройке Томского города им было выдано даже 150 четей. Эти дачи, имевшие первоначально характер единовременных пособий для похода, затем были превращены в постоянный ежегодный оклад хлебного жалованья кодским князьям, которые сами должны были снабжать из него запасами своих служилых людей в случае войны. Оклад этот равнялся 55 четям ржи, 44 четям овса и 20 пудам соли в год. Получая хлеб из государевых житниц, кодские князья пользовались правом провоза его из Тобольска на казенных судах[5]. Наконец, еще один расход брало на себя московское правительство: содержание княжеской церкви в Коде — „государева богомолья". Из Тобольска ежегодно выдавалась причту руга в размере 15 рублей денег, 9 четей с осьминою ржи, 5 четей овса и 4 пудов соли; кроме того, посылалось церковных обиходов по полуведра вина, полупуду воска и гривне ладана[6].

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203, passim; № 27, л. 269; кн. № 6, л. 415об.

[2] ГАФКЭ, Портфель Миллера, № 541, л. 356.

[3] Сибирский Приказ, ст. № 27, л. 344; № 203, лл. 1, 49. Р. И. Б., т. VIII, № 11, (XVIII).

[4] Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 416об.; ст. № 27, л. 20.

[5] Там же, кн. № 6, лл. 411об. — 413, 416; кн. № 1, л. 12; ст. № 31, лл. 443, 445, 449, 451 — 452, 490.

[6] Там же, ст. № 31, лл. 445, 490.

В противоположность западноевропейской практике начала средних веков, когда подчинение язычников христианскому сеньеру обязательно выражалось в принятии крещения, в отношениях между Москвой и Кодой этот момент играл второстепенную роль. Вдова князя Алача и ее внук, князь Петр, приняли христианство и в 1600 г. били челом государю о построении церкви в Коде, но князь Игичей только перед смертью задумал креститься и, повидимому, умер язычником, так как нигде не упоминается его христианское имя, и это не мешало московскому правительству пользоваться его услугами, одаривать его, жаловать ему поместья на Руси и всячески за ним ухаживать[1]. Его вдова Анна, сын Михаил и внук Дмитрий были крещены. Двоюродный брат Игичея Онжа Юрьев, деливший с ним владельческие права, был язычником; сын последнего Лобан только в 1633 г., и то лишь в результате трехлетнего пребывания в Москве, принял с семьею христианство. Московское правительство относилось, очевидно, довольно индиферентно к вероисповеданию владетелей Коды; оно нашло даже возможным возвратить Онже Юрьеву фамильный „палтыш-болван" и этой языческой инвеститурой утвердило его право на „княженье". Если впоследствии оно ставило в вину князю Дмитрию и его бабке их неправославие, то это был лишь искусственный повод для упразднения Кодского княжества.

В итоге между московским государем и кодским князем сложились своеобразные отношения, напоминающие отношения между мелким вассалом и его сеньером. За свою службу и „кровь" кодский князь получал в возврат от признанного им сеньера — государя московского — свои „родственные вотчины" уже в качестве пожалования, на правах условного владения; вместе с тем государь принимал Коду под свой патронат и обязывался „беречь" своего вассала. Оставаясь совершенно независимым внутри своего княжества, кодский князь был обязан военной службой и некоторыми повинностями. Возможно, что московское правительство унаследовало такой строй отношений от предшествующей эпохи и что таков был характер зависимости остяцких князьков от Кучума.

В общем итоге мы видим, что Москва, нуждаясь в службе кодских князей, щедро оделяла их иммунитетами и, требуя от них услуг в деле завоевания Сибири, была в описываемое время заинтересована в расширении их владельческих прав. Она жестко настаивала на исполнении Алачевыми их вассальных обязательств, но зато всегда была готова поддержать властной рукой их домогательства, как сеньеров, не останавливаясь даже перед посылкой служилых людей для охраны их от собственных их подданных. Таким образом вассальная зависимость от Москвы способствовала ускорению процесса феодализации, происходившего в Коде. Иммунитеты, которые она даровала кодским князцам, особенно в воло-

---

[1] Р. И. Б., т. II, № 68.

стях, присоединенных в порядке „пожалования“ к Коде, открывали широкие возможности феодальной эксплоатации ими соплеменников, а „оборона“ от „воровских людей“ ограждала их от сопротивления этой эксплоатации со стороны населения.

Хозяйство кодских князей уже приобретает некоторые черты, характерные для хозяйства феодального. Помимо дворовых людей, которые делают на княжеской усадьбе всякое изделие: „дрова секут и сена косят. и хоромный лес плавят, и сена ко двору на нартах волочат, и во дворе робят“, и ловят рыбу на князя[1], к работам на княжеском дворе привлекались и некоторые разряды свободных остяков. Натуральные повинности, служившие важным подспорьем в княжеском хозяйстве, были очень разнообразны. Они возлагались преимущественно на остяков, неспособных по бедности либо нести военную службу, либо платить ясак. Подобно дворовым людям, на них лежала обязанность „делать изделия“: „дрова сечь в лесу и ко двору волочить и всякий хоромный лес добывать и проводить ко двору же и... сена ставить по 1500 копен и больше на год, и то-де сено... ко двору же волочить и во дворе-де... работать... на всякий день непрестанно“. Остяки, несшие военную охрану на дворе князя, повидимому, тоже привлекались к участию в тех же работах. Даже несовершеннолетние, „малые ребята“, должны были ловить рыбу на князя[2].

Крупнейшей отраслью княжеских доходов были всякие поборы мягкой рухлядью — ясак и поминки. Ясак, как сказано выше, платили жители присоединенных к Коде волостей, он состоял из собольих и беличьих шкурок[3]. С аристократии, со служилых остяков тот же ясак мягкой рухлядью (белкою) брали под видом почетного дара — поминков, „обманываючи нас“, сказано в челобитной служилых остяков, „что мы были неясачные, служилые“. Остяки, впрочем, делали тонкое различие между обоими сборами, и когда князь Дмитрий попытался обложить своих кодских подданных из оклада в 3 рубля с юрта, то они отказались на том основании, что были служилые, а не „ясачные“, и били челом государю, чтоб он их князю Дмитрию в „ясак не выдал“[4]. Кроме мягкой рухляди, служилые остяки платили поминки другими продуктами промыслов и хозяйства: „сухою рыбою, против русского конопля — кропивою“ (из которой выделывалось полотно) и рыбною снастью — „кылыданами“[5]. Эта фикция добровольного дара „в почесть“ является переходной стадией к правильному обложению привилегированной, части подданных, и мы присутствуем при борьбе, вызванной стрем-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203, лл. 78 — 79.

[2] Там же, лл. 48, 57 и др.

[3] Размер ясака варьировал, по данным 1631 г., от 1 до 5 соболей. (Сибирский Приказ, ст. № 27). Первоначально он был много выше (11 соболей), см. Сибирский Приказ, кн. 1, л. 116.

[4] Сибирский Приказ, ст. № 376. Поминки брались с каждого служилого остяка в размере 10, 20, 30, 35, 40, редко 50 белок (Сибирский Приказ, ст. № 27).

[5] Там же, ст. № 376.

лением князя ввести таковое. Борьба эта стоила князю Дмитрию престола, а кодским служилым остякам — независимости.

Большое место в хозяйстве властителей Коды занимали промысловые предприятия. Князь эксплоатировал рыбные угодья, из-за которых у него происходили даже столкновения с подданными[1]. Очень крупной статьей дохода являлись промысловые экспедиции: князь Михаил посылал своих остяков „по годам человек по 30 и по 40 на промысел в Ваховскую волость по реке по Ваху и в иные урочища для звериного промыслу", причем снабжал их необходимым инвентарем, в частности „собаками добрыми звериными". В общем эти экспедиции давали ему на год сороков по 50 и больше соболей[2].

Князья Коды извлекали значительные доходы и от торговых предприятий, так как им принадлежало право принудительной купли-продажи по ими самими устанавливаемым ценам: „что у них (остяков) сверх оброков объявится какой мягкой рухляди — лисиц черных и чернобурых и соболей добрых, и то-де у них емлет (князь Михаил) на себя в треть цены... и что-де князь-Михайловым остякам надобеть купить про свои нужды платья и котлов и топоров и иные какие рухляди, и того им князь Михайло мимо себя купить не велит"[3]. В тесной связи с торговыми предприятиями князей Алачевых находится их ростовщическая деятельность. У князя Михайлы, по словам березовского воеводы князя Белосельского, „всякие государевы ясачные люди, всякие иноземцы... задолжены". Он выдает своим подданным в долг котлы и топоры, ссужает нуждающегося остяка чем заплатить калым за жену и т. п. Долги взыскивались беспощадно. Когда остяк Вайгам Локшеев не смог уплатить полученной им от князя Михаила ссуды на покупку жены, то княгиня Анна „тое женку у Вайгама взяла за сыновень долг и продала естыльскому остяку"[4]. Наконец, крупным предпринимателем выступает князь еще в одной отрасли этого своеобразного хозяйства — на войне. Для кодского князя, как и для его служилых людей, война первым делом — выгодное предприятие, доходная статья. Князь ссужает служилых остяков всей необходимой „военной сбруей" — панцырями и шлемами, выдает им хлебные запасы и деньги на подъем и взамен получает от них лучшую часть добычи.

Общую сумму доходов кодских князей можно определить лишь приблизительно. Писцы 1631 г. исчисляли ясак и поминки в 8 сороков, 5 соболей и в 3260 белок в год, но фактически доходы были много выше, судя по тому, что в 1640 г. воры выкрали из княжеского амбара 530 рублей денег и черную лисицу, ценившуюся в 100 рублей.

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203, л. 58, 80 — 81; ст. № 376.

[2] Там же, ст. № 27, л. 420; ст. № 376.

[3] Там же ст. № 27, л. 40. О торговле князя Михаила с русскими людьми см. Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 140об.—142.

[4] Там же, ст. № 27, л. 12; ст. № 203, л. 73.

Управление в Коде, как во всех примитивных государствах, носило личный характер: князь сам судил, сам собирал ясак, объезжая для этой цели подвластные ему волости.

Центром княжеского хозяйства и управления был Кодский городок, древняя резиденция князей Алачевых. Первоначально, вероятно, действительно укрепленный пункт, он в царствование царя Михаила уже утратил свое значение крепости и был только усадьбою правящих князей. Здесь возвышались построенные в 1600 г. храм Живоначальной Троицы с приделом Николая-чудотворца и другая церковь во имя соловецких „угодников“ [1]. Из этих церквей первая служила не только местом культа, но и местом хранения оружия и других ценных вещей, унаследовав в этом, как и в остальном, бывшее назначение языческих капищ, служивших арсеналами [2]. Тут же, в Кодском городке, находился и княжеский амбар, где хранилась казна Алачевых, состоявшая из денег, мягкой рухляди и серебряной посуды, пожалованной в свое время Игичею царем Федором [3].

Здесь, в своей столице, жил кодский князь, окруженный многочисленной несвободной дворней. У князя Михаила в 1627 г. было 65 дворовых людей-язычников и 10 новокрещенов, не считая рабынь. Помимо собственной челяди, при князе „служилых остяков для обереганья от беглых людей по всякое лето до зимы жило человек по 20“. Наконец, князь держит при себе служителей культа: попа с причтом и шайтанщика [4].

Для этой выраставшей на патриархальной почве племенного быта феодальной столицы характерна та роскошь, которою при содействии московских царей обставляют себя ее владельцы: обилие дорогой посуды: 800 судов серебряных позолоченных, 2 стопы, 6 чаш и т. п.; великолепие церквей: „сосуды служебные серебряные“, евангелья и кресты „под окладом с жемчуги и с каменьем“, целая библиотека церковных служебных книг [5].

Под патронатом Москвы Кода просуществовала более полувека. Причины, которые привели к уничтожению Кодского княжества, были довольно сложны. Все эти мелкие туземные княжества в Сибири страдали отсутствием сплоченности и постоянно раздирались войнами. Этим искусно пользовалась московская администрация, натравливая их друг на друга. Кодские князья деятельно

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 6, лл. 415 об. — 416; ст. № 27, л. 46; ст. № 134, лл. 20 – 25; ст. № 476.

[2] Там же, ст. № 476. Кроме 40 панцырей, 4 луков и 50 стрел хранились здесь 2 котла пивных больших, 50 сковородчатых татарских блюд, 4 коробьи больших и 2 сундука больших с добром. Ср. у Новицкого, назв. соч., стр. 44: „шабель, панцырей множество обретается, а наипаче при кумирах“.

[3] Сибирский Приказ, ст. № 203, л. 1.

[4] Там же, ст. № 27, ст. № 203, лл. 77, 78. В 1645 г. с князем Дмитрием Алачевым в Москву приехало 20 человек его людей новокрещенов, из них 9 мужчин и 11 женщин (Сибирский Приказ, ст. № 222, л. 209).

[5] Сибирский Приказ, ст. № 203, л. 1; ст. № 134, лл. 20 — 25.

способствовали ослаблению своих соседей. Под предлогом оказания поддержки русскому правительству они разорили могущественное Кондинское княжество, позднее, в 1607 г., они помогли подчинить русской власти возмутившихся обдорских и ляпинских остяков, и благодаря им были взяты в плен и повешены ляпинский князь Шатров Лугуев и обдорский Василий. Очень скоро выяснились последствия такой братоубийственной политики: когда в 1609 г. кодская княгиня Анна пробовала объединить туземные княжества для борьбы с русскими и привлекла к союзу вчерашних врагов, кондинского князька Четырку и сына казненного обдорского князя Василия — Мамрука, то было поздно, и из замысла ничего не вышло, хотя момент для восстания был выбран очень удачный. В общем итоге, однако, Кодское княжество вышло из борьбы с соседями усилившимся и сумело сохранить под властью Москвы большую долю своей независимости. Для Коды оказались гибельными не вражда с единоплеменниками, а классовая борьба, которая шла внутри того маленького общества, над которым властвовали князья Алачевы.

В жизни Коды XVII в. ощущаются моменты глубоких внутренних противоречий. С подчинением Москве ускоренным темпом идет в ней процесс феодализации и разложения патриархальных родовых отношений. Внедрение феодальных приемов эксплоатации и порабощение массы со стороны княжеской семьи не могли не вызывать самого острого недовольства и протеста. „Нам, сиротам твоим,— жаловались кодские остяки в Москву, — за князем Дмитреем Алачевым быть однолично невозможно, и ясаку платить, и изделий делать, а потому чинятся нам, государь, от него, князя Дмитрея, и от его людей насильство и тесноты великие, и многие... наша братья от его насильства с женишками и с детишками разорились и детишек иззакладовали и испродали и промыслишков отбыли, в конец от насильства погибли и задолжали великими неоплатными долги". Все „стали от его, князя Дмитреева, насильства и многих налогов и тесноты нужны и бедны, обнищали и совсем нужны, помирают с женами и с детьми и с голоду в конец погибли", многие „разбрелись розно с женишками и детишками, живут по глухим местам, по лесам и по речкам и по сорам" [1]. Недовольство усиливалось по мере того, как князья, имея перед глазами образец Москвы, стремились увеличить объем своих феодальных прав и размер своих доходов. Подражая московскому правительству, объясачившему все туземное население без изъятия, князь Дмитрий посягнул даже на иммунитетные права служилых остяков и „учал ясак с них имать", и это вызвало, как мы видели, протест со стороны остяцкой знати и ходатайства перед Москвою, чтоб их „в ясак не выдать". Остяки тяжело ощущали гнет зарождавшегося феодального строя: захват князем принадлежащих им угодий, принуждение

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203, лл. 7—9, 48.

работать на княжеском дворе. Не надо забывать, что князь был для остяков не только носителем власти, но и прижимистым предпринимателем-хозяином, державшим своих подданных в экономической кабале. Наконец, в приемах личного управления князя было много раздражающих черт. Остяки жаловались на жестокость и несправедливость суда князя Дмитрия, на то, что он их „бьет и мучит и в тюрьму сажает и к стене приковывает и в железа сажает не за вину", „жен их и детей к себе на постель насильством емлет", и на другие проявления мелкого деспотизма.

На той ступени общественного развития, которая переживалась приобскими остяками в момент появления русских, местный культ, местное святилище, местный шайтан, священное дерево или иной фетиш служили символом племенного объединения. Такую роль культ играл первоначально и в Коде; еще в 30-х годах мы встречаем несколько шайтанщиков в Кодских городках, и шайтану продолжали приносить жертвы—лошадей, платье, может быть, даже людей[1]. В XVI, даже в начале XVII в. вся общественная жизнь Коды была связана с туземным культом и туземными верованиями; ими обосновывалась идеологически власть самих кодских князей. Князь Игичей „княжил и кодскими остяками владел по их вере" благодаря тому, что его семье принадлежал фетиш — „палтыш-болван". Каждый политический момент в Коде облекался в форму религиозного обряда, священного символа: при заключении мира пили воду с золота, совершали и другие шаманистские обряды; призывом к войне служила священная стрела[2]. Начавшийся процесс феодализации внес в религиозную жизнь Коды раздвоенность: под русским влиянием вся старшая линия князей Алачевых и некоторые другие члены их семьи перешли в христианство; на месте былого языческого центра возникает „государево богомолье". Свидетельством преданности кодских князей новой религии служило великолепие и богатство обстановки воздвигнутых в их резиденции церквей: „местные иконы и у тех икон прикладные пелены и деисусы и праздники и пророки и праотцы с херувимы и с серафимы и всякое церковное строение, алтарная казна, сосуды служебные серебряные и евангелия, напрестольне кресты и благословящие под окладом с жемчуги и каменьем и ризы", и даже библиотека богослужебных книг (в том числе 12 Миней, 2 Октоя, Триодь постная и др.) — все это было „строенье" князя Михаила[3]. Фактически, однако, нарушив старый религиозный центр, не удалось создать новый. Распространение христианства ограничилось кругом княжеской семьи. В 1610 г. священник при кодской церкви даже бил челом, что „ему-де тут быть не у чего, приходу-де никакого нет". Даже княжеский род, как мы видели, далеко не весь принял новую веру: линия Капландея так и оста-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 27, лл. 46, 55, 297; ст. № 203, лл. 48, 68.
[2] См. выше.
[3] Сибирский Приказ, ст. № 134, лл. 20 — 25.

валась в язычестве [1]. Но и те из князей, которые были крещены, не могли всецело отречься от своих старых племенных верований и впадали в „неистовое житие не единова". „Князь Дмитрей и с матерью и с людьми своими новокрещеные,—доносили о них в Москву, — живут в Сибири в своих вотчинах меж остяков в православной христианской вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагают и в скверное их требище бесовское шайтану в дар платье и лошадей дают, и люди-ж его из пищалей на церквах по крестам стреляют". Князя Дмитрия обвиняли даже в том, что он отдал женку шайтанщику к шайтану; его отец, во всяком случае, держал при себе шамана. При выезде из Коды князь Дмитрий не постеснялся „пограбить в церквах божиих... отца своего церковное строение" и по дороге в Москву распродавал сосуды церковные и церковные книги [2]. В 1628 г. в княжестве, насчитывавшем около 600 человек мужского пола, было только 10 человек новокрещенов, и это были исключительно дворовые люди самого князя.

Таким образом христианство не могло создать крепких политических устоев в Коде. Христианами была кучка феодалов, одинаково ненавистная рядовой массе остяков и как эксплоататоры и как ренегаты. Во всех мелочах повседневной жизни создавалась пропасть между князьями и их подданными. Князь не мог даже пить и есть с прочими остяками: князь Дмитрий, по его собственным словам, „из пролуби-де, где черпают воду на него, князя Дмитрия, под Кодским городком, остякам из той пролуби черпать не давал, потому что он православный христианин и ему с некрещеными пить и есть не доведется, а велел им, остякам, пролуби просекать свои", потому что некрещеные остяки „носят воду из пролуби всякими нечистыми судами" [3]. При таком положении князь был чужим для своего народа и существовал лишь для поборов и для понуждения к исполнению требований русского правительства. Сам князь Михаил, находясь в опале, говорил бывшему березовскому воеводе князю Белосельскому о своих сородичах: „а которые-де иноземцы его, князь-Михайлово, племя, а живут в басурманской вере, и тем будет то его, князь-Михайлово, оскорбление к великой радости, потому что-де то его племя отца его, князь-Михайлова, и братью его, и его, князя Михайла, не любят и на них негодуют с тех мест, как они крестились в православную веру христианскую". „От того его племени, которые его, князя Михаила, в государской милости ненавидят, или от их заговорщиков, или от иных иноземцев", он поэтому мог всегда ожидать „какое дурно или шатость или иной какой дурной завод" [4].

---

[1] Р. И. Б., т. II, № 79; Сибирский Приказ, ст. № 27.
[2] Сибирский Приказ, ст. № 203, № 27, № 134, лл. 20 — 25.
[3] Там же, ст. № 203, лл. 57, 80.
[4] Там же, ст. № 27, лл. 9, 11.

Вассальная зависимость кодских князей от Москвы, ограждавшая их феодальные и династические интересы и содействовавшая усилению их власти, еще более способствовала разрыву между ними и их племенем. Порабощенные экономически и политически своими князьями, кодские остяки в угоду им были обязаны „служить всякие государевы службы". Изнемогая под двойным игом, они всю силу своей ненависти направляли против своих князей, на которых лежала забота понуждать их к исполнению повинностей в пользу Москвы, и мечтали избавиться от этой двойной эксплоатации хотя бы путем перехода под непосредственную власть московского государя.

Опала, постигшая князя Михаила в последние годы его княженья, подорвала окончательно авторитет князей Алачевых среди их соплеменников. Революционным годом в истории Коды был 1636 год; с этого года остяки „учинились сильны", не захотели ясак платить князю Дмитрию, перестали его слушать и давать ему оброк и на государеву службу к Ямышу по соль не пошли [1]. Это началось с того, что остяки не поехали к князю Дмитрию, когда он стал вызывать их, согласно распоряжению из Тобольска, для участия в ямышской экспедиции. Вместо того они, в числе 120 человек, собрались „со всею сбруею, в панцырях, в шлемах с луками" в городок Кармыш-Юган. В восстании приняли участие остяки городков Карымкарского, Нангакорского, двух Атлымских, Кармыш-Юганского, Вежакорского, Чемашевского и Киндышской волости. Во главе стояли Телега Серистов с братом и кангакорский остяк Манера Тугупасев; в числе участников был и родич Алачевых Емелько Пуртиев. Движение сразу приняло для Алачевых угрожающий характер: они „учали-де... угрожать (князю Дмитрию) убойством" и устроили заставы выше и ниже Кодского городка, чтоб не дать ему возможности бежать в Березов или в Тобольск, „и онде, князь Дмитрей, сидит от них в осаде". Он писал в Березов к воеводе о помощи; ему прислали 10 человек служилых людей, „чтоб кодские остяки... (над ним) безвестно какого дурна не сделали". Его дядю, князя Лобана (Микифора) Онжина незадолго перед тем остяки действительно убили „своим воровским заводом". Собравшиеся в Кармыш-Югане „для мирского совета" остяки подали челобитную царю за своими знаменами о том, что „за князем Дмитрием Алачевым в ясаку отнюдь... быть невозможно, и быть не хотим" [2], прося о принятии их под „государскую руку" и выражая готовность платить ясак непосредственно в государеву

---

[1] Сибирский Приказ. ст. № 203, лл. 1 и 4.

[2] Первую челобитную привез в Тобольск 2 апреля 1636 г. Телега Серистов с двумя товарищами; вторично челобитная была подана 3 июня от имени 52 остяков, прибывших в конце концов в Тобольск для ямышевской посылки. Наконец, в третий раз челобитная подавалась 13 июня 1637 г. В противовес заявлениям недовольных кн. Алачев 14 июня 1636 г. привозил в Тобольск трех остяков кармыш-юганских и вонжегорских и одного емдырского, которые должны были опровергнуть обвинения, взводимые на него.

казну „погодно, как государю бог известит", только бы избавиться от подчинения князю Дмитрию. Одновременно поступили от остяков жалобы на их князя „в насильстве и во всякой налоге", а затем донос на него архиепископу Нектарию „в великом богоотступном деле" [1]. Хотя уже в июне 1636 г. восставшие подчинились требованию тобольской администрации о высылке людей в соляной поход на Ямыш, но движение, вспыхнувшее против князя Дмитрия, продолжалось и в последующие годы. В 1640 г. остяки разграбили амбар князя Алачева и завладели его казной; во главе их стоял опять Манера Тугупасев [2].

Точка зрения московского правительства была предрешена. Оно очень ценило и берегло кодских князей, как долго они были ему не только полезны, но и необходимы. При недостатке собственного контингента остяцкое войско человек в 100—200 являлось очень существенной вспомогательной силой. Целый ряд походов кодские остяки совершили хотя под командой русских начальников, но одни, „без русских служилых людей"; в тех случаях, когда они шли совместно с русскими служилыми людьми, их участие все-таки было очень крупное: так, в экспедиции С. Новацкого на 50 русских приходилось 40 остяков. По своему знанию местности, по привычке действовать в чужих для русских географических условиях, они были незаменимы в походах в дальние тундры, куда и позднее русские проникали только случайно. Но по мере того, как сопротивление туземцев подавлялось, Сибирь заселялась, обстраивалась острогами и захватчики сживались с местными условиями, такой большой необходимости в войсках князей Алачевых уже не стало. Западная Сибирь была к тому времени достаточно замирена; направлять кодских остяков для завоевания восточной Сибири было затруднительно, как показал поход на Н. Тунгуску, „ход" по которой был „тем остякам... не за обычай" [3]. При таких условиях независимая Кода утратила свою полезность, сделалась пережитком и пережитком невыгодным для царской казны, так как вырывала из ясака очень крупную группу туземцев.

Первая попытка ограничить дальнейший рост Кодского княжества была сделана в 1628 г., когда от князя Михаила потребована была роспись его ясачных людей, а затем была произведена перепись населения его вотчины. Писцы приехали в Коду, до тех пор недоступную для аппетитов русских чиновников, в расчете поживиться, требовали посулов от Алачевых и, не получив, произвели перепись с большими придирками, пометили ясачными служилых остяков, холопов и дворовых людей, переписали стариков и малолетних, показав грандиозную цифру утаенных будто бы князем Михаилом людей — 495 человек. Тобольские воеводы распорядились отписать на государя всех остяков, помеченных сверх

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 203.
[2] Там же, ст. № 203, л. 1.
[3] ГАФКЭ, Белгородск. стол, ст. № 15, лл. 212 — 213.

росписи князя Михаила. Впрочем, из Москвы последовал указ отписать только половину их на государя; кроме того, все 10 новокрещенов оставлены были за князем Михаилом. Одновременно князь Михаил был по распоряжению из Москвы вызван в Тобольск для выговора за утайку ясачных людей. Но вместо того, чтобы ехать в Тобольск, он неожиданно для властей поехал в Москву вместе со своим двоюродным братом Лобаном под предлогом поздравления по случаю рождения царевича Алексея Михайловича. В Москве князь Михаил бил челом об аудиенции и о производстве новой переписи. В аудиенции ему было отказано, и к „руке государевой" он допущен не был, но ходатайство о новой переписи было удовлетворено, и в 1631 г. таковая была произведена. В ожидании разрешения своего дела князь Михаил умер в Москве летом 1632 г. Его сына, князя Дмитрия, которого одно время хотели было оставить заложником за отца в Москве, после его смерти отпустили в Коду [1].

Окончательно покончило московское правительство с Кодою в 1643 г. Оно воспользовалось жалобами остяков на притеснения князя Дмитрия и доносами на него в неправославии, „невместимом богомерзком духовном деле". Хотя обвинения не оправдались, нужен был только предлог: вместе с матерью и бабкою старухою Анною он был вызван в Москву „и с того времени... в Коду не отпущен" [2]. В Москве он был щедро пожалован, записан в московские дворяне с окладом в 1000 четей и 100 рублей, засыпан подарками. Вместо Коды он получил вотчину на Вычегде — „волость, зовомую Лену, близ Еренского городка", принадлежавшую некогда его деду Игичею. Очевидно, низложение последнего кодского князя было вызвано соображениями фискального характера и отнюдь не рассматривалось как кара за преступление. Позднее мы встречаем князя Дмитрия Алачева при исполнении почетных дворцовых служб. Он, впрочем, прожил недолго в почетном плену, и когда, в октябре 1649 г., скончалась его бабка княгиня Анна, то вся старшая линия князей Алачевых пресеклась, их „роду и племени... никого не осталось" [3].

Одновременно решена была судьба и другой линии княжеского рода — Онжиных-Юрьевых: в 1644 г. князю Петру Микифорову, правнуку Онжи-Юрьева, было предписано „государеву службу служить в Тобольске" и давать ему, его матери и людям госуда-

---

[1] Сибирский Приказ, ст. № 27.

[2] Там же, ст. № 203, л. 1; ст. № 291, лл. 244 — 247; ст. № 222, лл. 208, 230; ст. № 371, Записки, к Сибирской истории служащие, в Древней Российск. Вивлиоф., ч. VI, 1774, стр. 252 — 253. Указ об отписке вотчины князя Дмитрия Алачева послан на Березов 19 декабря 1643 г.

[3] Сибирский Приказ, ст. № 222, л. 230. Р. И. Б. т. X., стр. 321, 334, 337, 349. В „Записках к Сибирской истории служащих" говорится, что князь Дмитрий Алачев был пожалован в стольники; в документах это не подтверждается. Указ о вызове его в Москву состоялся в 1639 г.; он жил некоторое время в Тобольске, откуда отпущен в Москву в сентябре 1643 г.

рево денежное и хлебное жалованье, а вотчина его была отписана на государя и положена в ясак [1].

Вотчина Алачевых — Кода — со всеми людьми была отписана на государя; кодские остяки были положены в ясак „не в силу", из расчета по 2 рубля с человека, без всякого различия, не только здоровые и взрослые, но и „старые и молодые и которые увечные" [2]. Кодский городок „стал впусте, и церкви божии стоят без пения" [3]. Из потомков Алача продолжал пользоваться некоторым уважением старик Сатар Чумеев, которому удалось выхлопотать себе и своим сыновьям освобождение от ясака. Он жил в Низянском городке и сохранил свой прежний двор [4].

В последний раз попробовали кодские остяки вспомнить свою былую независимость в 1662 г., когда они примкнули к общему замыслу всех березовских остяков, имевшему целью восстановить самостоятельность остяцких княжеств. Кодские остяки совместно с казымскими должны были подстеречь и перебить русских служилых людей на пути из Березова в Тобольск [5]. Заговор был раскрыт, и несколько кодских остяков было повешено. Кода сходит на положение прочих остяцких ясачных волостей. Впрочем, еще в начале XVIII в. Новицкий встретил среди язычников Березовского уезда „некоего княжика Алачева, иже бе знаменитого племени остяцких княжиков" [6], вероятно, потомка одной из боковых линий дома Алачевых.

Второе место по своему значению после Коды занимало в Березовском уезде Обдорское княжество, расположенное у впадения Оби в море, распространявшееся на запад до Урала, а на востоке терявшееся в тундрах, окаймляющих Обскую губу. Княжество это упоминается уже в XV в. Столицей его, повидимому, был первоначально Пулноват-Ваш (Носовой), на месте которого впоследствии был основан русскими Обдорский городок; в непосредственном соседстве с этим пунктом, в Булван-пукольских юртах, еще в XVIII в. находилась резиденция обдорских князцов. Из других городков довольно крупное значение имел Войкар (Ночной), благодаря производившейся в нем торговле с самоедами; это была небольшая крепость 90 саженей окружностью, защищенная валом пятисаженной высоты. Кроме того, упоминается Уркар (Белый) [7].

---

[1] Русская старина, 1891, № 8, Н. Н. Оглоблин, „Остяцкие князья в XVII в.".

[2] Сибирский Приказ, кн. № 202, л. 202.

[3] Там же, ст. № 400.

[4] Там же, ст. № 1683, лл. 139 — 141.

[5] Д. А. И., т. IV, № 126.

[6] Новицкий, назв. соч., стр. 73.

[7] Сибирский Приказ, ст. № 111, л. 346. Кн. Бол. Чертежа, изд. Спасского, стр. 204.

С утверждением русских на нижнем течении Оби местная княжеская династия существовать не перестала. Первый известный нам обдорский князь принял крещение и имя Василия; он был казнен за попытку восстания в 1607 или в 1608 г. [1]. Ему наследовал его сын Мамрук, умерший приблизительно в 1635 г. [2]; затем княжил сын Мамрука Молик (он был еще жив в 1652 г.) [3], а после него — его брат Ермак, казненный березовским воеводою в 1663 г. [4]. Следующим обдорским князем был сын Молика, внук князя Василия, Гында [5]; позднее, при Петре I, его сын Тайша [6] принял крещение с именем Алексея. При Екатерине II его потомки, Тайшины, были возведены в дворянское звание, по ходатайству князя Матвея Тайшина, приезжавшего в 1767 г. в качестве депутата в комиссию об Уложении [7].

Род князей Тайшиных не только продолжался в течение всего XIX в., но и сохранял свои владельческие прерогативы над обдорскими остяками [8]. Мы имеем, таким образом, исключительный пример, когда в течение трех столетий сряду княжеское достоинство у остяков переходит последовательно от отца к сыну.

Размеры княжества, подвластного этой своеобразной туземной династии, не были велики: в 1625/26 г. в Обдорской волости насчитывалось 123 ясачных человека, в 1628 29 г. — 144 человека, в 1635/36 г. — 154 человека, а в 1688/89 г. — 377 человек [9], но власть ее выходила за пределы остяцких юртов. Находясь в постоянном соседстве с воинственными самоедскими племенами, обдорские князья вели с ними непрерывную борьбу и в результате продолжительных войн подчинили своему влиянию всю тундру к востоку от Оби до берегов Тазовской губы. Когда, например, в 1631 г. ючейская самоядь в Мангазейском городе стала проявлять враждебные отношения к русским, то оказалось, что „велит-де побивать русских людей обдорский князь Мамрук“ [10]. В 1662 году к

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 413. Р. И. Б., II, № 86.

[2] Там же, кн. № 19, л. 686; ст. № 36, л. 207; № 656 и др.

[3] Там же, кн. № 73, л. 607об. (144 г.), кн. № 127, л. 460об. (147 г.), ст. № 134, л. 435 (152 г.), ст. № 331 (156 г.), ст. № 1056 (160 г.).

[4] Д. А. И., IV, № 126.

[5] Там же, V, № 68, VIII, № 44.

[6] Абрамов. Введение христианства у березовских остяков (Журн. М-ва нар. просв., 1851, IV). Памятники Сибирской истории XVIII в, т. II, № 52. Из последнего документа явствует, что год крещения Тайши Гындина, приводимый Абрамовым (1714), неверен, так как в 1718 г. он был еще язычником. Сведения Абрамова вообще часто нуждаются в проверке. Под 1706 годом тот же Абрамов называет обдорского князя Тугабалду, но о нем и его отношении к княжескому роду Василия Обдорского сведений нет; может быть, это упомянутый в 1718 г. брат Тайши Гындина — Микифор Гындин (Памятники Сибирской истории, т. II, № 52).

[7] ГАФКЭ, Сенатск. дела, № 3775, л. 406. Флоринский, Состав законодательной комиссии 1767 — 1776 гг., стр. 462, № 463.

[8] Попов, Остятские князья 1864 — 1884 гг. (Русская старина, 1890, № 11).

[9] Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 686, № 27, л. 84—85, № 73, л. 614, № 127, л. 469об., ст. № 4, л. 128.

[10] ГАФКЭ, Приказные дела ст. лет., 1630, № 86.

к князю Ермаку Мамрукову съезжалась самоядь пустозерская и обдорская, и по его наущению пустозерская самоядь напала на Пустозерский острог, а на востоке, в Мангазее, тазовская самоядь побила ясачных сборщиков[1]. Влияние обдорских князей на окрестную самоядь учитывалось русскими властями. Мамруку, например, в 1633 г. березовский воевода поручал уговорить карачейских самоедов, напавших на своих казымских сородичей, вернуть полон и грабленые животы и способствовать тому, чтоб они „впредь государевых ясачных и никаких людей не побивали и не грабили“ [2]. С другой стороны, те же обдорские князья выступают в качестве ходатаев за самоедов перед русской администрацией; так, Молик Мамруков в 1652 г. хлопочет об освобождении аманатов, взятых у карачейской самояди[3]. Это подчинение окрестной самояди обдорским князцам сохранялось и в XIX в.[4].

Москва официально признавала владельческие права обдорских князей и утверждала их в их достоинстве особыми жалованными грамотами. В 1591 г. царь Борис выдал такую грамоту Мамруку Васильеву еще при жизни его отца; в 1606 г. ему вторично была выдана грамота от имени царя Василия; в 1679 г получил жалованую грамоту Гында Моликов, в этом году ездивший в Москву хлопотать об обороне от самоедов; этой грамотой обдорским князьям была дарована привилегия „для больших дел“, которых нельзя было разрешить на Березове, обращаться непосредственно в Москву, минуя Тобольск, благодаря чему они ставились в совершенно исключительное положение[5]. В 1767 г. Екатерина II в грамоте князю Матвею Тайшину подтвердила все „дипломы“, дарованные его предкам прежними государями[6].

Зависимость обдорских князей от Москвы выражалась первым делом в уплате ясака; ясак они сами собирали и доставляли на Березов, и этим правом они очень дорожили; пользуясь известной долей свободы при сборе ясака, они нередко этим злоупотребляли, утаивая „по многие годы“ остяков, подлежавших ясаку[7]. Далее они исполняли различные поручения русской администрации: давали проводников и оленей под служилых людей, идущих в экспедицию, ездили с вестями, иногда сами участвовали в походах, собирали и призывали с ясаком самоедов на Обдорь, производили среди них уголовные расследования и ловили преступников[8]. Со своей

---

[1] Д. А. И., т IV № 126.

[2] Сибирский Приказ, ст. № 656.

[3] Там же, ст. № 1056. Характерно, что Ремезов в своем чертеже отмечает „Гиндинскую самоядь“, т. е. самоядь, подчиненную Гынде Тайшину.

[4] Попов, назв. статья.

[5] ГАФКЭ. Сенатск. дела, № 3775, л. 406. Д. А. И., т. VIII, № 44.

[6] Один из преемников кн. Матвея — кн. Иван — получил жалованую грамоту от Николая I (см. ст. Попова).

[7] Сибирский Приказ, ст. № 373; кн. № 19, л. 687. Д. А. И., VIII, № 44 (X).

[8] Сибирский Приказ, ст. № 134, л. 135. Р. И. Б., II, № 188. Д. А. И. т. VIII, № 44 (X).

стороны они пользовались защитой русского оружия от своих врагов, особенно от самоедов[1]. При всем том фактически они были почти независимы, благодаря географическим условиям их княжества, заброшенного далеко на север, в „места тундряные и болотные, близко к морю студеному", „к самому северному океану", и мало доступного русским служилым людям. Они продолжали пользоваться неограниченной властью над своими соплеменниками. По-видимому, они собирали с них в свою пользу ясак; по крайней мере, березовский воевода доносил в Москву, что Ермак Мамруков привык „имать с обдорских остяков рухлядь добрую себе, а великих государей в ясак велел-де он, Ермак, обдорским остякам класть плохую рухлядь"[2]. У себя на Обдори они были больше хозяевами, чем московский государь и его агенты. Живую картину существовавших здесь отношений дает донос сосвинского остяка Умбы Панжиева: в 1661 г. зимою в Обдорском городке он пришел в избу к представителю русской администрации, сыну боярскому Семену Лоншаку, бить челом на своего сородича Самсу из-за лодки; в это время в избу вошел князь Ермак и стал говорить ему: „Для чего-де ты на моего холопа бьешь челом?" Умба возразил: „Почему-де ты, Ермак, Самсу холопом своим называешь? Онде, Самса — холоп великих государей". Ермак за это ударил его по щеке; тогда Умба сказал ему: „Почто-де ты, вор, меня бьешь здесь? Ты-де, Ермак, вор и изменник, с самоядью-де хочешь город взять и служилых людей побить с остяками". Перепуганный сын боярский, при котором происходили эти объяснения, сказал Умбе: „Поди-де ты вон и бей челом в городе (Березове), а здесь-де и тебя, и меня убьют"[3].

Эти маленькие царьки, которых опасались приезжавшие на Обдорь для сбора ясака агенты русской власти, слушались березовских воевод и исполняли их приказания, поскольку и как долго того хотели сами; они всегда были готовы к войне, всегда были рады порвать слабую связь их часто фиктивной зависимости от Москвы, и московское правительство никогда не было в них уверено. В 1600 г., когда была разгромлена Мангазейская экспедиция князя Шаховского, в Тобольске подозревали, что остяки князя Василия обдорского участвовали в этом погроме; в 1607 г. князь Василий в союзе с ляпинскими и казымскими остяками напал на Березов; русская администрация воспользовалась для подавления восстания кодскими остяками, которые „поимали" князя Василия и его сына Мамрука. Князь Василий был повешен, и в течение трех лет тело его на виселице в Березове должно было служить устрашающим предостережением окрестным

---

[1] Д. А. И., т. VIII, № 44 (X), т. XI, № 28.

[2] Д. А. И., IV, № 126. Еще в XIX в. обдорские князья, помимо добровольных приношений, облагали подвластных им остяков и самоедов принудительными поборами (см. статью Попова).

[3] Д. А. И., т. IV, № 126.

туземцам [1]. Но уже в 1609 г. его сын Мамрук вступает в союз с соседними остяцкими князьями для общей „измены": „он со всеми обдорскими остяки и самоядью с ними в думу готов" [2]. В 1631 г. тот же Мамрук подымает на русских обдорскую и мангазейскую самоядь: „вы-де в Мангазее... побивайте русских людей, а я с моею самоядью здесь на Оби реке стану побивать русских людей" [3].

Насколько велик был престиж обдорских князей среди соседей еще во второй половине XVII в., показывает выступление Ермака Мамрукова в 1662 г. и попытка, сделанная им, создать вновь под своим непосредственным главенством большую коалицию из туземных княжеств. В нее входили, по словам березовского воеводы, все остяцкие волости Березовского уезда: Ляпинская, Кодская, Сосвинская, Казымская, Куноватская, Естыльская и Подгородная, по большей части бывшие остяцкие княжества, независимость которых была уничтожена русскими. Это в сущности была запоздалая мечта о реставрации былых туземных княжеств, на которую живо откликнулась остяцкая знать, „лучшие люди", потомки угасших княжеских родов. В будущем должна была создаться своеобразная федерация этих остяцких княжеств. После захвата Березова объединившиеся остяки предполагали выбрать „всеми волостями Березовским уездом на Березове начальным человеком Ермака", ему „приговорили быть на Березове" и „ясак-де платить Березовским уездом ему же, Ермаку". Вокруг „начального человека" Березовского края имелось в виду создать известное представительство от волостей, входивших в федерацию: с ним должны быть „начальными людьми" со всякой волости лучшие люди, которые были уже намечены; это все знатные люди, иногда потомки князей. Вместе с этими „лучшими людьми Березовского уезда" он и должен был собирать ясак и отсылать в Тобольск к царевичу Кучумову, так как остяки предполагали по-старому отдаться под власть потомкам Кучума, которые в лице Девлет-Гирея в это время как раз пытались восстановить свое владычество на Иртыше. Трудно сказать, как далеко шли действительные планы остяцких князьков; возможно, что серьезного значения толки о восстании не имели: березовский воевода в корне уничтожил замысел, повесив и Ермака и всех намеченных „лучших людей". Престиж обдорских князей был настолько велик даже в глазах русской администрации, что эта крутая расправа вызвала негодование в административных кругах Тобольска; тобольский воевода князь Хилков, отказываясь верить в мнимую измену „березовских ясачных лучших остяков", сделал резкий выговор березовскому воеводе за превышение власти [4].

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 413; ст. № 203, л. 47. Р. И. Б., т. II, № 86 и № 188.

[2] Акты времени правления царя Василия Шуйского, № 61 и № 118.

[3] ГАФКЭ, Приказные дела ст. лет., 1630, № 86, лл. 232 — 233.

[4] Д. А. И., т. IV, № 126.

Несмотря на разгром 1663 г., дававший себя чувствовать очень долго, подчинение преемников Ермака русской власти продолжало и после этого быть номинальным, и еще в первой половине XVIII в. эти маленькие „принцы", как их называет сибирский губернатор Чичерин, сохраняли полную независимость. В 1718 г. обдорские князья ведут войну с ляпинскими остяками, и брат Тайши Гындина вместе с „воровской самоядью" разоряет их юрты за то, что их князь принял крещение. Несколько лет спустя тот же Тайша Гындин во главе войска в 100 вооруженных остяков и самоедов препятствует высадке Филофея, несмотря на царский указ. Еще в первой половине XIX в. потомки князя имели в своих руках всю полицейскую власть и право суда над своими остяками и окрестными самоедами [1].

Любопытны судьбы Ляпинского княжества в том же Березовском уезде. Ляпин, подобно Обдори, упоминается уже в описании похода князя Курбского на Югру. В момент завоевания Приобья русскими владения ляпинских князей обнимали течение реки Сыгвы (иначе Ляпин), впадающей в приток Оби — Сосву, далее местность на Оби, где впоследствии вырос русский город Березов, и берега правого притока Оби — Куновати. О размерах Ляпинского княжества дают представление позднейшие данные о количестве ясачного населения в волостях, входивших первоначально в его состав (Куноватской, Ляпинской и Подгородной): в 1628/29 г. ясачных людей в них числилось 294 человека, а позднее, в 1638/39 г. — 336 и в 1688/89 гг.—641 человек [2]. В жалованой грамоте, данной царем Федором ляпинскому князю Лугую, названо шесть принадлежавших ему городков: Куноват (Кун-аут-ваш), Илчма, Ляпин (Лопынг-уш), Мункос (Мункес-пауль), Юил (Сек-телек-уш) и Березов (Сугмут-вош). Юильский городок, Мункос и Ляпин стояли на реке Сыгве на протяжении 60 тогдашних русских верст; Сугмут-ваш (Березовый город) был расположен приблизительно на месте русского Березова, в нескольких верстах от которого на берегу Сосвы, на мысу Пудовальном, во времена Миллера заметны были следы двух древних городков; Куноват (Кун-аут-ваш, т. е. город на высоком мысу) находился на берегу „некоего большого озера, сквозь которое река Куноват течение свое имеет", где в XVIII в. еще видно было Куноватское старое городище [3].

Ляпинский князь Лугуй уже в 1586 г. признал власть московского государя, но стал в отношении к нему в положение полунезависимое. Он обязался платить ежегодно ясак — 7 сороков собо-

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., т. II, № 13. Сулоцкий, Митрополит сибирский и тобольский Филофей (Временник О-ва ист. и древн. росс., XX). Попов, назв. статья.

[2] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 690, 698, 703; кн. № 127, лл. 484об., 528, 650об.; кн. № 27, л. 85об.—87, 92, 94.

[3] Собр. гос. гр. и дог., т. II, № 54. Кн. Бол. Чертеж., изд. Спасского, стр. 207. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 204 — 208.

лей на год, но выговорил себе право доставлять дань непосредственно на Вымь. Вместе с тем царь брал его под свое покровительство, и московским воеводам запрещалось „воевать его и племя его все, и людей, которые в тех шти городках живут“ [1]. Под властью Москвы Ляпинское княжество сохраняло таким образом некоторое время известную долю независимости. Лугую наследовал его сын Шатров. В 1605 г. он восстал против русских и приступал к Березову [2]; в 1607 г. он снова поднял оружие против русских в союзе с обдорскими остяками, но был разбит, захвачен в плен кодскими остяками и повешен [3].

После гибели Шатрова Ляпинское княжество распалось на свои составные части: из него выделились „подгородные“ остяки, образовавшие отдельную волость, и Куноватская волость [4]. В Куновате утвердилась одна из линий княжеского рода Лугуя — Артанзиевы [5].

В 1767 г. куноватский князь Яков Артанзиев, приходившийся будто бы праправнуком Лугую, добился у русского правительства официального признания своего княжеского достоинства [6]. Артанзиевы сохранили свою власть даже в XIX в. и продолжали пользоваться правами собственности на тундру и судебной властью над куноватскими остяками [7]. В собственно Ляпинской волости местные князьки из рода Кушкула Наева существовали не только в течение XVII и XVIII столетий, но даже и в XIX в. Впрочем уже во времена Новицкого они были лишены всякой реальной власти [8]. Еще меньше значения имели князьки Подгородной волости [9].

По характеру своих первоначальных отношений к Москве близко подходит к Ляпинскому княжеству древнее остяцкое княжество Казым на правом притоке Оби, носящем то же название.

---

[1] Собр. гос. гр. и дог., т. II, № 54.

[2] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 257. Еще в августе 1606 г. в Москве не знали, „умирилась ли Югорская земля“ (Сибирский Приказ, кн. 1, л. 18).

[3] Сибирский Приказ, кн. № 6, л. 413; ст. № 203, л. 47. Р. И. Б., т. II, № 86.

[4] Уже в 1610 г. ляпинский остяк Кушкул Наев бьет челом от имени своих товарищей „опричь куноватских остяков“; тогда же „подгородные“ остяки подали отдельную челобитную. (Р. И. Б., т., II, № 80).

[5] В 1634 г. в Ляпинской вол. упоминается Яков Артанзиев (Сибирский Приказ, ст. № 36, л. 112).

[6] ГАФКЭ. Сенатск. дела 1767 г., № 3775, л. 406. В 30-х и 40-х годах XVII в. упоминается в Куновате князец Гора Данилов (Сибирский Приказ, ст. № 331, кн. 127, л. 476).

[7] Попов, назв. статья.

[8] Сын Кушкула Наева Ерток упоминается в 1634 г. (Сибирский Приказ, ст. № 36, л. 112) Памятники Сибирской истории XVIII в., т. I, № 81 (1708 г. ляпинский князь Шекша Кушкиров), т. II, № 35 (1716 г. Семен Кушкиров), № 52 (1718 г. Семен Шекшин). Атлас Ремезова (чертеж Березовского города). Новицкий, назв. соч., стр. 40, Попов, назв. статья.

[9] Об одном из них, Никифоре Чурове, в начале XVIII в. см. у Сулоцкого, назв. соч., и в Материалах для истории Сибири, напечатанных в Чтениях О-ва ист. древн. росс., 1866, IV.

Оно существовало в XVI в.: об остяцком „граде" Казыме и местном князе говорит летописный первоисточник при рассказе о завоевании Сибири[1]. Под властью казымских князей находились три городка: Казым на устье реки Казыма, Кинчикор или Кельчикар (в 40 верстах от него) и Черикор. В 1628/29 г. в бывшем Казымском княжестве насчитывалось 100 ясачных людей, но влияние казымских остяков распространялось также на соседние племена кунной самояди, с которой они вели торговые сношения; позднее московское правительство возлагало на них обязанность собирать кунную самоядь для ясачного платежа[2].

После завоевания Казымского княжества русскими во главе его продолжали стоять туземные князья или мурзы[3]. Признав власть московских государей, они были обязаны платить определенный ясак по 4 сорока соболей и по 2 лисицы черные в год и получили право непосредственно доставлять его в Москву. В 1587 г. царь Федор даровал им соответствующую грамоту, но с основанием Березова они постепенно утратили свою независимость, в частности платить ясак стали на Березов. В 1663 г. они опять примкнули к союзу всех березовских остяков для борьбы с русскими[4]. Казымские князья существовали в течение всего XVII и даже XVIII в., и это звание переходило наследственно от отца к сыну, но никакой власти они фактически не имели[5].

Другие остяцкие княжества Березовского уезда утратили очень рано свое политическое значение и сохранялись почти исключительно как религиозные центры. Таково граничившее с Ляпиным Сосвинское княжество на реке Сосве с многочисленными городками (Искар, Тапсы, Нячин, Заглей, Вороней, Хюликар или Люликар)[6]. Сосвинские князья упоминаются еще в XVIII в. О сосвинском „княжике" говорит в частности Новицкий как о совершенно ничего не значащем лице[7]. Действительно, уже в XVII в. Сосва утратила черты политического тела; зато она, как сказано, сохранила свое значение как религиозный центр, объединявший всех живших по нижнему течению Оби остяков. К сосвинскому шайтану попрежнему собирались издалека верующие; ему молились и приносили кровавые жертвы в случаях мора и голода; у него искали благословения в политических за-

---

[1] Сибирск. летоп., стр. 28. Герберштейн, перевод Малеина, стр. 131.

[2] Р. И. Б., т. II, № 87. Кн. Бол. Чертежа, стр. 204. Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 682; кн. № 127, л. 443; кн. № 127, л. 443, ст. № 331.

[3] Р. И. Б., т. II, №№ 86, 87, 91. Сибирский Приказ, ст. № 27, л. 27, кн. № 19, л. 682.

[4] Р. И. Б., т. II, № 86. Д. А. И., т. V, № 126.

[5] В 1693 г. упоминается князь Юзор Райдуков, в 1714 г. — его сын Дмитрий Юзоров (Сулоцкий, назв. соч.; Абрамов, назв. статья).

[6] Кн. Бол. Чертеж., стр. 207. В 1638/39 г. численность ясачного населения Сосвы определяется в 350 человек (Сибирский Приказ, кн. № 127, л. 510об.), в 1688/89 г.—в 440 человек (кн. № 27, л. 88об.)

[7] Памятники Сибирской истории XVIII в., т. I; № 81. Абрамов, назв. статья, стр. 15. Новицкий, назв. соч., стр. 40.

мыслах, и ему закалывали людей всякий раз, как возникала мысль о восстании [1]. При таких условиях понятно, что в Сосве первое место принадлежало не князьям, а служителям культа. В 30-х и 40-х годах XVII в. лучшим человеком здесь является Мундер, шайтанщик, кроме него упоминаются многочисленные представители жреческих родов [2]. В 1654 г. на жертвоприношении сосвинскому богу мы находим шесть шайтанщиков [3]. Это какая-то теократия, игравшая иногда политическую роль. В 1609 г., например, когда кодские, белогорские и другие остяки пробовали поднять Сосву против русских, замысел этот был расстроен люликарским шайтанщиком [4]. Те данные, которые известны нам про остяцких шаманов, слишком коротки и отрывочны, чтобы на основании их можно было дать такое объяснение отмеченным фактам. Возможно, что в значении шаманства, которое мы наблюдаем у некоторых остяцких племен, нужно видеть пережитки более древнего быта, когда обладание магическими знаниями обеспечивало и социальное преобладание, как мы видим это в историческое время у юкагиров, у которых во главе племен стоят шаманы. Поскольку при родовом строе глава рода был одновременно и жрецом родового культа, такое сочетание шаманства с господством в племени было совершенно понятно.

Такова же судьба знаменитого Белогорского княжества у слияния Иртыша с Обью, упоминаемого в XVI в. при описании похода Ермака. По размерам своим оно было очень не велико: впоследствии две Белогорские волости в Березовском и Сургутском уездах насчитывали приблизительно 80 человек ясачных [5], но оно приобрело большое влияние благодаря своим святилищам и оракулам, привлекавшим „съезд великий". Подобно Дельфам, в белогорских кумирнях веками копились сокровища, в частности панцыри и оружие; „белогорскому шайтану" был послан в дар панцырь, снятый с Ермака [6]. Белогорский князь благодаря всему этому приобрел крупное политическое значение. „Городок выкопан на горах высоких", служивший центром и оплотом Белогорского княжества, судя по городищу, описанному Миллером, представлял собою сильно укрепленную и почти недоступную позицию [7]. У его стен, под начальством белогорского князя Самара, сражалось с казаками восемь князцов, бывших с ним „в сборе" [8].

---

[1] О сосвинском шайтане см. выше.

[2] Сибирский Приказ, кн. № 73, лл. 647 — 653, кн. № 127, лл. 493об. — 496, ст. № 331.

[3] Сибирский Приказ, ст. № 462.

[4] Акты времен правления царя Василия Шуйского, №№ 61 и 118.

[5] Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 701, № 73, л. 696об., № 127, л. 533об.

[6] Сибирск. летоп., стр. 346.

[7] Путешествие Спафария, стр. 40. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 161—162. Этот город известен под названием Самарова города; кроме того, в XVII в. упоминается Муалымский городок (там же, стр. 210).

[8] Сибирск. летоп., стр. 335.

В борьбе с русскими Самар погиб; род его, однако, продолжал княжить в Белогорье и после него. В 1609 г. белогорский остяк Таир Самаров пробовал примкнуть к заговору остяцких князей, направленному против русского владычества [1]; в 1628/29 году лучшим человеком в Белогорской волости все еще считался Байбалак Самаров [2]; в 1635/36 г. упоминается Коял Самаров, но уже в качестве рядового остяка [3]. Белогорское княжество было слишком близко к важнейшим центрам русской колонизации; на развалинах Самарова городка вырос Самаровский ям, Белогорье совершенно утратило свою самостоятельность и, кажется, подпало под влияние соседнего, более счастливого Кодского княжества [4]. Зато религиозное значение его святилищ не утратилось еще в XVIII в.

Близкое соседство с Тобольском отразилось также неблагоприятно на судьбе двух других остяцких княжеств XVI в., упоминаемых летописью в связи с походом Ермака. Оба эти княжества были расположены на реке Демьянке, впадающей в Иртыш ниже устья Тобола. Летопись называет, во-первых, демьянского князя Бояра, который подчинился Ермаку тотчас после его победы под Чувашевым и был им оставлен в прежнем положении [5]. Впоследствии его княжество образовало волость „городок Демьян"; после его смерти в нем продолжали быть лучшими людьми его сыновья, сперва Оксеит, потом Кармышак. Семейка Кармышаков упоминается в числе лучших людей волости в 30-х и 40-х годах XVII столетия, а Ромотам Кармышаков в 1643 г. бил челом от имени тобольских, сургутских и березовских ясачных людей о своде ямских охотников с Самаровского яма. Резиденцией княжеской семьи были „Бояровы юрты", отмеченные у Ремезова на карте Березовского уезда. Количество ясачных людей в Демьянском городке было в 1628/29 г. всего 37 человек [6].

Другое княжество на реке Демьянке в момент прибытия Ермака принадлежало „большому сборному княжцу" Демаяну (вернее, Нимньюяну), давшему название реке и прилежавшим волостям. По преувеличенному подсчету летописи, он мог вывести в бой

---

[1] Акты времен правления царя Василия Шуйского, №№ 61 и 118.

[2] Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 701.

[3] Там же, кн. № 73, л. 694. Дальнейшее потомство Самара см. кн. № 27, лл. 534—537. Наконец, отчество казненного в 1663 г. Петкачейка—Байлаков—следует, вероятно, читать Байбалаков, так как дело напечатано с неисправного списка, изобилующего описками в именах. (Д. А. И., т. IV, № 126).

[4] Кодский князь Алач отбирает из храма белогорского шайтана панцырь Ермака (Сибирск. летоп., стр. 346). В 1662/63 г. белогорские остяки участвовали в заговоре березовских остяков, но они не выступают в качестве самостоятельной группы в федерации остяцких княжеств, намеченной в результате предполагаемого выступления.

[5] Сибирск. летоп., стр. 26, 332—333.

[6] Сибирский Приказ, кн. № 2, л. 142об., № 19, л. 37; ст. № 448, л. 417. Атлас Ремезова. В. И. Шунков, Ясачные люди Зап. Сибири XVII в. (Сов. Азия, 1930, № 3—4), стр. 189, 191.

2000 человек татар, вогуличей и остяков; его город „велик и крепок" был взят казаками лишь после трехдневного штурма [1]. С падением городка распалось княжество Нимньюяна: „мнози разбегошася с роды в домы своя"; сам князь [2] бежал „с жилья своего" на Конду. Обломки владений бывшего „большого княжца" надо искать в одной из двух Верх-демьянских волостей, упоминаемых в тобольских ясачных книгах, в которых в конце 20-х годов числилось всего 13 ясачных людей [3]. В других остяцких городках Тобольского уезда, упоминаемых в летописи, Нарыме и Назыме, еще сохраняются некоторое время туземные княжцы, но мы не видим, чтобы они играли крупную роль [4].

В Сургутском уезде, как и в Березовском, почти каждая волость совпадала с отдельным остяцким княжеством, во главе которого стояли туземный князец и при нем ясаул. Власть князца первоначально была наследственная и переходила от отца к сыну; впоследствии русская администрация вмешивалась во внутренние порядки волостей и назначала иной раз князцов по своему усмотрению. Трудно определить роль упоминающихся в каждой волости ясаулов; известно, что на них московской властью была возложена обязанность содействовать сбору ясака, в частности „выбивать" ясачных людей в лес на промыслы, но было ли это звание туземного происхождения или создано русскими, неясно. Признаков наследственности достоинства ясаулов незаметно [5].

Из сургутских остяцких княжеств одно сохраняло еще в первой четверти XVII в. значительную долю независимости. Это было княжество Бардака, расположенное на Оби, вблизи того места, где впоследствии стоял город Сургут, построенный на принадлежавшей ему территории.

Как большинство остяцких княжеств, оно было не велико. В 20-х годах XVII в. в Бардаковской волости считалось 80 — 90 человек [6]. Власть Бардака распространялась первоначально также на кунную и асицкую самоядь, жившую в Сургутском уезде „вверх Путу реки", которой было человек 300 и больше; до 1597 г. эта самоядь не платила ясака московскому государю, „а емлет-де с нее ясак Бардак сам" [7]. Укрепленным центром княжества был городок, развалины которого, виденные Миллером, сохранились до

---

[1] Сибирск. летоп., стр. 333—334.

[2] В последнем случае Ремезов называет „князца их лутшего" Романом; вероятно, это тот же Демаян.

[3] Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 376об., 378.

[4] В Назыме в 1598 г. — князек Лебоут (Сибирский Приказ. кн. № 2, л. 1 42об., в Нарыме тогда же — князек Тыган (там же, л. 142). В 1628/29 г. в Назыме числилось 60 человек ясачных (Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 372), а в Нарыме — 58 человек (там же, л. 374).

[5] Сибирский Приказ, ст. № 49, лл. 74, 135, 152; № 285, лл. 90, 118, 195, № 381.

[6] Там же, кн. № 1, л. 281; № 19, л. 621; № 271, л. 544а.

[7] Там же, кн. № 1, л. 44об.

сих пор под названием „Бардакова городища", в 30 верстах от Сургута, у впадения в Обь Трем-Югана [1].

В 90-х годах XVI в. был еще жив сам Бардак. Ему наследовали его сыновья: Кинема, или Тонема, и Суета [2]. Еще в 1619 г. „Бардакова родня" господствовала в Бардаковской волости. В этом году Кинема и Суета „заворовали" и погромили государеву казну; в Сургуте произошла паника; против „изменников" были посланы подъячий Иван Афанасьев и новокрещен Иван Парабельский; они побили их, отбили государеву казну и „Кинемина сына большего и жену в полон взяли" [3]. Позднее во главе Бардаковской волости мы встречаем князцов, непосредственную связь которых с родом Бардака установить нельзя. Возможно, что восстание привело к устранению от власти прямой линии потомства Бардака.

Княжество Бардака интересно в том отношении, что до 1619 г. оно, повидимому, сохраняло такую же независимость, как и Кода.

„Бардаковы люди" выделялись из общей массы сургутских остяков, и Бардак продолжал и под русской властью этими „своими людьми владети"; кроме того, он брал ясак „себе" с подвластной ему самояди, по поводу чего в 1595 г. сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому было предписано ему сказать: „те люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и того, что ему и своими людьми владети" [4].

Остяки, подвластные Бардаку, с своей стороны, были освобождены от ясака в государеву казну: с них, как с людей вольных, собирались только более или менее добровольные „поминки". Конечно, это была фикция, но фикция, знаменовавшая собою политическую независимость волости; в этом отношении она составляла исключение среди прочих сургутских волостей, и, как пережиток, эти поминки „в ясака место" существовали много десятков лет, хотя они взыскивались по определенному окладу и ничем уже не отличались от ясака [5].

В качестве вассалов московского государя Бардак и его сыновья обязаны были оказывать русским властям военную помощь. Бардаковы люди участвовали в 1597 г. в походе на нарымского князя Воню. В том же году Бардаку было поручено привести под государеву руку кунную и асицкую самоядь, собрать с них ясак и взять аманатов, за что было обещано „великое жалованье". В случае сопротивления со стороны самоедов „в прибавку" к его

---

[1] Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 259. И. Я. Словцов, Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губ. (Известия Томского университета, 1890, II).

[2] Сибирский Приказ, кн. № 1, лл. 9об., 44об., 113—115.

[3] ГАФКЭ, Портфель Миллера, карт. № 478, № 67. Сибирский Приказ. ст. № 1, лл. 248—248об, № 158, л. 130, № 911.

[4] Там же, кн. № 1, лл. 18, 144об.

[5] Сибирский Приказ, кн. № 1, л. 215; № 19, л. 621; № 271, л. 549а; № 202. л. 209.

собственным силам воеводе предписывалось дать русских служилых людей. Впрочем, русская администрация мало доверяла своему союзнику; Бардак должен был „послати в поход на тое самоядь братью и людей своих, а самому Бардаку в поход ходити не велети, потому что еще Бардак и сам не добре укрепился, велети ему у себя в городе да сыну его лучшему, да брату Бардакову быти в те поры в городе ж, для того, чтоб над государевыми людьми Бардак подводу не сделал [1].

Кроме военной помощи, владетели Бардаковской волости оказывали русской власти и другие услуги, например, информировали о намерениях враждебных русским сородичей. В 1602 г. сургутский воевода князь Я. П. Барятинский посылал Кинему вместе с атаманом Богданом Зубакиным на реку Пур-Юган в кузнецкую самоядь с жалованым словом к самоедским князькам для привода их к шерти [2].

Независимость Бардаковской волости продолжалась недолго. После разгрома нарымских остяков, в борьбе с которыми русская власть нуждалась в помощи „бардаковых людей", роль семьи Бардака была сыграна. После восстания 1619 г. уже ни о какой независимости не могло быть речи, и „поминки", первоначально, может быть, до известной степени добровольные, приняли форму обязательного ясака из расчета „с человека против 2 руб. 25 алтын".

Аналогичные явления мы наблюдаем и у западных вогуличей. Большую роль в судьбах вогульских племен, обитавших на восточных склонах Урала, сыграло то обстоятельство, что через их страну проходил водный путь, соединявший с незапамятных времен Европу с северо-западной Азией. Важнейший вариант этого пути шел в XV — XVI вв. с Камы „мимо Чердынь водяным путем Вишерою (приток Камы) вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки" и отсюда на Иртыш до начала XVIII в. служил одной из артерий довольно оживленного торгового движения [3]. Этим путем ездили в Большую и Малую Конду русские торговые люди из Перми, а с Оби, из Тобольска и с Березова остяки и татары. От русских приобретали вогуличи в обмен на пушнину железные изделия: топоры, ножи и котлы. Путем торговли попадали на берега Конды предметы роскоши: серебряная посуда и дорогие материи [4].

Этим положением на большой дороге объясняется воздействие, которому подвергались жившие на Тавде вогуличи со стороны

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 1, лл. 18, 44об. — 45об.

[2] Там же, кн. № 1, лл. 9об., 113 — 115.

[3] Бахрушин, Очерки истории колонизации в XVI — XVII вв. Сибири, в. I, стр. 88 — 90.

[4] Р. И. Б., т. II, №№ 53, 63, 64.

своих более культурных соседей, в первую очередь со стороны сибирских татар, оказавших несомненное влияние на их быт и культуру. Название „мурз", присвоенное „лучшим людям" у пелымских вогуличей, встречающиеся среди них тюркские имена (Юсуп, Емелдеш, Ак-Сеит, Аблегирим) подтверждают это наблюдение. Есть повод думать, что власть сибирских ханов в той или иной мере распространялась на бассейн Тавды. Татарскому влиянию обязаны во всяком случае пелымские вогулы первыми намеками на государственное устройство: мы находим у них еще до прихода русских в качестве должностных лиц „сотников", находим обложенье черных людей ясаком; и то и другое было заимствовано у татар.

Таким образом, то объединение вогульских племен на реках Конде, Пелыме и нижнем течении Сосвы, которое русские называли „Пелымским государством", образовалось под сильным татарским влиянием. Ко времени русского завоевания оно достигло значительного могущества.

„Государство Пелымское" упоминается еще со средины XV в. Уже тогда на реке Пелыме существовало сильное вогульское княжество, во главе которого стояли туземные князьки. К тому же времени относятся первые попытки Москвы подчинить его своей власти. Пелымские князьки временами признавали над собой протекторат пермского владыки, соглашались платить дань московскому великому князю, ездили „за опасом" владыки на поклон к Ивану III в Москву[1]. Но окончательно покорить Пелым Москве удалось лишь после долгой и упорной борьбы. В течение полутора столетия пелымские вогуличи вторгались в русские пределы, и снаряжались московским правительством карательные экспедиции за Урал. Захваты Строгановых встретили ожесточенное сопротивление со стороны пелымцев, и против них главным образом были рассчитаны построенные „именитыми людьми" острожки и нанятые ими гарнизоны. Набег 1586 г., не только подвергший серьезной опасности русские поселения на Чусовой, но и угрожавший самой Чердыни, вызвал со стороны Москвы энергичные меры против пелымских вогуличей. В 1582 году было решено выступить ратью из Усолья Камского „на нартах"; одновременно, находившиеся на службе у Строгановых казаки воевали „Пелымские уезды". Однако, как и раньше, лесистые берега Конды служили для вогуличей „урочищем неприступным", завоевание шло медленно и, говоря официальным языком московских приказов, „смута в вогуличах" продолжалась. Наконец, в 1592 г. под командой князя Петра Горчакова была снаряжена большая экспедиция „на пелымского", и в 1593 г. Пелымское княжество было завоевано, князь Аблегирим со всей семьей попал в плен, а в центре

---

[1] Архангелогородск. летоп., изд. 1788, стр. 141, 161. Вологодск.-Пермск. летоп. (хранится в Гос. историч. музее), л. 490об., 491об.

его владений был поставлен русский город, долженствовавший держать в повиновении его подданных. В следующем году была разгромлена Конда, входившая в состав Пелымского „государства" в качестве удела, при содействии враждовавших с вогуличами кодских остяков. Тем не менее вплоть до 1600 г. продолжались сопротивление кондинских вогуличей нападениям кодских остяков и попытки их перейти в наступление, а в 1599 г. по-старому вогуличи, „скопясь разбоем", приходили „войною, воровством и изменою" на Чусовую и на Курью и разоряли вотчины Строгановых[1].

Разрушенное русскими „государство Пелымское" охватывало бассейн реки Конды и нижнее течение реки Тавды от впадения ее в Сосву вверх до устья реки Табары (до „Табаров", которые, как видно из наказа князю Горчакову, тоже входили в состав Пелымского княжества). Временами, во время походов за Урал, пелымские вогуличи распространяли, может быть, свою власть на соплеменников, живших к западу от Тавды. Количество воинов, участвовавших в набеге пелымских князей на Пермь в 1581 году, определяется царской грамотой в 700 человек[2]. В 1599 году, т. е. очень скоро после завоевания, в Пелымском уезде и в обеих Кондах насчитывалось 555 ясачных людей[3], что подтверждает сведения царской грамоты, так как в набеге на пермскую окраину участвовали, кроме пелымских вогуличей, туземцы западного Приуралья: „сыльвинские, косвинские, яренские, яйвинские, обвинские... татары, остяки и вогуличи и башкирцы"[4]. По данным 1628/29 г., в волостях, входивших раньше в состав прежнего Пелымского княжества, числилось 624 человека ясачных, в 1633/34 г. — более 600 человек[5].

Центром Пелымского княжества в XV в. было слияние рек Пелыма с Тавдою; здесь стоял на берегу Пелыма городок, служивший местопребыванием туземных князей[6]. Нельзя себе, однако, представлять „Пелымское государство" как нечто единое. Как самостоятельные части в него входили Конда и Табары. Конда имела собственных князей, правда, принадлежавших к тому же пелымскому княжескому роду; в Табарах тоже были свои самостоятельные князья, избиравшиеся местной знатью из своей среды.

---

[1] Р. И. Б., т. II. 100. Архив И. А. И., опис. 1927, № 613. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 255. ГАФКЭ, Миллер, карт. № 478, портр. № 1, тетр. № 19.

[2] ГАФКЭ. Строгановские дела, карт. XXV, №. 5. Из этой грамоты заимствованы цифры и в Строгановской летописи (Сибирск. летоп., стр. 12)

[3] Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 185. Буцинский понял так что, число 555 относится только к Кондам, хотя в грамоте сказано определенно „Пелымского уезда и Большие и Малые Конды ясачные вогуличи и татаровя" (Буцинский, Заселение Сибири, стр. 9).

[4] Сибирск. летоп., стр. 12, 61.

[5] Сибирский Приказ, кн. № 19; ст. № 37, л. 160

[6] В полуверсте от села Пелымского, на реке Пелымке до сих пор видны остатки овального городища, диаметром в 20 саж.; здесь находят прослойки сгнившего бересты, кости, костяные стрелы и куски обожженной глины. (И. Я. Словцов, Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губ в Известиях Томского университета, 1890, II).

Те немногие данные, которые мы имеем о пелымских вогуличах за XVI в., показывают, что еще до прихода русских в их среде произошла довольно глубокая дифференциация и что они значительно отошли от патриархального племенного быта ранних времен. Среди них мы наблюдаем резкое деление на „лучших людей" — „храбрых и сильных мурз и уланов" и на „черных ясачных людей", очевидно, обязанных им платежом ясака. В качестве знатных людей, кроме мурз, упоминаются „сотники": сотник князя Юмшана Анфим упоминается под 1484 г., когда он приходил послом на Русь; в челобитной, поданной пелымцами в 1599 г., названо 9 лучших людей — мурз и сотников; в Табаринской волости, входившей в состав Пелымского княжества, в выборах князя участвуют в конце XVI в. мурзы и сотники[1].

Из общей массы „лучших людей" выделяется в Пелыме княжеский род, резиденцией которого служил укрепленный городок на р. Пелыме. Княжеское достоинство переходило, повидимому, по наследству.

Пелымская княжеская династия известна уже в XV веке: в 1467 и 1483 гг. упоминается князь Асыка, в последующие годы его сын Юмшан (Юзшан)[2]. В конце XVI в. против русского наступления борется князь Аблегирим; когда он и его старший сын Тагай были „изведены", то пелымские вогуличи били челом, чтобы к ним был отпущен его младший сын Таустей и внук Учот, которых они считали законными наследниками. Учот, крещенный в Москве под именем князя Александра, умер; сын его, князь Андрей Пелымский, проживал впоследствии в Пелыме в качестве государева служилого человека. После его смерти в 1631/32 г. там же с матерью и детьми проживал и продолжал служить русским его сын, князь Семен Андреевич, с 1642/43 г. пелымский сын боярский, а с 1654 г. поверстанный в верхотурские дети боярские с довольно высоким окладом; праправнук Аблегирима был женат на дочери ссыльного литвина Андрея Бернадского, нес обычную службу и совершенно обрусел; он умер в 1665/66 г. Его сыновья — князья Степан и Яков — были в конце столетия детьми боярскими на Верхотурье, а внуки — князья Иван и Василий Яковлевичи — были определены в сибирские дворяне, из них старший перешел на службу в Тобольск (1752), и дослужились один до чина порутчика, а другой — титулярного советника[3].

Столица пелымских князей была вместе с тем религиозным центром для вогуличей. Близ Пелымского городка находилась священная лиственница, пользовавшаяся суеверным почитанием туземцев; еще в начале XVIII в. ветви священного дерева, увешанные

---

[1] Р. И. Б., т. II, №№ 62, 64, 59. Собр. гос. гр. и дог., т. II, № 185, Вологодск.-Пермская лет., л. 491об. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, I, №№ 3, 15, 25.

[2] Архангелогородск. летоп., стр. 136, 160, 161. Ср. Вологодск.-Пермск. летоп. под теми же годами.

[3] Сибирский Приказ, кн. № 5, л. 379; № 6, л. 57об. Р. И. Б., т. II, №№ 51, 67. А. И., т. IV, № 124 (III, V), т. V, № 57.

кожами лошадей, являлись свидетельством „многочисленного приношения скверных жертв"; в XVII в. у пелымской лиственницы приносились, как сказано, человеческие жертвы. Поблизости раскинулся священный городок: в начале XVIII в. здесь находилась кумирня, содержавшая идолы „в подобие человеческое иссеченные"; вокруг главной кумирни возвышалось на высоких столбах с грубо вырезанными на капителях подобиями человеческих лиц „малые кумирницы", в которых хранились орудия для убоя жертвенного скота: копья, стрелы и проч.; особо стояла небольшая избушка, в которой лежала куча жертвенных костей. Наконец, в окрестностях Пелыма находились Черные юрты, где хранилось священное копье [1].

Наряду с собственно Пелымским княжеством очень крупное значение приобрела Конда, входившая в ее состав в качестве самостоятельного удела. Озера и болота Большой Конды делали ее твердыней вогульского племени; здесь, в „урочищах недоступных" укрывались они в минуту опасности от врага. По количеству населения Конда была самой крупной составной частью Пелымского княжества: по ясачной книге 1628/29 г. в двух Кондских волостях насчитывалось 257 человек, в 1632 г. — 235 ясачных вогуличей, плативших ясак в Тобольске, в 1652/53 — 243 [2]; по данным от начала XVII в., с них получалось более 48% всего ясака, шедшего с Пелымского уезда [3]. Племенным средоточием Конды был укрепленный Кондинский городок Картауж, резиденция местных князей [4]. Династия, княжившая здесь, принадлежала к одному роду с пелымской, и последний пелымский князь Андрей приходился племянником князю кондинскому Василию. Из этой династии нам известны: князь Агай, который в 1594 г. со всем семейством, с братом Косялимом и сыном Азыпкой был взят в плен русскими, и проживавшие в 20-х гг. в Пелыме крещеные кондинские князья Василий и Федор, а после смерти последнего его вдова Дарья [5].

Некоторое представление о варварском великолепии вогульского княжеского двора в период независимости Конды дает описание „животов" князя Агая: два венчика серебряных, ложка серебряная, две цепочки серебряные, чарка серебряная, „завитца" сереб-

---

[1] Новицкий, Краткое описание о народе остяцком (Памятники древней письменности), стр. 82 — 84. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, 1, № 70.

[2] Сибирский Приказ, кн. № 19, л. 71; ст. № 448, л. 630. Шунков, Ясачные люди в Зап. Сибири XVII в. (Сов. Азия, 1930, № 3—4) стр. 192.

[3] Р. И. Б., т. II, № 62. С Пелымской земли — 29 сороков, 19 соболей; с Бол. Конды—22 сороков, 20 соболей; с Мал. Конды — 5 сороков. Всего 56 сороков, 39 соболей.

[4] Там же, ст. № 203, л. 46, № 42, л. 116. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, I, № 42. У Ремезова на чертеже Пелымского города отмечено: „городище осыпно место вогулско пусто" на реке Картауже, впадающей в Евру, приток Конды; вблизи этого городища указан „юрт большой Кондинский", где „живет князец" Кроме того, на притоке р. Конды — Ужинье показано другое: „городище осыпно", где „были юрты".

[5] Р. И. Б., т. II, № 53. Сибирский Приказ, кн. № 5, лл. 379, 385; кн. № 6, лл. 24 — 51.

ряная, завесь дорогильная, опушенная камчишкою двоелишною, и, наконец, драгоценные меха — 426 соболей, 13 лисиц черных и бурых и красных, 61 бобр, 10.000 белок [1].

Богатство и могущество Кондинского княжества усиливалось благодаря священному значению, какое имели в глазах вогуличей и остяков лесные трущобы, среди которых оно было расположено. Большая Конда не только была естественной крепостью от неприятеля, куда и русским удалось проникнуть только при помощи соседних туземцев; она была также „твердыней нечестия", хранившей в глубине непроходимых урочищ самые священные вогульские святыни. Родовой фетиш Нахачевских юрт, деревянный идол, которого „прославляху сего паче истуканов древнейшего", привлекал паломничество не только из ближайших окрестностей, но и издалека с Оби, и, как в древних Дельфах, вокруг него образовался склад приношений: „утварей, кафтанов, белок и прочих", накоплявшихся в течение столетий; по преданию, живому еще в XVIII в., дань, наложенную Ермаком на Конду, вогуличи уплатили из казны этого кумира „наследием отец и праотец своих". Новицкий говорит еще и про другое, еще более чтимое святилище в Конде, славившееся своим оракулом: „баснословят и се, яко и глас вещания, якобы детища слышат"; в это святилище будто бы даже князь не дерзал входить, „только един некий жрец" [2].

Третьей составной частью Пелымского княжества были Табары или Табаринская волость на реке того же имени, притоке Тавды, насчитывавшая в 1628/29 годах население в 102 взрослых человека [3]. В экономическом отношении Табары резко отличались от других частей „Пелымского государства". Здесь существовало еще до русских примитивное хлебопашество; по преданию, Ермак на Тавде „обирал" хлеб „в ясак"; и позже табаринские вогуличи пашню пахали „взгоном", т. е. наездом [4]. Из общей племенной массы выделялась знать, присвоившая себе заимствованное у татар название „мурз" и „сотников"; из среды этой знати выбирались князья. Такой порядок сохранялся некоторое время и после русского завоевания. Так, в 1598 г. выбрали мурзы и сотники на княжение Бочу мурзу „на княжь Кильдеево место" [5]. Центром Табаринской волости был „град" на устье реки Табары [6].

---

[1] Р. И. Б., т. II, № 54.

[2] Новицкий, назв. соч., стр. 84—85, 100—101.

[3] Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 664—668.

[4] Там же, кн. № 5, л. 310.

[5] Р. И. Б., т. II, № 62.

[6] Кн. Бол. Чертеж., стр. 210. Вероятно, что название реки „Табара" соответствует позднейшему названию „Иска", или „Икса", на устье которой во времена Миллера лежал „Табаринский городок" (Опис. Сибирского царства, стр. 121, Ср. портфель Миллера, 506, л. 94об.). Мы действительно находим на реке Иксе деревню „Городок". При этой деревне до сих пор видна группа земляных укреплений. (Словцов, Матер. о распределении курганов и городищ в Тобольской губ.). Другое городище известно на реке Шиш в трех километрах от села Табаринского (там же).

Такое сильное и по-своему стройное при всей своей примитивности объединение, каким было Пелымское княжество, объединявшее наиболее многочисленную группу сибирских вогуличей, не могло исчезнуть сразу. Живучи были старые пелымские традиции и навыки. Еще в 1612 г. вогуличи мечтали о походах на Русь, о том, чтобы „выпустоша пелымские города, да итти на Пермь пермские города воевать"; ворьинские вогуличи хотели притти „оманом" на Пелым и „людей ножи резать"[1]. Неоднократно делались попытки вернуть былую независимость. В 1609 г. затевает „измену" кондинский мурза Четырко, ездит „вверх по Конде во всю Кондинскую землю к кондинским вогуличам для измены" и вступает в переговоры с исконными врагами Конды, кодскими остяками[2]. В 1611/12 гг., когда вспыхнувшие в метрополии восстания поколебали русскую власть в колониях, имела место в пелымских вогуличах „шатость великая" и „измена"; но движение было жестоко подавлено русской администрацией: при воеводе Петре Исленеве человек с 10 было повешено и больше 30 человек бито кнутом; при его преемнике многие биты кнутом и лучшие люди взяты в аманаты в город. Но еще значительно позже, в воеводство князя А. К. Трубецкого в Тобольске (около 1630 г.), когда в Тарском уезде вспыхнула смута, „Пелымской волости кондинские ясачные люди, человек со 100, выезжали из Конды на Иртыш реку и проведывали вестей, что над Тарским учинится, и им было по тем вестем также воровать над Пелымским городом"[3].

Естественно, что племенные связи, создавшиеся на берегах Тавды и большой Конды, не могли сразу порваться. Очень скоро по основании Пелымского города русскими туземная знать, как мы видели, уже бьет челом о возвращении в их родные юрты наследников погибшего князя Аблегирима. Неизвестно, как отнеслось русское правительство к этой просьбе, но в 1618 г. и позднее в 1624 г. потомки пелымских и кондинских князей — князь Василий Кондинский, его брат князь Федор и их племянник князь Андрей Пелымский, сын Александра-Учота, внука Аблегирима, — жили в Пелымском городе и были приписаны к местным детям боярским. Они совершенно обрусели, сжились со своею братьею служилыми людьми, усвоили их привычки и образ жизни, несли обычные службы и исполняли поручения русской администрации (так, в 1618 г. на князя Федора Кондинского был возложен досмотр пригодных к распашке земель в Пелымском уезде). У князя Василия в Пелыме на остроге, под городовою стеною, был свой двор с русской мыльнею; он имел крещеных дворовых людей; тут же в остроге был двор его брата, князя Федора; у князя Андрея Пелымского

---

[1] Р. И. Б., т. II, № 100.

[2] Архив И. А. И., опис. 1928, № 313. Акты истории царствования Василия Шуйского, № 118.

[3] Сибирский Приказ, ст № 37, л. 160. А. А. Э, т. III, № 79, № 326. А. И., т. III, № 1. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 478, т. II, № 64.

своего двора не было, и он жил на чужом подворье. Против города, за рекою Тавдою, князю Василию принадлежала деревня, приобретенная им покупкою у соборного протопопа, а на Пелымке, в общем владении с братом и племянником, имелись сенные покосы. По своему служебному и экономическому положению бывшие князья Пелыма и Конды ничем, таким образом, не отличались от прочих служилых людей[1]. При всем том старший в семье. князь Василий, продолжал считаться владетельным князем Конды и пользоваться суверенными правами в своем бывшем княжестве. Напрасно московское правительство, подозрительно относившееся к туземным князькам, в 1624 г. запретило „кондинских князей, князь Федора, да князь Василия, с Пелыма в Большую Конду ко племени (их) отпущать... потому что им нарушить православную крестьянскую веру"; фактически управление Кондой оставалось в руках древнего княжеского рода: „у него, князя Василия, и у князя Федора, — говорилось в царской грамоте 1624 г.,—в Большой Конде родные братья, наши ясачные мурзы, а рядовых наших вогулич ведают в Большой Конде они, мурзы, князь Васильевы братья". Можно проследить тех лиц из княжеской братьи, которые, за отсутствием самих князей, стояли во главе Большой Конды. После пленения княжеской семьи представителями интересов кондинских вогуличей являются Курманак-мурза Танаев и Елак или Елиг[2]; в 1609 г. встречаем на Конде князя Четыря (Четырко)[3]; в 30-х годах мурзою был его сын Исупка Четырев; одновременно с Исупкою упоминается и другая линия мурз — Ортюга Агаев, сын последнего независимого кондинского князя Агая и его сын Ивашко, а в 60-х годах—Отя Ортюгин. Все эти мурзы были между собою в родстве, принадлежали к одному роду; Четырко в одной челобитной называет поэтому Курманака, Ортюгу и Елига своею „братиею". Резиденция их по-старому была столица Конды — городок Картауж[4]. Такие же князья или мурзы имелись и в других частях бывшего Пелымского княжества, например, в Табаринской волости. Здесь, в конце XVI и в первые годы XVII в. упоминается полтабаринский мурза Булубай Лариков, Баюраско князь Лариков, князь Килдей и Боча-мурза[5]; в 1634/35 г. — мурзы Емелдяш Еменев, (или Кудашев, как он назван в одном документе 1623 г.), его сын Ак-Сеит Емелдяшев и Елка Курташев, управлявшие,

[1] Сибирский Приказ, кн. №6, лл. 25об., 28, № 5, лл. 379, 385. ГАФКЭ. Портфель Миллера, 478, II, № 69. В 1627 г. князь Андрей Пелымский получал 13 руб. жалованья (Сибирский Приказ, кн. № 14, л. 298).

[2] Р. И. Б., т. II. № 59 (104 г.), № 70 (108 г). Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 255 (после 108 г.).

[3] Акты времени правления царя Василия Шуйского, № 118, Архив. И. А. И., опис. 1928, № 313

[4] Сибирский Приказ, кн. № 127, л. 1086; ст. № 42, л. 413; № 448, л. 630. Кн. № 535, л. 329об., 330 — 330об. ГАФКЭ, Портфель Миллера, 477, II, № 42. Шунков, назв. статья, стр. 192.

[5] Р. И. Б., II №№ 58, 62. ГАФКЭ. Портфель Миллера, 478, № 2, 3, 25.

повидимому, другой половиной волости, населенной пашенными вогуличами [1].

Таким образом на местах в XVII в. сохранились обломки бывшей династии. В своей среде мурзы продолжали и под русским владычеством выбирать своих князей; так, мы видели, что в Табаринской волости в 1598 г. был избран мурзами и сотниками „на княженье" Боча-мурза. Избрание лишь косвенно было санкционировано русским правительством: по случаю своего избрания новый князь государю челом ударил сороком соболей [2]. Наряду с избранием действовало и наследственное право: мурза Исуп, как сказано, был сыном князя Четыря, Ортюга был родным сыном последнего независимого кондинского князя Агая; наряду с ним и Емельдяшем упоминаются также их сыновья. Мурзы имели большое значение в Пелымском уезде; с ними сносились воеводы относительно ясака, посылали им подарки: лошадей, сукна, за что они, с своей стороны, отдаривали мягкой рухлядью [3]. Но в Конде над всеми местными мурзами, принадлежавшими к княжескому роду, долгое время продолжали стоять находившиеся в русском плену представители старшей княжеской линии, почитавшиеся прямыми наследниками древних князей. В их руках еще в царствование Михаила Федоровича продолжала сохраняться не только в идее, но и в действительности суверенная власть над Кондою, хотя они и жили в почетном плену на московской службе.

В 20-х годах XVII столетия таким суверенным владыкою Конды был старший из семьи пелымских и кондинских князей — князь Василий Кондинский. Несмотря на царские указы, он продолжал ездить в Большую Конду в юрты с племянником князем Андреем Пелымским и с людьми своими „без отпросу". Власть его была совершенно реальная, и он пользовался наряду с московским государем доходами с подчиненных ему областей. Так, он получал со своих подданных ясак сверх того, который шел в государеву казну: „которая будет у ясачных людей лучшая мягкая рухлядь, и те-де мурзы, князь Васильевы братья, велят опричную мягкую рухлядь оставливать ему, князь Василию, — говорится в одной царской грамоте, — в наш ясак клать не велят и приносят к нему тайно, по его, князь-Васильеву приказу". Еще в середине XVII в. мурза Иван Артюгин „для своей бездельной корысти" собирал государев ясак и поминки „у себя в юртах" и присылал в Пелым лишь небольшую его часть. Князь Василий пользовался по-старому правами на угодья в своем прежнем княжестве и, несмотря на запрет „в вогульских юртах по Тавде реке с вогуличи вместе рыбу ловил во все лето". Наконец, князь Василий ходил в Конду „торговать к братье своей", и это был тоже пережиток его владельческих прав на торговую монополию. Он, повидимому,

---

[1] Сибирский Приказ, ст. 37, л. 216, № 42, лл. 108, 109, 359.
[2] Р. И. Б., т. II, № 62.
[3] Сибирский Приказ, ст. № 42, лл. 28об., 45об.

сохранял также власть над личностью своих подданных; его обвиняли в том, что „он взял из Конды две вогулки и продал в Кошуки татарам“ Таким образом, под внешним покровом русского владычества в Большой Конде продолжала некоторое время итти своеобразная жизнь собственного туземного княжества, и местные князьки соперничали с успехом с московским государем, разделяя с ним и власть и доходы. Пелымские воеводы были обеспокоены тем положением, которое занимал бывший властитель Конды, и особенно конкуренцией, которую это создавало в сборе ясака: „только будет тому князь Василию Кондинскому и брату его князь Федору, и племяннику его князь Андрею Пелымскому, быть на Пелыме, и в нашей казне мягкие рухляди при них отнюдь не будет“, — писали с их слов из Москвы [1]. На этой почве между кондинским князем и воеводами происходили столкновения и ссоры, благодаря которым слегка приоткрывается картина местной стародавней жизни в Пелымском уезде, обычно мало заметной за условными формами приказной переписки.

Признаки этой местной жизни сохранялись в Конде очень долго. В течение всего XVII в. Конда оставалась недоступной русскому влиянию, и зависимость ее ограничивалась более или менее аккуратной уплатой ясака, который сами мурзы собирали „у себя в юртах сороками, а не поголовно“, как того требовали русские власти, не допуская непосредственного обложения данью каждого отдельного своего подданного. В трущобы Конды русский служилый человек проникал лишь с опаской. „Да в той же, государь, Кондинской волости, — жаловался пелымский воевода в 1654 году, — в твоих государевых людех меж собою чинится у них великое воровство и убойство, друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и разбивают и из луков стреляются и ножи режутся и побиваются меж собою до смерти... И те, государь, убойцы, твои государевы ясачные люди, пелымским служилым людем не даются, из луков служилых людей стреляют“ [2]. В 1680 г. кондинский князь Кынча, крещенный с именем Симеона, получил жалованную грамоту, утверждавшую его в княжеском достоинстве. Еще в первой четверти XVIII в. Кондинское княжество отличалось от прочих таких же туземных княжеств своей независимостью. „Кондинский княжик,— по словам Новицкого,—иже там правительствует подручными себе, жительствующими над Кондою, ему же с послушанием отчасти повинуются, зане наследие от прежних кондинских княжиков“. Новицкий отмечает в противоположность эфемерному могуществу прочих туземных князьков: „княжика своего имеют, — пишет он о кондинских вогуличах, — и вящим сии сего повиновением, неже остяки княжиков, почитает“. Княживший в то время в Конде Сатыга мог поднять „человек до 600 вооруженных“ и оказал вооруженное про-

---

[1] Сибирский Приказ, кн. № 6, лл. 28об, 37, 38, 42об., 45об.; ст. № 448, л. 631.
[2] Там же, ст. № 448, л. 633. Ср. кн. № 535, л. 329об. — 330.

тиводействие миссии Филофея[1]. Потомки Сатыги продолжали княжить в Конде в течение всего XVIII в., наследуя друг другу „по примеру и по званию предков своих и по данному... выбору оной Кондинской волости от новокрещеных ясачных остяков". В 1732—1747 гг. ему наследовал его сын, князец Осип Григорьев (1713—1747), а за ним сын последнего Влас Осипов, который в 1749 г. „определен был в Кондинской волости на место отца"; потомки другого сына князца Осипа, Ивана Осипова, продолжали претендовать на княжеское достоинство Русская власть приняла, однако, свои меры, чтобы руссифицировать этих маленьких потентатов, и сам Сатыга в конце концов был принужден креститься под именем Григория; его сын Осип Григорьев уже обучался в тобольской архиерейской школе.

Русская администрация свела к этому времени кондинских княжиков к положению ответственных за их племя агентов фиска, обязывая их „исправлять в надзирании новокрещеных и при ясачном сборе ясачную казну отправлять". Потомство второго сына князя Осипа Григорьева, Ивана, еще в первой половине XIX в. претендовало на княжеское достоинство, и в 1842 г. праправнук Сатыги, скромный учитель Туринского уездного училища, Александр Иванович Сатыгин исходатайствовал себе утверждение в этом звании[2].

Итак, еще до появления русских среди остяков и вогуличей можно отметить признаки зарождения феодальных отношений. Племенные князьки захватывают в свою пользу сбор ясака с покоренных племен, присваивают себе охотничьи и рыболовные угодья, заставляют своих соплеменников работать на себя и отнимают у них часть их охотничьей добычи. Этот процесс образования феодальной знати из среды племенных князьков не прервался и под русскою властью.

Древние племенные княжества остяков и вогуличей продолжали существовать, и некоторые из них долгое время сохраняли значительную долю внутренней независимости. Московское правительство выработало в отношении их определенную политику. Как общее правило, объясачивая ту или иную остяцкую или вогульскую волость, оно оставляло во главе ее представителей старой племенной знати, используя их в собственных целях; их руками оно держало в повиновении вновь покоренное племя и собирало с него ясак. Позднее. когда сопротивление туземцев было окончательно подавлено, „лучшие люди" стали назначаться администрацией. В виде исключения наиболее видных представи-

---

[1] Новицкий, назв. соч. стр. 108.

[2] Летопись Истор. родослови. о-ва в Москве, 1913, I—II; В. С. Арсеньев, Кн. Сатыгины-Кондинские. Там же, К истории рода кн. Сатыгиных-Кондинских.

телей княжеских родов правительство освобождало лично от ясака, хотя и очень неохотно, упорно отказываясь распространять эту привилегию на членов их семей. В случае если тот или иной князец принимал крещение, то его верстали на службу обычно в дети боярские и обеспечивали жалованьем денежным и хлебным, в зависимости от его значения и знатности В первой половине XVII в., пока правительство нуждалось в военной службе туземных князьков для покорения страны, оно в ряде случаев не только предоставляло туземным княжествам большую внутреннюю самостоятельность, но даже, как это имело место в Коде, своими пожалованиями способствовало усилению той феодальной знати, в которую перерождалась родовая знать племени. Эту феодализирующуюся верхушку племени московская власть необыкновенно искусно использовала для своих завоевательских целей, натравливая одних князцев на других, проникая при их содействии в „трущобы непроходимые". С своими служилыми остяками остяцкие князцы много содействовали успеху русского завоевания Приобья, и помощью, которую русские постоянно получали от своих туземных подручников, объясняется та быстрота, с которой было завершено покорение и объясачение Западной Сибири.

Но, использовав в целях порабощения туземного населения эту нарождающуюся феодальную знать, Москва с таким же цинизмом расправилась и с ней, как только почувствовала в ее лице соперницу в деле эксплоатации туземного населения, разорила и свела ее на положение агентов русской администрации, по существу ничем почти не выделяющихся из общей массы племени, властной рукой приостановив рост ее могущества. В итоге наблюдаемый в XVII в. процесс феодализации остяцкой племенной знати не получает дальнейшего развития в виду одновременного противодействия и со стороны населения, и со стороны русской администрации.

ТЕКСТ ОСТЯЦКОЙ ШЕРТИ 1484 года

Лета [69]93 месяца декабря в 31 день. На усть Выми имал мир князи, вымские Петр да Федор, да сотник вычегоцкой Казак да владычен слуга Левашь за владычни за все, да вымичи Корос а вычегжена Сидор Он[ки]динов с князми югорьскими и с код скими с Молданом, и княз Петр, княз Федор с Пыткеев (д. б. Пыт кеем); а сотник Казак с Пыткеем-же; а владычный слуга Левашь с Пынзеем с Чалмаковым братом; а Кирос с Молдановым сыном а Сидор с Немичевым сыном. А имате (sic!) князи кодские и югор ские за все за свои люди, что под ними есть. А за Ляба миру не имали того для, что не под ними; а поедет Ляб Обдора воевати и кодичем весть дръжати обдорцом. А Екмичева сына Сонту вла дыка дал Молдану да Пыткею на руки, да Пынзею; за отца его Екмыча те-же ся поимали, что им быти добрым. А мир их таков подкинувше елку в жерьдь протолсту, протесав на четыре, а под нею послали медведно, да на медведно покинули две сабли остреи вверх супротивно, да на медведно же положили рыбу да хлеб А наши поставили вверх елкы крест; а югричи по своему жабу берестену доспену (?) и с нохти, да привяжуть под крестом ниско да под жабою над нами, как почнут ходить вокруг елки в посо·лон. дръжати две сабли, подкнув елку остреи вниз. Да человек стоячи, приговариваеть: „кто сьсь мир изменить, по их праву бог казни". Да обойдуть триж[ды], да наши поклонятся кресту, а они на полдень. А после того всего с золота воду пили; а приговор их так-же: „кто изменить, а ты, золото, чюй". (Сборник Академии Наук СССР 4. 3. 15, лл. 43об — 44об. Ср. отчет Российской Академии Наук по отд. матем. и ист.-филолог. за 1914 г., стр. 47, где помещена краткая заметка об этой рукописи и издан отрывок из нее. При печатании исправлена пунктуация, раскрыты титлы, и заменены буквы, отсутствующие в современном правописании).

Для понимания текста шерти может служить Пермско-Волого·дская летопись (Моск. гос. ист. музей, Синод., 485), в которой под 6991 (1482/83) годом сообщается о походе князя Федора Курб·ского и Ивана Ивановича Салтыка на пелымских вогуличей, „и по·идоша оттоле воеводы князя великого в Сибир и повоеваша Си·бирскую землю и поидоша оттоле на великую реку Обь, ширина

219062004
Окружная библиотека